

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера



Политология

Новая Стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие

5

М. Неймарк

Президент В. В. Путин 2 июля 2021 г. утвердил новую редакцию Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Она отражает новые риски и угрозы в современном мире и способы противодействия им, а также те изменения в России, благодаря которым в последние годы существенно укрепились её позиции в глобальной политике и усилилась роль не только в формировании мировой повестки, но и в её реализации.

Односторонние санкции Запада как элемент гибридной войны

19

А. Орлов

В статье исследуется проблема односторонних санкций, произвольно вводимых США, Евросоюзом и их союзниками против России. Автор отмечает, что только Совет Безопасности ООН правомочен в соответствии с Уставом ООН принимать решения об установлении санкционных режимов в отношении стран, которые своими действиями создают угрозу миру и международной безопасности. Любые иные подобные односторонние действия являются нарушением международного права и должны рассматриваться как форма агрессии. Односторонние санкции – часть инструментария гибридной войны. Автор отмечает, что рассчитывать на ослабление антироссийского санкционного прессинга в ближайшие годы не приходится, а сам санкционный механизм будет приобретать всё более изощрённые и аморальные формы.

Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики 33

А. Подберёзкин, О. Родионов

Авторы рассматривают ключевые вопросы использования институтов развития национального человеческого капитала: их функции, структуру и формы.

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и российско-китайское стратегическое партнёрство 48

В. Нежданов, П. Цветов

Взаимоотношения России и Китая на современном этапе неоднократно характеризовались как наиболее благоприятные за весь период двусторонних отношений. Их состояние и развитие связано с переходом «пятого поколения руководителей» КНР во главе с Си Цзиньпином к активной внешней политике, что потребовало введения новых концепций и понятий, таких как «Китайская мечта», «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии», «Сообщество единой судьбы человечества», «историческая память». Перед российским экспертным сообществом стоит задача дальнейшего овладения сутью многих дефиниций, используемых руководством КНР.

Сотрудничество России и Ирана в сфере безопасности: проблемы и перспективы 61

С. Воробьев, Г. Рабочев

В статье рассмотрены основные аспекты внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сфере безопасности, в частности, сотрудничество в Каспийском регионе.

«Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира Угрозы и перспективы 70

Р. Шангараев

В последнее время происходит изменение внешнеполитических векторов Турции, укрепляются её позиции на Ближнем Востоке, идёт активизация военного присутствия на постсоветском пространстве, в том числе прорабатывается вопрос создания так называемой «Армии Турана», в которую планируется интегрировать вооружённые силы тюркских республик Средней Азии и Кавказа, консолидированных на национально-религиозной идентичности, что в долгосрочной перспективе может угрожать стратегическим интересам России.

Этнокультурные особенности государственного строительства в Боснии и Герцеговине

85

А. Суязова

В статье проанализированы межэтнические противоречия в Боснии и Герцеговине и их влияние на формирование национальной идентичности в стране. Отмечается высокая степень разобщённости народов во всех сферах жизни общества и, как следствие, деструктивная роль курса на насильственную централизацию. Делается вывод о возможности установления стабильности в регионе на основе компромисса сторон, отсутствия внешнего диктата и соблюдения конституционных принципов Дейтонского соглашения.

Проблемы политологического образования в современной России **Попытка количественного исследования**

96

А. Абрамов, А. Воробьёв

В статье проведён анализ статистических данных по политологическому образованию в России. Авторы сосредоточили своё внимание на наиболее актуальных вопросах: набор абитуриентов на бюджетные и коммерческие места в вузы, подготовка аспирантов и защита диссертаций по политическим наукам, статус дисциплины «Политология» в вузе и средней школе.

Научная жизнь

Предложения к новой редакции Стратегии национальной безопасности России

111

С. Цырендоржиев

В рецензии на монографию А.И. Подберёзкина «Оценка и прогноз военно-политической обстановки» отмечается большая работа, выполненная автором и возглавляемым им коллективом по анализу военно-политической обстановки и разработке научно обоснованного прогноза её развития. В работе рассмотрены наиболее вероятные сценарии ВПО как важнейшей основы для разработки Стратегии национальной безопасности России, адекватной и эффективной с точки зрения существующей и прогнозируемой международной обстановки.

Содержание на английском языке / Contents in English

114

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

**Издатель: Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)**

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, доктор политических наук, профессор

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор;

ЕРЕМЕНКО И. Н. – заместитель главного редактора, кандидат технических наук;

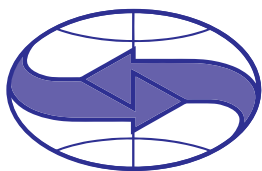
АБАШИДЗЕ А. Х. – доктор юридических наук, профессор; **ГРОМЫКО А. А.** – доктор политических наук, член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – доктор исторических наук; **ЗАДОХИН А. Г.** – доктор политических наук, профессор;

КАРТАШКИН В. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

КУЗНЕЦОВА О. Д. – доктор экономических наук; **КУТОВОЙ В. М.** – доктор экономических наук, профессор;

ЛУЗЯНИН С. Г. – доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ А. А.** – кандидат исторических наук;

ПАВЛОВ Е. Я. – доктор юридических наук, профессор; **ПЛЯЙС Я. А.** – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – доктор политических наук, профессор; **РУДОВ Г. А.** – доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – доктор философских наук, профессор.



**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

© Институт стран СНГ

Новая Стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие

Марк НЕЙМАРК

Утверждённая СНБ-2021 [1] по своей структуре стала более чётко выстроенной и в концептуальном плане продуманно профилированной.

Появились новые проблемно-тематические блоки, оценочные позиции и приоритетные акценты.

Степень обновления СНБ-2021 наглядно проявляется в сравнении с предыдущими документами национальной безопасности России.

От концепции – к стратегии

Первая концептуальная модель национальной безопасности России зеркально отражала сложнейшие объективные условия 90-х годов, в которых она разрабатывалась: кризис государственной субъектно-

сти, системно-формационная трансформация государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис, ускоренное наложение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных ря-

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код:* 2491-0280, *E-mail:* mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: Россия, национальная безопасность, геополитика, стратегическая стабильность, СНБ-21.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 2021. 2 июля // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf>

дов и, как следствие – кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванным распадом СССР. Тем, кто был причастен к разработке первого профильного документа, приходилось действовать в оценочных категориях видимого и возможного, мнимого и реального, ориентироваться на самый сложный выбор: увеличение желательного и уменьшение нежелательного.

Концептуальное преодоление кризиса адаптации России к кардинально изменившимся внутривнутриполитическим и внешнеполитическим условиям началось через поиск опорных скреп новой модели внутри- и внешнеполитической жизнедеятельности государства и, конечно же, обеспечения его национальной безопасности. Самое трудное было переосмыслить прежние подходы и в кратчайшие сроки выработать саму методологию формирования концептуальных основ национальной безопасности государства, которая позволила бы вести поиски взаимосвязанных ответов на вопросы, имеющие для него стратегическое значение*.

Принятие Концепции национальной безопасности России (КНБ) в 1997 г. (с последующими изменениями в редакции 2000 г.) фактически положило начало новому этапу в аналитической проработке осново-

полагающих доктринально-установочных документов страны. Переосмысливались многие ошибочные выводы и положения первой Концепции внешней политики (1993 г.), оптимистично ориентировавшей прежде всего на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом, в основе которой лежал американоцентризм. К моменту утверждения КНБ-97/2000, когда доминирование США стало глобально наступательным, цена геополитических издержек такой установки в условиях резко ослабившегося государственного потенциала России оказывалась чрезвычайно высокой. Это обстоятельство было учтено в документе в максимально возможной для того времени степени. Но не полностью.

Исходную политико-методологическую особенность первой Концепции национальной безопасности России 1997 г. определял подход, согласно которому она рассматривалась всего лишь как совокупность официальных взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера. Причём, как оговаривалось, «с учётом имеющихся ресурсов и возможностей» [2].

² Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 1997. 17 декабря // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

* Научное сообщество активно участвовало в разработке основ концепции национальной безопасности России в новых политических и социально-экономических условиях. Это нашло отражение, в частности, в работе «Концепция национальной безопасности России в 1995 году» (АО «РАУ-Корпорация». М.: ИИА «Обозреватель», 1995, хотя многие важные и рациональные предложения не нашли своё отражение в принятой концепции 1993 г.

В документе давалась обобщённая критическая оценка внешнеполитической обстановки, фиксировались рецидивы попыток создания структуры международных отношений, основанной на односторонних, в том числе военно-силовых решениях ключевых проблем мировой политики. Резким контрастом с эйфорией начала 90-х годов стал вывод о растущем стремлении западных стран к ослаблению позиций России в политической, экономической и военной областях*. Неприемлемая для России перспектива расширения НАТО на Восток стала рассматриваться как угроза её национальной безопасности.

Отдельные изъяны и недоработки КНБ-97, объективно неизбежные в тот период, были устранены в обновлённой редакции этого документа, принятого в 2000 г. Внесёнными изменениями и дополнениями, по сути, подводилась определённая черта под результатами развития тенденций и контртенденций тяжелейшей эпохи 90-х годов (именно эпохи, а не очередного десятилетия), спрессованной в исторически кратчайший период распада огромной страны и формирования новой российской государственности.

Новой политико-методологической вводной явился пересмотр базового положения Концепции национальной безопасности, которая

вместо совокупности стала системой взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Замена всего лишь одного слова означала многозначную попытку придать системный характер полноценной отработке столь важного для страны программного документа.

Переломным этапом в развитии национальной безопасности страны стал 2009 г., когда была укрупнена доктринальная конструкция прежнего документа, переформатированного в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [3].

Исходным посылом, предопределившим перспективную направленность СНБ-2009, стала политико-методологическая формула: «Безопасность через развитие». В документе дана новая оценка внутренних и внешних угроз национальной безопасности и стратегических рисков, оказывающих сдерживающее влияние на устойчивое развитие государства.

Объективно назревший пересмотр параметров национальной безопасности стал возможным также в результате преодоления последствий системного политического и социально-экономического кризиса: страна устояла под напором национализма, сепаратизма

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России. 2009. 13 мая // URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>

* Нельзя не согласиться с оценочной позицией А. Арбатова, который в опровержение распространённой точки зрения доказывал, со ссылкой на опыт российских реформ 90-х годов, что стать намного слабее в военном плане вовсе не обязательно означает сделаться сильнее в экономическом отношении. «Со своей стороны США, всячески поощряя реформы в России, снижение её военной мощи и соглашения по разоружению, с удивительной беспардонностью на каждом шагу демонстрируют, что слабых в этом мире не уважают и с ними не считаются» (Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999. С. 91).

и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов.

Эта концептуальная новация стала базовым императивом национальной безопасности. На уровень государственных практико-политических решений был выведен алгоритм действий, связанных с необходимостью обеспечить координируемое усиление всех компонентов экономики, социальной сферы, внешней политики и национальной безопасности для модернизационного и инновационного рывка страны.

Это означало, что только их системная целостность образует полноценную основу стратегии динамичного развития России с учётом долгосрочных интересов её национальной безопасности. Пришло понимание, что выделение, зачастую спонтанное, одной из этих сфер в качестве приоритетной, её реформирование, даже разумное, без комплексной, стратегически продуманной увязки с другими, как это показывает жизненная практика, мало что даёт. Более того, отсутствие сбалансированной сопряжённости указанных ключевых компонентов было одновременно и следствием и причиной опасного для национальной безопасности страны явления. Ведомственная разобщённость и обособленность, разрозненность действий нередко приводили к тому,

что столь необходимые стыковочные сопряжения отдельных компонентов обеспечивались скорее формально, в силу существующих регламентов административного согласования, а в концептуальном плане фактически ничем не гарантировались.

Впервые в формате прогнозных оценочных выкладок был сделан ряд обобщающих выводов геополитического характера, методологически, логически и содержательно-политически увязанных между собой системными представлениями о перспективах мирополитического развития.

В укрупнённом доктринальном формате системный подход к проблемным узлам российской и мировой политики чётко обозначился в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. [4]. Она определялась как базовый документ стратегического планирования, уточняющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России.

Впервые разработка СНБ-2015 чётко регламентировалась положениями Закона об «Основах стратегического планирования», принятого годом раньше. Этот документ определял параметры и сроки – 6 лет – обновления Стратегии национальной безопасности России.

Всё то новое, что появилось в СНБ-2015, стало возможным прежде всего потому, что страна доказала способность к обеспечению су-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 2015. 31 декабря // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>

веренитета, независимости, государственной и территориальной целостности. И – что особенно важно – проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных западными странами против России.

Новые угрозы национальной безопасности, имеющие комплексный взаимосвязанный характер, анализировались в документе в контексте глубоких геополитических изменений и формирования новой полицентричной модели мироустройства, которое сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности.

Среди особых угроз национальной безопасности России акцентированно выделяется наращивание силового потенциала НАТО и наделение её глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам.

В комплексной увязке с этими угрозами рассматривались возможности поддержания глобальной и региональной стабильности, которые резко снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США. Этот фактор приобретает стратегическое измерение в условиях практической реализации концепции «глобального удара», развёртывания стратегических неядерных систем высокоточного

оружия, а также в случае размещения оружия в космосе.

Императивно ставился вопрос о необходимости учёта изменений характера современных войн и вооружённых конфликтов, выработки повышенных требований к перспективным формированиям и новым средствам вооружённой борьбы. Отсюда – задача своевременного обновления и поддержания на достаточном уровне военно-технического потенциала России.

Впервые в доктринальном документе национальной безопасности в комплексной увязке обобщалась практика свержения легитимных политических режимов, провоцирование внутрисовременных конфликтов, подпитка очагов напряжённости на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове, где появляются новые горячие точки, расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Всё это создаёт питательную среду для распространения международного терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма.

Приоритетное внимание в СНБ-2015 уделено событиям на Украине, интернационализации украинского кризиса, оценочно-аналитическому осмыслению которого посвящён отдельный проблемный блок. Анализ фокусировался прежде всего на позиции Запада, рассматриваемой с точки зрения противодействия интеграционным процессам и создания очагов напряжённости в Евразийском регионе, что негативно сказывается на реализации российских национальных интересов.

С учётом особенностей подхода к региональной безопасности в СНБ-2015 прослеживалось развитие миграционного кризиса в Европе. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Евросоюза.

Сравнительный анализ СНБ-2009 и СНБ-2015, проведённый эксперта-

ми Дипломатической академии МИД России, выявил увеличение с 7 до 10 утверждённых показателей обеспечения национальной безопасности [5]. В результате отчётливо проявился высокий уровень концептуальной проработки проблематики национальной безопасности России, её аналитическая продвинутость в сравнении с предыдущими версиями, политическая сбалансированность тезисов и положений и их логическая в целом выстроенность.

Рубежное перераспределение приоритетов

Сама жизнь вносит неизбежную редакторскую правку в российскую Стратегию национальной безопасности. Её обновление осуществляется с сохранением её базовых слагаемых и с доктринальной сбалансированностью. Аналитическая корректировка, внесение новых оценочных акцентов исходно коррелируются с Концепцией внешней политики, Военной доктриной, Доктриной информационной безопасности, другими основополагающими документами Российской Федерации, которые образуют их системную целостность, обеспечиваемую скрепой государственных стратегических интересов.

Документ во многом по-новому оценивает ключевые характеристики стремительно меняющейся ситуации в мире, уточняя приоритеты национальной безопасности России с учётом её возрастающей ответственности за формирование основ нового мирового порядка.

Чётко обозначен серьёзнейший инновационный посыл к расширению и обогащению ресурсного потенциала всех звеньев национальной безопасности страны, не только органически связанной с внутренней политикой, но и императивно призванной самым активным образом «работать» на неё в интересах общества. Пересматриваются столь привычные, устоявшиеся представления о национальной безопасности и международных отношениях как эксклюзивно элитарных, герметично закрытых, социально капсулированных сферах, где раньше не было места для гражданского общества.

В преамбуле документа зафиксированы два важнейших взаимосвязанных положения:

– во-первых, укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно проти-

⁵ Аникин В. И., Сурма И. В. Новые подходы к обеспечению национальной безопасности России // Россия и современный мир / отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Канон+, 2016. С. 27–28.

востоять попыткам внешнего давления;

– во-вторых, высший императив – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан России.

Актуализирован и сущностно адаптирован к трансформационным изменениям в глобальном пространстве раздел «Россия в современном мире: тенденции и возможности». Его исходный оценочный фокус определяется тем, что увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводит к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, а также новых правил и принципов мироустройства. В документе анализируются первопричины нарастающей геополитической напряжённости:

– стремление стран Запада сохранить свою гегемонию;

– кризис современных моделей и инструментов экономического развития;

– усиление диспропорций в развитии государств;

– повышение уровня социально-го неравенства;

– стремление транснациональных корпораций ограничить роль государств.

Это сопровождается обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности.

Адаптационно взвешенной и ответственной, учитывающей новые риски и опасные тенденции в развитии мирополитических процессов, является оценочная позиция по отношению к росту геополитической нестабильности и конфликтности, усилению межгосударственных противоречий, которые сопровождаются повышением угрозы использования военной силы. Продолжающийся демонтаж системы договоров и соглашений ведёт не только к общему нарастанию напряжённости в мире, но и обострению военно-политической обстановки вблизи российских границ. С принципиальной прямоотой заявлено, что действия «некоторых стран» (они хорошо известны) направлены на инспирирование в странах СНГ дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с её традиционными союзниками.

Необходимо подчеркнуть, что эта объективная оценочная позиция принципиально отличается от ошибочных и внутренне противоречивых положений первой Концепции внешней политики России (1993 г.), касающихся стратегической линии ведущих стран Запада на постсоветском пространстве. В ней утверждалось, что эти страны заинтересованы в обеспечении стабильности на постсоветском геополитическом пространстве и «признают роль России и её политики в поддержании такой стабильности, более того – сознают необходимость укрепления этой роли». И хотя это не исключает их стремления к получению собственных выгод, прежде всего в экономическом плане, «однако определённая общность долгосрочных ин-

тересов оставляет российской внешней политике достаточное поле для маневра».

Чрезмерно оптимистичной выглядела оценка расширения отношений с укреплением позиций третьих государств (т. е. опять же прежде всего западных) с бывшими союзными республиками, которое может содействовать их экономическому развитию, что само по себе создаёт ощутимые плюсы для России в силу сохраняющейся взаимозависимости между производственными комплексами. И не иначе как парадоксальным можно назвать заключительное положение о том, что за счёт потенциала партнёрства с ведущими западными демократическими странами Россия будет активно противодействовать любым попыткам наращивания военно-политического присутствия третьих государств (т. е. им самим же?! – *Авт.*) в сопредельных с Россией странах [6].

Такое обращение (в рамках сравнительного анализа) к истокам формирования концептуальной базы международной деятельности России, учёт недооценённых или, наоборот, переоценённых факторов чрезвычайно важны для понимания пройденного страной большого пути, отмеченного значимыми вехами её концептуально-аналитической и геополитической зрелости, которая находит адекватное отражение в актуализации и оптимизации российской стра-

тегии национальной безопасности.

Впервые на уровень документообразующего положения выведено понятие морального лидерства в создании привлекательной идейной основы будущего мироустройства.

Речь идёт о кризисе западной либеральной модели, в условиях которого по-прежнему подтверждается стратегическая претензия США на исключительную, мессианскую роль в мире, причём на геополитической избранности США настаивает само руководство Штатов. Кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабило давнее стремление США американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров нового мирового порядка. И это при том, что в Глобальном прогнозе Национального совета по разведке США чётко указано, что «к 2030 году ни одна страна, будь то США, Китай или любая другая, не сможет выступать в роли гегемона» [7].

На фоне кризиса либеральной модели мироустройства болезненное тяготение объединённого Запада во главе с США к «красным линиям» в отношениях с Россией обращивается, как отмечается в документе, попытками целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, инфор-

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. Январь 1993. Специальный выпуск.

⁷ Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке США. NIC2012-001. 2012. С. 8 // URL: <https://intelros.ru/reports/16901-doklad-nacionalnogo-soveta-po-razvedke-national-intelligence-council-globalnye-tendencii-2030-alternativnye-miry.html>

мационными кампаниями, направленными на формирование враждебного образа России. Вводится новое для национальной безопасности России понятие «недружественные страны», которые пытаются использовать имеющиеся в ней социально-экономические проблемы для разрушения её внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Делается акцент на применение не прямых методов, направленных на провоцирование долговременной нестабильности внутри России.

Обращает на себя внимание тот факт, что в условиях реализации целенаправленной политики по сдерживанию России среди основных факторов, определяющих её положение и роль в мире в долгосрочной перспективе, в СНБ-2021 первоочередно выделяется *«высокое качество человеческого потенциала»*, способность обеспечить технологическое лидерство и перевод экономики на новую технологическую основу.

Качественно обновлён раздел о *национальных интересах Российской Федерации и стратегических национальных приоритетах*, который отличается краткостью формулировок и весомой значимостью каждого положения.

На первом месте – «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». И только потом следует положение о защите конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, укреплении её обороны. Новизну этого

раздела подтверждает идущая вслед органичная переключка с первой установкой: «поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества».

Эти установки конкретизируются в новом обширном разделе, название которого говорит само за себя: «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

Содержательное наполнение раздела определяет исходная констатация: российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа – главное достояние России, – лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны.

По сравнению с предыдущей редакцией Стратегии национальной безопасности в значительной степени переработан раздел о *государственной и общественной безопасности*, в котором на первый план вынесена установка на усиление роли государства «как гаранта безопасности личности и прав собственности», «прав и свобод человека и гражданина».

На принципиально новую основу поставлена проблема усиления борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств, которая увязывается с императивной необходимостью проведения «не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики страны в орга-

нах публичной власти и организациях с государственным участием». В документ внесено важное положение о совершенствовании системы общественного контроля и механизмов участия граждан и организаций в обеспечении государственной и общественной безопасности.

Отдельный пункт посвящён поддержке общественно значимых инициатив, развитию взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряжённости.

Общественно значимые нововведения касаются *предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности*, нецелевого использования и хищения бюджетных средств – особенно при реализации национальных проектов и выполнении оборонного заказа, а также возмещения ущерба, причинённого такими преступлениями, и повышения ответственности за их совершение.

В этой связи появилась принципиально новая установка, выделенная в отдельный пункт – совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлёкшие за собой неэффективное использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития.

И ещё одна новая установка, стратегическую важность которой трудно переоценить – *обеспечение защиты населения от опасных инфекционных заболеваний*, способных вызвать чрезвычайную ситуацию в области санитарно-эпидемиологического благополучия

населения. Здесь налицо ответная и ответственная реакция на последствия коронавирусной пандемии.

Впервые в СНБ-2021 в отдельный концептуально структурированный блок выделен целостный раздел, посвящённый *информационной безопасности*. Его включение в документ вызвано появлением новых «инфогенных» угроз, стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, расширением их использования для вмешательства во внутренние дела государств и подрыва их суверенитета. Отмечается увеличение компьютерных атак на российские информационные ресурсы, причём большая их часть осуществляется с зарубежных территорий.

Особо подчёркивается, что инициативы России в области обеспечения международной информационной безопасности встречают противодействие со стороны иностранных государств, стремящихся доминировать в глобальном информационном пространстве.

Повышенное внимание уделено стремлению транснациональных корпораций закрепить своё монопольное положение в Интернете и контролировать все информационные ресурсы, что сопровождается введением цензуры и блокировкой альтернативных интернет-платформ. И – что главное – по политическим причинам пользователям Интернета навязывается искажённый взгляд на исторические факты и события в России и мире. Акцентируется внимание на том, что использование в России иностранных информационных технологий и телекоммуникационного оборудования повышает уязвимость россий-

ских информресурсов, в том числе объекты критической информационной инфраструктуры России, к воздействию из-за рубежа.

Целевая установка на обеспечение информационной безопасности включает в себя прежде всего:

- формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищённости профильной инфраструктуры России и устойчивости её функционирования;

- развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности страны, определение их источников;

- предотвращение деструктивного информационно-технологического воздействия на российские информационные ресурсы, прежде всего на объекты критической информационной инфраструктуры.

В целостный концептуальный блок впервые объединены наиболее важные вопросы защиты *традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти*. Это обусловлено тем, что трансформационные процессы в мире затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. В документе отмечается, что традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также ТНК, иностранных неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций.

Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической прав-

ды и уничтожения исторической памяти народа. Вывод однозначен: всё это наряду с проявлениями «вестернизации» культуры усиливает угрозу для России утратить свой культурный суверенитет. Разработан и актуализирован комплекс мер, направленных на активное противодействие этим деструктивным попыткам.

Отныне в отдельный раздел сгруппирована *экономическая проблематика национальной безопасности страны*. Исходная точка её аналитического осмысления – мировая экономика переживает период глубокой рецессии, для которой характерно усиление неустойчивости международной финансовой системы, растущий разрыв между реальной и виртуальной экономикой. Неопределённость перспектив мировой экономики повышается в связи с ослаблением системы регулирования международных экономических отношений, политизацией вопросов экономического сотрудничества, применением в одностороннем порядке санкций и ростом протекционизма.

По-новому, с перспективно-стратегической точки зрения, оценивается *возрастание реальной значимости человеческого потенциала и экологии* в условиях структурной перестройки мировой экономики, связанной с изменением технологического фундамента её развития. Приоритетной становится реализация масштабных инвестиционных и инновационных программ и проектов, способствующих консолидации научно-технического, производственного и ресурсного потенциала России. Первостепенное значение придаётся:

- укреплению финансовой системы страны и её суверенитета;

- развитию национальной инфраструктуры финансовых рынков, в том числе платёжной, преодоление зависимости в этой сфере от третьих стран;

- расширению практики расчётов с иностранными партнёрами в национальных валютах и – впервые в столь императивной постановке – сокращению использования доллара США при осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Адаптационной новизной отличается ключевая установка на *повышение эффективности государственной макроэкономической политики за счёт развития системы стратегического планирования, внедрения риск-ориентированного подхода с учётом потенциальных внешних и внутренних вызовов и угроз экономической безопасности России.*

Повышенное внимание в СНБ-21 уделено *проблемам экологической безопасности.*

В условиях увеличения антропогенной нагрузки на окружающую среду и ухудшения её состояния, развитие «зелёной и низкоуглеродной экономики становится главным вопросом в международной повестке дня». Отмечается возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам, которая стала одним из факторов усиления международной напряжённости и возникновения конфликтов между государствами.

Качественно новым дополнением СНБ-2021 стало выделение в отдельный специализированный раздел наиболее актуальных и востребованных в современных условиях ре-

шений в области *научно-технологического развития.*

Лидерство в развитии науки и технологий рассматривается как один из ключевых факторов повышения конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности. Акцентируется внимание на появлении новых технологий, которые способствуют созданию образцов вооружения, военной и специальной техники, систем обеспечения безопасности, обладающих ранее недостижимыми характеристиками.

Пожалуй, впервые в столь ответственном документе поставлена задача довести уровень расходов России на развитие науки и технологий до уровня расходов на такие цели государств, занимающих лидирующие позиции в этой сфере.

Новизну подхода России к *комплексу вопросов, относящихся к стратегической стабильности и взаимовыгодному сотрудничеству,* – заключительному разделу документа – наглядно характеризует жёсткое предупреждение: в случае совершения иностранными государствами недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности нашей страны, в том числе связанных с применением политических и экономических санкций либо использованием информационно-коммуникационных технологий, Россия считает правоммерным принять симметричные и асимметричные меры для пресечения подобных недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем. При этом специально оговаривается, что Россия «сохра-

няет приверженность использованию политических средств, прежде всего механизмов дипломатии

и миротворчества, при урегулировании международных и внутригосударственных конфликтов».

Таковы базовые параметры и особенности обновления и адаптационной оптимизации программно-установочных положений СНБ-21 в условиях турбулентного развития мирополитических процессов и нарастающей неопределённости в мировой политике. Большой плюс разработчикам документа надо поставить за то, что в нём учтены отдельные критические замечания и конструктивные рекомендации и предложения, высказанные в адрес предыдущей редакции Стратегии.

Оценивая СНБ-2021, правомерно констатировать появление нового концептуального качества столь важного стратегического документа России. В нём синтезированы все те изменения в мировой политике и международных отношениях, которые прямо или опосредованно затрагивают национально-государственные интересы страны. Обновление Стратегии национальной безопасности России явилось адекватной аналитической реакцией на обострение кризиса в отношениях коллективного Запада и России, многие проявления которого имеют все признаки долгосрочно-системного. Точно определены новые вызовы и угрозы для России, а также возможности и перспективы эффективного противодействия им.

Библиография • References

Аникин В. И., Сурма И. В. Новые подходы к обеспечению национальной безопасности России // Россия и современный мир / отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Канон+, 2016. С. 9–28.

[Anikin V. I., Surma I. V. Novye podhody k obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti Rossii // Rossiya i sovremennyy mir / otv. red. M. A. Nejmark. M.: Kanon+, 2016. S. 9–28]

Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999. – 524 с.

[Arbatov A. Bezopasnost': rossijskij vybor. M.: EPIcentr, 1999. – 524 s.]

Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке США. NIC2012–001. 2012 // URL: <https://intelros.ru/reports/16901-doklad-nacionalnogo-soveta-po-razvedke-national-intelligence-council-globalnye-tendencii-2030-alternativnye-miry.html>

[Global'nye tendencii 2030: al'ternativnye miry. Publikaciya Nacional'nogo soveta po razvedke SSHA. NIC2012–001. 2012 // URL: <https://intelros.ru/reports/16901-doklad-nacionalnogo-soveta-po-razvedke-national-intelligence-council-globalnye-tendencii-2030-alternativnye-miry.html>]

Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. Январь 1993. Специальный выпуск.

[Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii // Diplomatcheskij vestnik. YAnvar' 1993. Special'nyj vypusk]

Концепция национальной безопасности России в 1995 году. АО «РАУ-Корпорация». М.: ИИА «Обозреватель», 1995. – 224 с.

[Konceptsiya nacional'noj bezopasnosti Rossii v 1995 godu. AO «RAU-Korporaciya». M.: IIA «Obozrevatel'», 1995. – 224 s.]

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России. 2009. 13 мая // URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>
- [Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda // Prezident Rossii. 2009. 13 maya // URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>]
- Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 1997. 17 декабря // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>
- [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 17 dekabrya 1997 g. № 1300. «Ob utverzhdanii Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Prezident Rossii. 1997. 17 dekabrya // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>]
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 2021. 2 июля // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf>
- [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Prezident Rossii. 2021. 2 iyulya // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf>]
- Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 2015. 31 декабря // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>
- [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Prezident Rossii. 2015. 31 dekabrya // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>]

Статья поступила в редакцию 13 июля 2021 г.

Односторонние санкции Запада – элемент гибридной войны

Александр ОРЛОВ

В последние годы, но особенно после государственного переворота на Украине (2014 г.), хотя на самом деле и раньше, односторонние санкции, применяемые по собственному усмотрению государством или группой государств против другого государства, стали едва ли не нормой современных международных отношений. Чаще всего санкции применяются США и их ближайшими союзниками, прежде всего членами НАТО и Евросоюза, против России.

Другими фигурантами санкционного списка западных государств являются в большинстве случаев Китай, Иран, КНДР, Белоруссия, Куба и Венесуэла, которые рассматриваются коллективным Западом в качестве нарушителей и разрушителей некоего «правильного» миропорядка, основанного на своде «правил», которыми упомянутый коллективный Запад вознамерился заменить создававшееся десятилетиями всем мировым сообществом международное право и в основании которого лежит универсально признанный Устав ООН.

Поведение коллективного Запада основывается на убеждённости в абсолютной своей правоте и, соответственно, неправоте тех, против кого на-

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, руководитель Центра исследований ООН и других международных организаций. *E-mail:* al.or-2012@yandex.ru

Ключевые слова: Россия, США, Запад, санкции, Совет Безопасности ООН, Устав ООН, международное право.

правлены его репрессалии. При этом коллективный Запад искренне (а может быть, и не совсем искренне?) верит в то, что его действия вполне допустимы и не нарушают международное право. Но так ли это?

Прежде всего необходимо разобратся в том, что такое санкции и кто их может применять на законных основаниях.

Обратимся к Уставу ООН, являющемуся по своей сути конституцией современных международных отношений и положения которого, если внимательно вчитываться в текст этого документа, могут дать ответы на самые сложные вопросы мировой политики.

В ст. 24 (п. 1) Устава сказано, что «для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединённых Наций её Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности», а в следующей – ст. 25 – указано, что «Члены Организации соглашаются... подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их» [1].

Иными словами, только Совет Безопасности ООН правомочен принимать обязательные для исполнения государствами – членами ООН решения по вопросам поддержания международного мира и безопасности. И никто иной – ни Генеральная Ассамблея ООН, резолюции которой имеют лишь рекомендательный характер, ни какие-либо международные организации (в частности, НАТО, Евросоюз или ОБСЕ), ни государства на индивидуальной основе или группы государств – таким правом не наделён.

Вопросам урегулирования споров и острых международных проблем

в Уставе ООН посвящены две главы – VI («Мирное разрешение споров») и VII («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»). Действия по гл. VII Устава ООН считаются принудительными, т. е. относящимися к высшей категории мер воздействия, применяемых международным сообществом в целях восстановления международного мира и безопасности. В Уставе ООН нет слова «санкции», там используется термин «меры». Но это не более чем игра слов.

Например, в Уставе ООН отсутствует термин «миротворчество», но это вовсе не значит, что кто-то не понимает, о чём идёт речь, когда требуется вмешательство ООН в тот или иной конфликт и осуществление комплекса мер по восстановлению стабильности в конкретном регионе или государстве.

В равной мере это относится и к понятию «санкции».

В Уставе ООН о санкциях («мерах») говорится в ст. 41, где указано, что Совбез ООН «уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооружённых сил, должны применяться для осуществления его решений». Такие меры «могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

¹ Устав ООН (полный текст) // URL: un.org/hu/about-us/un-charter/full-text

Ясно, что содержащийся в Уставе ООН санкционный список не может рассматриваться в наши дни как исчерпывающий, поскольку составлялся он три четверти века назад и был, образно говоря, «дитём своего времени». Тем не менее общая методология использования санкций как своеобразного промежуточного инструмента давления на «проштрафившееся» государство между словесными порицаниями и действиями «воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» (ст. 42 Устава ООН), остаётся в силе до сих пор и активно используется международным сообществом в рамках закреплённых в Уставе ООН процедур.

За период с 1966 г., когда впервые в истории ООН были введены определённые принудительные меры против Южной Родезии (резолюция СБ № 232), Совет Безопасности ООН ввёл 30 режимов санкций в отношении в общей сложности 24 стран и трёх террористических организаций (ИГИЛ, «Аль-Каида» и «Талибан»^{*}). В период 1990–1998 гг., когда на завершающем этапе существования СССР, и особенно после его распада, Москвой в соответствии с политическими решениями тогдашнего высшего руководства страны, стремившегося во всём ориентироваться на США, были «пропущены» некоторые, мягко выражаясь, «спорные» резолюции СБ, прежде всего в отношении Югославии, преобладала практика применения всеобъемлющих санкций: из санкцион-

ного пакета исключались только поставки, предназначенные для медицинских целей, и продукты питания в рамках оказания гуманитарной помощи.

Теоретической основой такого подхода к санкциям были «научные изыскания» западных, прежде всего американских, учёных, согласно которым санкционное давление на население подверженных санкциям стран, результатом которого должно было стать усиление его бедствий и страданий, понудит граждан заставить своё правительство дать согласие на выполнение требований международного сообщества, а это, в свою очередь, приведёт к отмене санкций.

Однако формальная логика западного подхода к санкциям не сработала и обернулась весьма нежелательными для имиджа ООН последствиями. Фактически руками всемирной организации, которая всегда позиционировала себя как носитель гуманистических ценностей, был нанесён огромный вред экономикам наказанных санкциями стран, вплоть до их практически полного разрушения, а положение незащищённых слоёв населения этих государств – прежде всего стариков, детей и женщин – стало просто катастрофичным. При этом правящие режимы практически не пострадали или пострадали незначительно: обещанного западными теоретиками роста давления на них со стороны населения так и не произошло.

Убедившись в неэффективности и даже вредности применения кон-

^{*} Деятельность указанных террористических организаций законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

цепции всеобъемлющих санкций, Совет Безопасности ООН, в частности с подачи тогдашнего Генерального секретаря организации Кофи Аннана, перешёл в конце 90-х – начале 2000-х годов к практике введения адресных, или точечных, санкций, которая предусматривала нанесение ущерба прежде всего тем лицам, главным образом из числа представителей правящей элиты и военнослужащих, которые, по мнению членов СБ ООН, несли главную ответственность за совершённые преступления в ходе конфликтов или иных ситуаций, угрожавших миру и безопасности.

Такая практика включает наложение ареста на финансовые активы указанных лиц за рубежом, запрет на посещение иностранных государств, ограничение доступа на финансовые рынки, арест зарубежной недвижимости и т. д. В дальнейшем стали составляться так называемые чёрные списки указанных нежелательных персон, само существование которых наносило по ним весьма чувствительный удар. Апофеозом этой политики явилось привлечение лиц, действия которых в отдельных случаях квалифицировались как преступления против человечества, к судебной ответственности в рамках установленных ООН процедур.

В настоящее время Советом Безопасности ООН накоплен значительный опыт санкционного давления, предполагающий возможность применения его различных форм и методов, в зависимости от тех целей, которые преследуются Советом при принятии той или иной санкционной резолюции.

Например, санкции против *Ирана* запрещают:

- экспорт в страну атомной, ракетной и значительной части военной продукции;

- предоставление прямых иностранных инвестиций в нефтегазовую и нефтехимическую промышленность;

- любые контакты с иранскими банками и страховыми компаниями, а также Корпусом стражей Исламской революции;

- финансовые транзакции;

- сотрудничество с морским флотом Ирана.

В том же духе выдержаны санкции против *КНДР*.

Они предусматривают:

- введение эмбарго на поставки оружия Пхеньяну;

- право государств – членов ООН досматривать любые суда, идущие в КНДР, и уничтожать любой груз на их борту;

- запрет на экспорт из страны золота, ванадия, титана, редких металлов, угля, железа, меди, никеля, цинка и т. д.;

- импорт Пхеньяном нефти и нефтепродуктов и иные меры.

Всё это преследует побудить Северную Корею отказаться от программ испытаний собственного ядерного оружия и создания систем его доставки.

При этом важно акцентировать внимание на том, что для принятия Советом Безопасности ООН санкционной резолюции необходимо согласие или, по крайней мере, неблокирование такой резолюции (путём «воздержания» при голосовании) постоянными членами Совет, т. е. в случае использования одним из государств – постоянных членов СБ ООН права вето, которым такие государства наделены в соответствии с Уставом ООН, подобная резолюция не принимается и, соответственно, санкционный режим не вводится или не усиливается, если он был введён раньше.

Итак, только Совет Безопасности ООН правомочен вводить санкции от имени международного сообщества. Во всех остальных случаях такие меры, строго говоря, противоречат международному праву и их необходимо квалифицировать соответствующим образом.

О чём идёт речь?

На фоне значительного усложнения и обострения в последнее десятилетие международных отношений, реального формирования полицентричной международной системы, резкого повышения в международных делах роли России и Китая, которое, в частности, выражается в том, что эти государства вышли «из тени» и стремятся последовательно и жёстко отстаивать свои приоритеты и интересы на международной арене, существенно сократились возможности США и в целом коллективного Запада навязывать остальным участникам международного сообщества свою линию поведения, свои взгляды и оценки на те или иные процессы и события.

Так называемые «западные ценности», которые провозглашаются коллективным Западом как «непреклонные истины», своего рода новые заповеди, не разделяются многими влиятельными игроками на международной арене, в том числе Москвой и Пекином, что вызывает в Вашингтоне и других западных столицах весьма острую реакцию, которая выражается в откровенно агрессивных и часто непредсказуемых действиях с их стороны.

Одной из форм такого недовольства являются односторонние санкции. В принципе, любое государство может реагировать на те или иные

события, происходящие в мире, соответственно своим интересам. Оно может протестовать, осуждать кого-то, делать по этому поводу официальные заявления, понижать уровень дипломатического представительства, приостанавливать и даже разрывать дипломатические отношения с другим государством и т. д. Есть много разных способов выражения своей позиции.

Однако введение односторонних санкций означает, что конкретное государство или группа государств переходят в отношении другого государства условную «красную черту». Как отмечено выше, Устав ООН трактует санкции как одну из форм принудительных действий, хотя и не самую жёсткую, т. е. введение односторонних (не по решению Совета Безопасности ООН) санкций фактически является формой агрессивных действий, предполагающей правомерность ответных действий в духе ст. 51 Устава ООН. В этой статье говорится о праве государства «на индивидуальную или коллективную самооборону», если на него произойдёт вооружённое нападение, но, как представляется, расширительная (в соответствии с логикой происходящих в мире процессов) трактовка этой статьи предполагает возможность распространения её положений и на санкции как форму агрессивных действий, хотя и относительно «мягкую».

Не вызывает сомнений, что коллективный Запад прибегает к односторонним санкциям вследствие невозможности «протащить» нужное ему решение через Совет Безопасности ООН. Препятствует ему в этом право вето, которым наделены постоянные члены Совета Безопасности.

сти, за которое билось при создании ООН выдающееся поколение советских дипломатов во главе с А.А. Громыко. Гениальное предвидение того, что без права вето ООН будет мягкой игрушкой в руках Запада, находит в наши дни своё убедительное подтверждение.

Право вето – это эффективный инструмент предотвращения навязывания мнения и решений определённой группы стран другим, выкручивания рук суверенным государствам, чем в последние три десятилетия весьма часто занимаются США и их сателлиты, которые очень раздражаются тогда, когда им кто-то отваживается перечить. В этом случае они обычно и переходят границы допустимого, прибегая к односторонним санкциям, дабы укротить строптивых.

Следует подчеркнуть, что сначала СССР, а позже Россия подвергались в течение XX – начала XXI в. различным формам давления и воздействия, которые можно квалифицировать как санкции.

В 1917–1920 гг. Советская Россия (помимо военной интервенции) подверглась *торгово-экономической блокаде* со стороны США, Англии, Франции, ряда нейтральных стран, а также поверженной в Первой мировой войне Германии.

В 30-е годы США и «цивилизованный» Запад душили СССР, введя, по сути, *тотальное эмбарго на все виды товаров*, которые могла экспортировать страна, соглашаясь принимать в качестве оплаты за оборудование и технологии, необходимые СССР для индустриализации

страны, только зерно (даже отказывались принимать в качестве оплаты золото). Это провоцировало нехватку зерна в Советском Союзе и стало одной из причин голода 1932–1933 гг., когда политика Запада совпала с катастрофической засухой в наиболее плодородной части СССР.

Холодная война породила новые формы давления на СССР.

Так, в рамках пресловутого Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ) западниками был составлен *список товаров и технологий, запрещённых к экспорту в СССР* и другие социалистические страны. Цель такой политики была вполне очевидной – всячески сдерживать научно-технический и технологический прогресс СССР [2].

Введение в 1972 г. практики оплаты эмигрировавшими из СССР лицами (направлявшимися первоначально преимущественно в Израиль, а оттуда – в США и другие западные страны) затрат государства на их обучение в вузах мотивировало двух американских конгрессменов – Джексона и Веника – инициировать принятие конгрессом пресловутой одноименной поправки, *запрещавшей предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, а также выдавать государственные кредиты и кредитные гарантии* тем странам, которые, как считали в США, ограничивали права своих граждан на эмиграцию. Тогда ещё не существовало такого понятия, как «утечка мозгов», но с позиций дня сегод-

² Шмоль В.В. Восторжествует ли разум в мировой политике? // Обозреватель–Observer. 2017. № 10.

ныашнего мы понимаем, что за американской псевдогуманностью стояли в том числе и вполне прагматичные расчёты – заполучить из СССР хорошо подготовленных учёных, специалистов, не вложив ни цента в их профессиональную подготовку, а через них – прямо или косвенно – подобраться к передовым советским разработкам. Симптоматично, что поправка Джексона – Веника просуществовала вплоть до 2012 г., т. е. в течение всего периода безоглядной ориентации части российского руководства на Вашингтон, и была отменена одновременно с принятием известного *«списка Магнитского»*.

Появление «списка Магнитского» явилось развитием санкционной практики, когда из преимущественно экономической сферы санкционный опыт был перенесён в политико-правовую область. Фигурантами этого списка стали несколько десятков российских чиновников из МВД, ФСБ, Генпрокуратуры, ФНС, суда и ФСИН, которые, по мнению его составителей, были так или иначе причастны к «делу Магнитского».

Выводы о включении того или иного лица в список делались абсолютно произвольно, ни о каком подобии расследования или тем более суда и речи не шло. Членам списка был запрещён въезд на территорию США, а их денежные и имущественные активы подлежали заморозке. Здесь налицо проявление хорошо известной самовлюблённости американцев, которые искренне убеждены в том, что все люди на планете мечтают жить в США, и лишение кого-то такой возможности явится для этого человека самой страшной карой.

Настоящим плацдармом для апробирования Соединёнными Штатами и их европейскими сателлитами всевозможных антироссийских санкций стали *события 2014 г. на Украине* и их последствия. Сначала эти страны активно поддерживали антиконституционный кровавый путч в «незалежной», хотя, если следовать их широко разрекламированным идеологическим и политическим установкам, должны были его решительно осудить, а затем принялись эксплуатировать его результаты, трактуя в выгодном для себя русле возникшую после путча «новую реальность».

Безапелляционно обвинив Россию в нарушении международного права, западные страны стали развивать санкционную практику «вглубь и вышрь».

Началось всё с составления санкционного списка высокопоставленных российских и украинских чиновников (из администрации Януковича), а также представителей крымских властей, кому запрещался въезд в США и денежные активы и недвижимость которых, в случае их нахождения в пределах американской юрисдикции, блокировались, который постоянно увеличивался.

Уже в марте 2014 г. в него попали главы палат Федерального Собрания России В. И. Матвиенко и С. Е. Нарышкин, вице-премьер Д. О. Рогозин, ряд помощников российского президента.

Это означало, что американская администрация фактически полностью прерывает политический и парламентский диалог с Россией.

Затем в Вашингтоне решили, что нужно надавить на президента В. В. Путина, включив в список ряд, как считалось за океаном, приближённых к нему бизнесменов.

Следующим ходом стало введение санкций против провинившихся российских компаний, за-

тем санкции приобрели «секторальный» характер, т. е. были «поражены» целые отрасли российской экономики и т. д.

Не отставали от американцев и их европейские союзники, а также такие их верные друзья, как Канада, Австралия и ряд других стран, которые точь-в-точь копировали американский опыт.

Под конец действия администрации Обамы США увлеклись *дипломатической войной* с Россией, став на путь выдворения из страны российских дипломатов, причём не «штучно», путём объявления кого-то персоной нон-грата, как это бывало прежде, а сразу десятками, что явилось новой практикой в дипломатических сношениях государств, тем более в эпоху, как казалось, цивилизованных отношений между ними. Кроме того, американцы прибегли к совсем уж позорной практике – фактической оккупации российских дипломатических объектов, являющихся собственностью Российского государства. Тем самым были демонстративно нарушены, причём самым наглым способом, положения Венской конвенции о дипломатических сношениях, являющейся краеугольным камнем во взаимоотношениях между суверенными государствами.

В 2018 г. западники нашли новый повод для раскручивания анти-российской санкционной спирали – «дело Скрипалей».

Как всегда, никаких доказательств причастности России к отравлению на территории Англии бывшего агента КГБ и его дочери представлено не было, кроме ставшего нарицательным выражения *highly likely*, но к этому времени За-

пад в своей русофобской практике уже не утруждал себя необходимостью чего-то доказывать – хватало брошенных обвинений, которые все должны были принимать как непреложный факт. Наступил период фейковой информации, которая превратилась в визитную карточку западной пропаганды. Причём мишенью стала не только Россия, но и неугодные западному мейнстриму политики вроде бывшего американского президента Д. Трампа, который в своих твитах постоянно разоблачал *fake news*, запускавшие его политическими конкурентами, называя это «охотой на ведьм».

Воспользовавшись бездоказательным «делом Скрипалей», США выдворили из страны новую партию российских дипломатов в количестве 60 чел. Подобную же акцию провернули и их европейские сателлиты во главе с Великобританией. Запущенная в оборот история с «отравлением» была развита в Сирии, где на основе постановочного «ролика», который смастерила псевдоправительственная организация «Белые каски», сирийские власти были обвинены в *химической атаке* на мирное население территорий, находящихся под контролем боевиков. За это согласно сценарию, разработанному, как можно предположить, западными спецслужбами, ухватилась Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО), в рамках которой – опять же голословно и бездоказательно – под нажимом США и их союзников был вынесен обвинительный вердикт в отношении правительства Сирии. Тем самым ОЗХО вышла за рамки своего мандата, поскольку подобные решения правомочны принимать

только Совет Безопасности ООН, что стало весьма опасным международно-правовым прецедентом.

В последнюю пару лет получила дальнейшее развитие практика антироссийских *финансово-экономических санкций*. США приняли новый санкционный пакет, ужесточивший и без того весьма жёсткие правила предоставления России американских технологий, что означает введение новых существенных ограничений на американский экспорт в Россию. Вводятся дополнительные ограничения в финансовой сфере, обсуждается возможность *отключения России от системы межбанковских платежей SWIFT*, введение запрета на использование на российской территории банковских карт *VISA, Mastercard* и т. д.

Поупражнявшись на *введении санкций против компаний, участвовавших в строительстве Крымского моста*, США предприняли в период президентства Трампа отчаянную попытку не допустить завершения строительства газопровода *«Северный поток – 2»*. Здесь заодно оказались и исполнительная и законодательные ветви власти США. Под санкционное давление попали многие западные компании-подрядчики, главным образом европейские, и их функционеры, которые предпочли выйти из проекта, дабы гнев заокеанского сюзерена обошёл их стороной. В результате реализация проекта была затянута почти на два года. Сейчас он как будто близок к завершению, но вовсе не факт, что западные «умельцы» не придумают каких-то новых ловушек, чтобы максимально затянуть тот момент, когда газ наконец пойдёт по трубам из России

в Германию. Кстати, Россия всё это время несёт убытки, которых могло бы и не быть, и виновник этих убытков – США.

Предвыборная кампания в США 2016 г. была использована американскими русофобами для раскручивания нового антироссийского сюжета: *вмешательства Москвы во внутриамериканскую политику* с целью повлиять на результаты президентских выборов. Трудно себе представить более нелепое обвинение: получается, что американские избиратели – это сборище каких-то недотёп и неучей, которых можно с лёгкостью оболванить, а сами они неспособны к принятию самостоятельных решений. Но это, как ни странно, сработало. И эта тема до сих пор активно муссируется в США под тем соусом, что была, дескать, предпринята атака на американскую демократию – самую демократичную демократию в мире!

Параллельно с этим начала нагнетаться тема мнимых *кибератак со стороны России на США* как элемента враждебных действий. И хотя никаких убедительных доказательств этого, как всегда, представлено не было, многократное повторение заезженных обвинений привело к тому, что в США и среди их союзников они воспринимаются как аксиоматические факты.

Как не сложно догадаться, под американские санкционные ограничения под разными предлогами попал целый ряд российских оборонных предприятий, в том числе связанных с космическими исследованиями – той областью, где сотрудничество между двумя странами всегда было интересно обоим государствам.

Особой областью фактически санкционного давления со стороны Запада на Россию является *большой спорт*. Это – крупная и самостоятельная тема, заслуживающая отдельной статьи. Сугубо схематично отметим несколько обстоятельств.

Постоянно обвиняя СССР, а ныне Россию в политизации спорта, Запад сам этим активно занимается. Здесь уместно привести русскую народную поговорку, что на воре и шапка горит.

Вспомним летнюю Олимпиаду-1980 в Москве, предлогом для бойкота которой послужил ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан, причём в строгом соответствии с международным правом. После этого американцы многократно вторгались в суверенные государства, не обременяя себя заботой соотносить свои действия с международным правом. Если следовать логике их поведения в преддверии московской Олимпиады, то Олимпийское движение давно бы развалилось, потому что бойкоты в связи с поведением американцев были бы вполне правомерны в целом ряде случаев.

Следующий резонансный эпизод – *агрессия режима Саакашвили против Южной Осетии* (в ходе этой акции были убиты российские миротворцы). Началась эта война 8 августа 2008 г. (война 08.08.08) – в день открытия Олимпиады в Пекине, где в тот момент находился премьер-министр России В.В. Путин. Никто из серьёзных аналитиков не поверит, что это – случайное совпадение. Всё было просчитано «авторами сценария» (вероятно, за океаном) до мельчайших деталей.

Та же модель была повторена во время кровавого путча на Украине в 2014 г. Захват власти в Киеве был осуществлён за несколько часов до завершения зимней Олимпиады в Сочи, что тоже явно было заранее просчитано. Сегодня мы более или менее знаем тех, кто засветился на публике, но имена драматургов этой драмы до сих пор остаются неизвестными. Но опять же политика (если путч можно назвать политической) и большой спорт волей незримых кукловодов оказались в одной связке.

После сочинской Олимпиады Россия постоянно подвергается давлению со стороны международных спортивных структур (прежде всего ВАДА и МОК), которые преследуют не только отдельных спортсменов, но и наше государство в целом. Если спортсмен применил допинг или совершил какое-то иное преступление – это нужно доказать. И нести ответственность он должен (в случае доказанности его неправомερных действий) в индивидуальном порядке. Это – дважды два любого права, начиная с римских времён. Любые действия со стороны международных неправительственных организаций – а таковыми по своему статусу являются ВАДА и МОК – в отношении суверенного государства, связанные с запретом использовать на спортивных соревнованиях национальную атрибутику (флаг, гимн, форму и т. д.), являются абсолютно неприемлемыми и незаконными. Это очевидное нарушение международного законодательства, в том числе и Устава ООН.

Кто здесь режиссёр – тоже ясно, и не нужно прикрывать международно-правовой беспредел ссылками

на «чистоту» спорта и прочие обстоятельства.

Россия, которая стала объектом подобного давления, должна продумать концепцию реагирования на подобные вызовы. Этого требует в том числе и забота о большом международном спорте: сегодня Запад (а именно западные чиновники доминируют в спортивных инстанциях) занялся Россией, завтра на её месте может оказаться любая другая страна, к примеру Китай. И так до бесконечности, а Запад в рамках этой парадигмы всегда будет оставаться «белым и пушистым».

Таким образом, современный односторонний санкционный механизм, которым активно пользуются в своей политике США и их союзники, включает несколько вариантов санкций.

Выделим главные направления санкционной стратегии.

Первое – экономические и финансовые санкции. Главная цель – вызвать недовольство народа в отношении властей. При этом Запад не останавливается перед разрушением системы ВТО, для вступления в которую России потребовалось без малого два десятилетия напряжённых переговоров и всевозможных уступок, а также прочих механизмов многосторонних торгово-экономических отношений.

Второе – политические санкции. Применяются против высших государственных чиновников, политических деятелей, парламентариев и др. Цель – максимально свернуть межгосударственный политический диалог.

Третье – дипломатические санкции. Предполагают высылку дипломатов, атаки на дипломатиче-

скую собственность, введение ограничений при выдаче виз и т. д.

Четвёртое – санкции против оборонных предприятий и высших военных. Решается несколько задач: ограничить военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами, свести к минимуму контакты между военными, минимизировать возможности импорта Россией продукции, которая теоретически может представлять интерес для «оборонки».

Пятое – санкции в спортивной области.

Шестое – санкции, препятствующие контактам между общественностью. Цель – свести к минимуму народную дипломатию, которая может быть эффективной при отсутствии иных каналов общения и диалога.

Особое направление – «подпитка» несистемной оппозиции, провоцирование «цветных» и прочих революций. Несколько раз смена режимов или векторов ориентации стран постсоветского пространства удалась, почему бы не повторить это снова.

Как квалифицировать подобную политику властей США и их сателлитов по НАТО, ЕС и из других мест земного шара?

Совершенно очевидно, что односторонние санкции, которые власти западных государств регулярно по самым разным придуманным ими поводам вводят против России, являются весьма важным звеном гибридной войны, которую Запад целенаправленно и в открытой форме ведёт против постсоветской России на протяжении последних – как минимум – 15 лет. Реально же, если

учитывать первую волну расширения НАТО в 90-х годах, выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) в 2002 г. и другие недружественные России действия, то значительно дольше.

Гибридная война является относительно новым видом противостояния на международной арене, сравнительно недавно – по меркам истории – изобретённым западной военно-политической мыслью для реализации своих стратегических и тактических целей. Это своего рода новая холодная война XXI в., впитавшая в себя особенности нашей эпохи.

Гибридная война – это война на изнурение, на комплексное изматывание противника, не предполагающая на первом этапе открытых военных действий, но создающая для них необходимую почву на тот случай, если события примут форму жёсткой конфронтации. Характерной чертой гибридной войны является её многокомпонентный характер, т. е. сочетание различных форм давления и дестабилизации государства – объекта такой войны.

Санкции рассматриваются теоретиками гибридной войны как эффективный механизм экономического, морального, политического, идеологического и по ряду других направлений подавления противника. В принципе, ведя гибридную войну, Запад намерен повторить сценарий развала СССР, когда ему удалось сначала подорвать, как раньше говорили, морально-политическое единство советского общества, заставить его усомниться в тех ценностях, которым оно было привержено на протяжении, по крайней мере,

семи десятилетий и вера в которые в решающей степени позволила ему победить в Великой Отечественной войне. В дальнейшем разгром был довершён за счёт навязывания стране «сказок» о светлом и безоблачном капиталистическом будущем.

Важной составляющей стратегии Запада в тот период была война на экономическое изнурение и удушение. Санкции тогда тоже применялись как форма воздействия, но в наши дни они обрели гораздо более выраженный, структурированный и целенаправленный характер. Поэтому рассчитывать на то, что в ближайшие годы Запад ослабит свой санкционный прессинг на Россию, не приходится. Скорее наоборот. Западный санкционный механизм будет постоянно дополняться различными инновациями в этой области, приобретать всё более изощрённые, коварные и аморальные формы.

На санкции Запада Россия отвечает своими контрсанкциями, которые оказались весьма болезненными для экономик целого ряда западных стран, сотрудничество которых с Россией в прежние годы носило продвинутый характер.

Весьма эффективной является политика импортозамещения: в силу необходимости России потребовалось в срочном порядке нарастить производство многих важных для национальной экономики товаров, создать, по сути, новые отрасли, разрушенные во время «экономического эксперимента» 90-х годов, воссоздать оборонную промышленность, которая не только успешно абсорбировала достижения военной мысли советского времени, но и развила их на базе нового этапа технологической революции.

Произошёл исторический разворот России на Восток, который в XXI в. становится драйвером экономического роста и прогресса. Ставший реальностью стратегический альянс России и Китая является главным внешнеполитическим достижением нашей страны в постсоветский период. США своей близорукой политикой, во многом своими собственными руками посодествовали выстраиванию прочного российско-китайского взаимодействия, которого они всегда боялись и на недопущение которого были направлены усилия их внешнеполитического и разведывательного аппаратов со времён Никсона – Киссинджера.

Санкционный запал американской внешней политики XXI в. привёл к появлению глубокой пропасти недоверия между Москвой и Вашингтоном. Как представляется, нынешний уровень недоверия между двумя странами – беспрецедентный. Ничего подобного не было за всю историю двусторонних отношений, включая период холодной войны.

Для того чтобы хоть как-то растопить лёд недоверия, потребуются не годы, а десятилетия. В середине июня 2021 г. состоялась встреча президентов России и США на нейтральной территории в Женеве, которую многие журналисты поспешили называть исторической. Участники говорили о важности поддержания стра-

тегической стабильности, вновь подтвердили тезис о том, что в ядерной войне не может быть победителей и побеждённых, который являлся квинтэссенцией советско-американского диалога в первой половине 70-х годов, открывшего путь к подписанию эпохальной важности соглашений в сфере контроля над вооружениями и разоружения.

Однако в наши дни не нужно быть Дельфийским оракулом, чтобы предположить, что быстрого прорыва в российско-американских отношениях не произойдёт. Это задача, рассчитанная на поколения российских и американских политиков.

Напомним, что поправка Джексона – Веника – жалкое подобие нынешнего набора антироссийских санкций – просуществовала 40 лет и была снята взамен на другой недружественный против России акт.

Не будем гадать, сколько времени потребуется американскому истеблишменту, чтобы избавиться от антироссийских санкций. Думается, что десятилетия. Но прежде эти люди должны преодолеть в себе комплекс генетической русофобии. А эта задача ещё более сложная. Созданные завалы в российско-американских отношениях имеют не только материальное выражение. Они (завалы), выражаясь словами профессора Преображенского, в «головах»; уточним – в американских головах.

Жестокая и беспощадная антироссийская санкционная политика является очередным внешнеполитическим уроком, который мы призваны хорошо усвоить.

Проходят десятилетия и даже столетия, но в позиции коллективного Запада в отношении России ничего кардинально не меняется. Его цель остаётся прежней – всеми силами сдержать Россию и прежде всего в те истори-

ческие моменты, когда на горизонте брезжит перспектива многогранного российского цивилизационного рывка.

Поэтому мы призваны руководствоваться в своих действиях одной простой истиной: интересы России, российского народа – превыше всего!

Время любых иллюзий прошло.

Пришло время долговременной, последовательной, рациональной, прагматичной, выверенной внешней и оборонной политики, которая должна иметь характер общегосударственной, т. е. безоговорочно разделяться и поддерживаться всеми российскими политическими силами.

Библиография • References

Устав ООН (полный текст) // URL: un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
[Ustav OON (polnyj tekst) // URL: un.org/ru/about-us/un-charter/full-text]

Штоль В.В. Восторжествует ли разум в мировой политике? // Обозреватель–Observer. 2017. № 10. С. 6–13.

[*Shtol' V.V.* Vostorzhestvuet li razum v mirovoj politike? // Obozrevatel'–Observer. 2017. № 10. S. 6–13]

Статья поступила в редакцию 23 июня 2021 г.

Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики*

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Олег РОДИОНОВ

От редакции.

Формирование нового мироустройства в XXI в. привело к многочисленным последствиям, в том числе появлению двух новых чётко формирующихся тенденций в мировой политике:

– *расширению круга потенциальных противников-субъектов международных отношений (МО)*, против которых используются враждебные действия, вплоть до включения в него своих союзников;

– *резкому расширению всего спектра силовых средств противоборства (военных и невоенных) против субъектов и других акторов МО.*

Редакция журнала предложила профессору А. И. Подберёзкину и его заместителю О. Е. Родионову порассуждать на эту тему в серии статей.

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezhkin@gmail.com

РОДИОНОВ Олег Евгеньевич – заместитель директора Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: o.rodionov@inno.mgimo.ru

Ключевые слова: человеческий потенциал, национальный человеческий капитал, институты развития НЧК, военно-политическая обстановка, силовые средства вооружённой борьбы, меры силового противоборства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31537.

Первая ваша задача как стратега – расширить своё понимание слова «неприятель», включив в него понятие всех тех, кто действует против вас, препятствует вам, пусть даже незаметно.

Р. Грин, политический теоретик

Итак, по первой позиции – *расширению круга потенциальных противников-субъектов международных отношений (МО)*, против которых используются враждебные действия, вплоть до включения в него своих союзников, которые могут быть по отдельным вопросам не согласны с проводимой политикой (например, организованной США тотальной слежкой за политическими элитами европейских стран), хаотизации МО и общему падению значения международного права и международных институтов. Это происходит на фоне усилий США по укреплению собственных институтов [1, р. 11], которые, надо отдать им должное, как отметил ещё 20 лет тому назад З. Бжезинский, играют исключительно важное значение [2, с. 26–27].

Абсолютно прав Р. Грин, считающий, что в число потенциальных противников уже включаются все субъекты, даже те союзники, которые могут только потенциально препятствовать реализации ваших целей.

Так, в 2013 г. после признаний бывшего сотрудника ЦРУ Э. Сноудена и в 2021 г. после информации из страны – союзника США – Дании стало известно о глобальной системе слежения за политическими элитами европейских государств ЦРУ и АНБ [3] и других действиях, которые не вполне укладывались в понятие «союзнические отношения».

О факте американской слежки с датского острова стало известно ещё в ноябре 2020 г. Однако тогда речь шла о концерне SAAB, флагмане шведского военно-промышленного комплекса, и датском оборонном концерне Terma.

Что касается SAAB, то здесь особый интерес для АНБ представляла программа многоцелевого истребителя четвёртого поколения Gripen.

Как следовало из сообщений СМИ, другими объектами для сбора информации были нидерландский, норвежский, французский и немецкий трафики данных и политические институты Дании [4].

По второй позиции – *резкому расширению всего спектра силовых средств противоборства (военных и невоенных) против субъектов и других акторов МО* [5].

¹ Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash.: Jan., 2021.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2020.

³ <https://inosmi.ru/politic/20210601/249834131.html>

⁴ Дергачёва И. Скандал в благородном семействе // ТАСС. 2021. 2 июня // URL: tass.ru/opinions/115281127/02/06/2021/

⁵ Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021.

Если в прежние годы такой спектр силовых средств был ограничен преимущественно военными (военно-техническими), либо политико-дипломатическими, либо торгово-экономическими и информационными, то в новом столетии фактически было начато «изобретение» и ускоренное внедрение качественно новых силовых, прежде всего невоенных, средств политики: образовательных, научных, культурно-духовных, информационно-пропагандистских, дезинформационных, когнитивных, которые стали сначала существенно дополнять существующие традиционные средства и меры, а затем и заменять их [6].

Все эти новые силовые средства и меры так или иначе относятся к институтам развития национального человеческого капитала – государственным, общественным, бизнесу и даже личным (ИР НЧК)* [7]. Их быстрое развитие в новом веке неизбежно объективно вытесняло военно-технические средства политики, которые становились всё чаще их дополнением, используемым в крайнем случае при стремлении максимально сократить риски военных столкновений. Из вспомогательных силовых средств политики, какими они были в вековой ретроспективе, они стали превращаться в основные силовые (более того, порой альтернативные военным) средства политики [8, 9].

Во многом этот феномен объясняется следующими основными причинами.

Первое. Резко возросшей эффективностью применения ИР НЧК в качестве политических инструментов политики по сравнению с использованием военной силы.

Важнейшие политические результаты: развал СССР и ОВД; рост влияния Запада в мире, в частности, расширение НАТО и ЕС были достигнуты Западом без применения военной силы, использование которой против Югославии, Ирака, Афганистана, Сирии и других стран было не столь эффективным [10, с. 170–179].

Второе. Низкими рисками военной эскалации, когда политика «силового принуждения» не перерастала автоматически в военный, а тем более ядерный конфликт, что предоставляло политике США и их союзникам гораздо больше возможностей применения невоенных инструментов насилия.

Третье. Относительной дешевизной использования невоенных инструментов политики силы.

⁶ Подберёзкин А. И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: Международные отношения, 2019. С. 71–109.

⁷ Подберёзкин А. И., Крылов С. А. Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Обозреватель–Observer. 2018. № 10. С. 21–24.

⁸ Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. Wash., 2021. April 9. P. 21.

⁹ Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March.

¹⁰ Подберёзкин А. И. Война и политика в современном мире. М.: Международные отношения, 2020.

* ИР НЧК – это широкое понятие, которое охватывает все институты государства и общества как «фабрики воспроизводства социальных отношений и связей» (Э. Дюркгейм).

Известно, например, что, по официальным данным, изменение политического режима на Украине обошлось Вашингтону в 5 млрд долл., в то время как война в Ираке – более чем в 1100 млрд [11].

Четвёртое. Инвестиции в создание силовых средств и силовые способы применения ИР НЧК – это во многом одновременно и инвестиции в национальное развитие, что убедительно было доказано Д. Трампом, который сделал это принципом своей политики.

Традиционный выбор в пользу расходов на обеспечение военной безопасности военно-техническими средствами или в пользу развития частично был заменён альтернативой политикой расходов – на безопасность и развитие.

Политика санкций против России в последние десятилетия демонстрирует, что можно преследовать одновременно обе цели – укрепление безопасности и содействие экономическому развитию страны, не увеличивая существенно риски военной эскалации.

ИР НЧК в политико-дипломатической, экономической и информационной областях, как оказалось, вполне компенсируют собственно военные институты, существенно ослабляя позиции России в мире и одновременно укрепляя позиции США и их союзников.

Так, США и их союзникам удалось в 2010–2021 гг. удалось добиться стагнации экономики России и ухудшения социально-экономического положения в стране, что не потребовало от них дополнительных ресурсов, а главное – угрозы военной эскалации*.

Этот феномен одновременного использования ИР НЧК в качестве средств обороны, средств нападения, а также средств и мер национального социально-экономического и культурно-духовного развития требует более тщательного изучения и обоснования в интересах разработки наиболее эффективной Стратегии национальной безопасности (СНБ) России.

Новая редакция СНБ, о которой заявил секретарь Совета безопасности Н. П. Патрушев, уже отчасти учитывает эту реальность.

Структура и особенности институтов развития

Предмет анализа институтов развития НЧК требует уточнения, потому что в силу целого ряда при-

чин само это понятие нередко путают только с институтами экономического, технологического и

¹¹ Подберезкин А. И., Чирков М. А., Чистяков М. С. Технологии «Цветных революций». Инструмент смены «неудобных» режимов: генезис сетевой трансформации // Свободная мысль. 2019. № 3.

* Эта политика в то же самое время привела к тому, что в России стала быстро набирать силу тенденция во многом вынужденного исправления прежней ориентации на глобализацию (импортозамещение, возрождение перерабатывающих отраслей и т. д.), а также укрепления государственного суверенитета и институтов государства и национальной идентичности. Это объективно развивало ИР НЧК в России и противоречило целям западной коалиции [5].

иного развития или другими понятиями.

Институт развития – это социальный (общественный) институт, созданный в результате эволюции человеческой цивилизации (некоторые могут и добавить к нему институты развития отдельных млекопитающих, которые способствуют быстрой передаче знаний и навыков). Иначе говоря, институты развития – это социальные организмы, опыт, знания, традиции, которые обеспечивают развитие человека, прежде всего его НЧК, общества, бизнеса и государства.

Можно сказать, что ИР стали инструментом превращения человека из биологического в социальное существо, инструментом его развития, прежде всего развития его человеческого капитала. На определённом уровне эволюции общества возрастающую роль стал играть общий ЧК племени, рода, наконец, нации и государства. Соответственно, возрастающее значение приобрели и институты их развития: в период Средневековья и Возрождения стали формироваться массовые ИР НЧК – университеты, академии, государственные институты, существовавшие в предыдущие эпохи в зачаточном состоянии*.

Можно констатировать, что в XXI в. отчётливо обозначился процесс приобретения институтами развития национального человеческого капитала (ИР НЧК) само-

стоятельных силовых политических функций как во внешней политике («цветные революции» на Украине, в Грузии, Молдавии, Армении, Тунисе и многих других странах), так и во внутренней политике (бунт БЛМ в США, эмигрантские бунты в Германии и целом ряд стран Европы, «оранжевые жилеты» – во Франции и т. д.) [10, с. 161–179].

Условно эти ИР НЧК можно разделить на несколько групп, прежде всего государственных и негосударственных (общественных, бизнес, личных), хотя такое деление может быть очень условно.

Так, например, СМИ, которые российский Минюст относит к «иностранным агентам» или выполняющими их функции, могут быть как государственными, так и общественными, и частными, и личными по форме собственности и по источникам финансирования (табл.), что наглядно видно из прилагаемого перечня.

Вместе с тем у этих ИР НЧК существуют принципиальные особенности, которые отличают их друг от друга. Так, наиболее мощные и влиятельные ИР НЧК – государственные (армия, правоохранительные и судебные органы), – которые в некоторых областях обладают практически монопольным правом, например, правом на насилие по отношению не только к внешним субъектам МО, но и собственному народу. Но в последние годы отмечена тенденция, когда на такое же

* Не стоит думать, однако, что в Древней Греции, Древнем Китае или Римской империи таких институтов – общественных и государственных – не существовало, но степень интенсивности их развития и влияния менялась медленно. Как и степень изменений в военных ИР НЧК – армии, флоте, штабах и промышленности.

Иностранные СМИ, выполняющие функции иностранного агента

Иностранные СМИ	Дата включения в реестр
«Голос Америки»	5 декабря 2017 г.
«/del.Реалии»	5 декабря 2017 г.
«Кавказ.Реалии»	5 декабря 2017 г.
«Крым.Реалии»	5 декабря 2017 г.
Телеканал «Настоящее Время»	5 декабря 2017 г.
Татаро-башкирская служба «Радио Свобода» (<i>Azadliq Radiosi</i>)	5 декабря 2017 г.
«Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (<i>PCE/PC</i>)	5 декабря 2017 г.
«Сибирь.Реалии»	5 декабря 2017 г.
«Фактограф»	5 декабря 2017 г.
«Север.Реалии»	15 ноября 2019 г.
ООО «Радио Свободная Европа/Радио Свобода»	11 февраля 2020 г.
Чешское информационное агентство <i>MEDIUM-ORIENT</i>	21 декабря 2020 г.
Пономарев Лев Александрович	28 декабря 2020 г.
Савицкая Людмила Алексеевна	28 декабря 2020 г.
Маркелов Сергей Евгеньевич	28 декабря 2020 г.
Камалаягин Денис Николаевич	28 декабря 2020 г.
Апахончич Дарья Александровна	28 декабря 2020 г.
Юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, <i>SIA «Medusa Project»</i> (рег. № 40103797863 от 10.06.2014 г.)	23 апреля 2021 г.
ООО «Первое антикоррупционное СМИ»	23 апреля 2021 г.
Юридическое лицо, зарегистрированное в Королевстве Нидерландов, <i>Stichting 2 Oktober</i> (рег. № 69126968), являющееся администратором доменного имени интернет-ресурса <i>VTimes.io</i>	14 мая 2021 г.

Источник: Официальный сайт Минюста России: minjust.gov.ru/ru/documents/7755

право претендуют и негосударственные ИР НЧК, причём нередко ориентированные против государственных монопольных институтов. Так, например, в событиях на Украине 2014–2015 гг. были задействованы негосударственные ин-

ституты (причём, некоторые из них – культурно-образовательные и духовные), которые быстро превратились в силовые институты захвата власти. Произошла трансформация ИР НЧК в силовые политические инструменты.

Государственные институты развития: суверенитет и внутриполитическая стабильность

Сейчас в Молдавии всего 80 тысяч активистов работает на западные НКО... которые по отношению к ключевой части населения составляют 12,5%. Это армия, способная повернуть в любую сторону по внешнему заказу...

А. Халдей, финансовый и политический аналитик

Эффективность государственного управления – одно из преимуществ США в мире. Именно об этом говорил Дж. Байден в самом первом своём обращении к конгрессу страны (март 2021 г.) [1]. И неслучайно. На протяжении десятилетий США активно используют институты развития государства, которые только в самые последние годы были несколько потеснены негосударственными ИР НГЧК [12].

Классик политической мысли США и одновременно один из ведущих практиков, З. Бжезинский, вполне определённо охарактеризовал эту ситуацию «симбиоза» военных и невоенных инструментов силы: «Как и в прошлом, применение Америкой “имперской” власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы в военных целях, неявной, но значительной культурной притягательности американского образа жизни...» [2, с. 26–27].

Государственные институты развития, прежде всего силовые, информационные и правоохранительные, играют исключительно важ-

ную роль среди всех институтов. Их нередко монопольное право на власть, как правило, не ставится под сомнение и очень эффективно. Однако есть такие периоды в развитии нации и международных отношений, когда происходит их замещение негосударственными институтами. Этот процесс чаще всего проходит несколько стадий:

- *во-первых*, дискредитации этих институтов (часто самой властью, как это было в СССР);

- *во-вторых*, создания альтернативных центров власти в виде новых государственных институтов либо негосударственных институтов (Народных фронтов и т. п.). Последняя такая попытка провалилась в Белоруссии в 2020 г.;

- *в-третьих*, перехвата властных функций, как это происходило в противостоянии Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 1990–1991 гг. или в советских республиках.

Примечательно, что наиболее эффективные средства и способы борьбы против государственных ИР НЧК – это прежде всего общественные и информационные негосударственные ИР НЧК.

¹² Назаров В., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Выбор наиболее эффективной политики безопасности России: Комментарии по поводу выступления В.В. Путина на заседании Совбеза 22 ноября 2019 года // Обозреватель-Observer. 2019. № 12.

Общественные институты развития НЧК

Общественные (негосударственные) институты развития – это устойчивая совокупность людей, групп, учреждений. Их деятельность направлена на выполнение конкретных общественных функций и строится на основе определенных норм и правил (семья, государство, учреждения образования, здравоохранения).

Институты развития национального человеческого капитала (ИР НЧК) играют исключительно важную роль в развитии нации, её экономики, общества, превратившись во влиятельные политические инструменты. Когда говорят о негосударственных ИР НЧК, то, как правило, имеют в виду именно общественные институты развития, точнее – некоммерческие общественные организации, что существенно суживает спектр негосударственных ИР НЧК, исключая, например, такие влиятельны ИР, как религиозные, научные, творческие и иные, являющиеся в полной мере ИР НЧК.

Как правило, различают четыре сферы жизнедеятельности общества, в каждую из которых входят различные общественные институты и возникают различные общественные отношения*:

– *экономическая* – отношения в процессе материального производства (производство, распределение, потребление материальных благ).

Институты, относящиеся к экономической сфере: заводы, фабрики, банки, рынки, фирмы;

– *социальная* – отношения между различными социальными и возрастными группами; деятельность по обеспечению социальной гарантии.

Институты, относящиеся к социальной сфере: коммунальные службы, образование, система здравоохранения, система социального обеспечения, предприятия связи, предприятия досуга;

– *политическая* – отношения между гражданским обществом и государством, между государством и политическими партиями.

Институты, относящиеся к политической сфере: государство, парламент, правительство, судебная система, политические партии;

– *духовная* – отношения, возникающие при создании духовных ценностей, их сохранении, распространении, потреблении.

Институты, относящиеся к духовной сфере: учреждения системы образования, науки, театры, музеи.

Внимание концентрируется на общественно-политических, иногда экономических и финансовых ИР НЧК, хотя именно творческие организации начинают всё сильнее влиять на политическую жизнь страны.

* Общественные отношения – многообразные связи между группами, классами, нациями в процессе социальной, экономической, политической и духовной деятельности. Эти связи должны быть устойчиво повторяющимися, безличными (формальными), затрагивающими важные стороны жизни.

Например, разного рода «институты памяти» в Польше [13], на Украине и странах Прибалтики, которые под прикрытием изучения истории занимаются политическим воспитанием и активной пропагандой. Причём не только в своих странах, но и за рубежом, превращаясь в площадки для самого разного рода псевдонаучных дискуссий, которые «вдруг» перерастают в политические требования [5].

Демократы в США с помощью негосударственных институтов (общественных и частных) смогли «поправить» государственную власть в 2020–2021 гг., радикально дестабилизировав внутривнутриполитическую обстановку, а затем объявить эти институты высшим политическим приоритетом [8, 9].

Именно в последние два десятилетия эти институты развития НЧК, прежде всего некоммерческие организации – разного рода фонды, СМИ, сетевые издания и общественные организации, стали центральным и, пожалуй, главным внешнеполитическим инструментом США и их союзников [12].

Чтобы представить себе масштаб этого явления в России, достаточно сказать, что по состоянию на 2021 г. в Российской Федерации зарегистрировано более 210 тыс. некоммерческих орга-

низаций, из которых более 86 тыс. – общественные объединения (40,9%), в том числе 39 политических партий и 2342 их региональных отделений; более 30 тыс. религиозных организаций (15%), включая 182 духовные образовательные организации и почти 100 тыс. некоммерческие организации (44,1%) иных организационно-правовых форм.

Также в России зарегистрировано 1228 национально-культурных автономий, из них: федеральных – 21, региональных – 288 и местных – 919.

Каждый год в России государственную регистрацию проходят более 11 тыс. новых некоммерческих организаций, а исключены из ведомственного реестра зарегистрированных некоммерческих организаций порядка 13 тыс. по решению судов и налоговых органов.

Таким образом, в российском обществе сложилась и развивается достаточно мощная сеть из негосударственных институтов развития, которая выполняет целый ряд общенациональных и государственных функций. Очевидно, что её можно использовать как в качестве средства развития, так и национальной обороны.

Бизнес и ИР НЧК

Достаточно часто институты развития человеческого капитала (ИР НЧК) ассоциируют исключительно с экономической сферой, что в целом вполне оправданно: именно в этой области быстрее всего проявляется способность к самостоятельному творчеству и получению экономического результата.

Известно, что успех промышленной революции в Великобритании в XIX в. и США в XX в. был обязан благоприятным условиям развития бизнеса в этих странах и массовому творчеству предпринимателей, т. е. НЧК «креативного» класса.

По сути дела, любые бизнес-структуры – от небольших частных фирм до огромных корпораций – ИР НЧК в экономике и финансах, име-

¹³ Штоль В. В. Польша: амбиции новые, а претензии старые // О национально ориентированной теории международных отношений. М.: Издательство Московского университета, 2021.

ющие социальную, относительно устойчивую, основу. Если в таких структурах уделяется внимание развитию НЧК, то там происходит резкий рост не просто экономической эффективности, но и технологические скачки, которые выступают локомотивами развития экономики.

Исключительно важную роль в подобных экономических структурах играют научно-исследовательские институты и конструкторские бюро.

Так, например, в Концерне ВКО «Алмаз-Антей» половина из 60 предприятий НИИ и КБ.

Личные ИР НЧК: креативность как главная движущая сила развития нации

Феномен превращения отдельной личности в самостоятельный ИР и национальный потенциал, объединяющий потенциалы отдельной личности, стал особенно заметным в результате информационно-технологической революции последней трети XX в. Именно тогда отдельная личность стала представлять собой мощный ресурс, способный создать *Windows* или *Facebook*, или совершит иной технологический прорыв.

В этих новых условиях нация, в особенности лидер-субъект международных отношений, делает мощные рывки в технологическом, экономическом и военнополитическом развитии, а личный человеческих потенциалов

превращается в институт развития НЧК, школу или целую технологическую и экономическую тенденцию.

В конечном счёте в соревновании цивилизаций, коалиций и государств сможет победить та нация, которая сможет обеспечить максимально полную реализацию индивидуальных ЧП личностей, составляющих нацию.

ИР личных НЧК – мощный ресурс, который, как правило, не используется целиком государствами при реализации их стратегий национальной безопасности: акцент преимущественно делается на государственные ИР НЧК, а иногда (сегодня всё чаще) на общественные и бизнес ИР НЧК.

ИР и НЧК: взаимосвязь и взаимовлияние

Значение НЧК для Стратегии национальной безопасности России – ключевое. Его вполне условно можно разделить на два блока, которые взаимно дополняют и усиливают друг друга, выполняя не просто исключительно важную, а решающую роль в развитии нации.

Если представить нацию в виде биологического организма, то НЧК – это органы (сердце, мозг, печень и пр.), а институты развития НЧК – кровеносная система. Тогда природные ресурсы нации выполняют роль скелета, а машины, оборудование и все средства производства (активы) – мышцу.

Кстати, если посмотреть на современные биологические составляющие человека, которые

определяют его здоровье, то они тоже делятся на общую массу, жир, кости и мышцы.

Это условное сравнение нужно только для того, чтобы показать огромное решающее значение НЧК для человека и нации.

Во-первых, сам национальный человеческий капитал нации, т. е. количество и качество человеческого капитала, его доля в национальном богатстве страны.

Как известно, в развитых странах принято считать, что доля НЧК составляет 75–80% всего национального богатства, ещё 10–15% приходится на созданные материальные активы, а 5–10% – на природные ресурсы.

Существуют незначительные различия среди стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Например, для Норвегии (где огромные запасы углеводородов) и Германии (где природных ресурсов немного).

Но в целом именно НЧК составляет главную часть национального богатства, а кроме того, именно за счёт увеличения НЧК обеспечивается практически всё развитие нации и государства (по некоторым оценкам, до 99%) [14]. Природные ресурсы и активы в развитии государств играют незначительную, практически нулевую роль.

Иными словами, качество и эффективность нации и государства зависит преимущественно от качества и количества НЧК. В самом

упрощённом представлении – от демографических показателей и показателей качества населения. Классический индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП или ИЧР) здесь не вполне годится, потому что он не учитывает именно национальные показатели [12].

В этом смысле каждая личность, каждый отдельно взятый человек – это часть общего НЧК, а весь НЧК – сумма этих отдельных качеств. Поэтому используемые индексы не очень подходят для оценки НЧК всей нации. Необходимо суммировать каждый потенциал отдельной личности с другими, т. е. для нации и государства важен не только каждый отдельный человек, но и его качество, его возможности.

Если, предположим, потенциал отдельной личности будет равен индексу 0,0001, а всего таких личностей наберётся 1 млн то в итоге получится 10 единиц потенциала социальной группы, но если отдельный потенциал будет равен 0,9999, то и вся социальная группа, её мощь будет приближаться к миллиону.

Иными словами, мощь НЧК определяется прежде всего не количеством, а качеством индивидов. Особенно если речь идёт о творческом потенциале таких индивидов, который может увеличить мощь НЧК на несколько порядков.

Так, творческий потенциал С. П. Королёва и его коллег позволил разрушенной экономике СССР обогнать в освоении космоса США, эконо-

¹⁴ Подберёзкин А. И., Родионов О. Е. Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020.

мического и технологического лидера того времени.

Развитие качества НЧК *каждой отдельной личности* – не только главная общенациональная политическая цель, которую ищут последователи «национальной идеи», но и главное средство развития всей нации и государства. Действительно, с точки зрения национальной мощи можно увеличить качество национального человеческого капитала, например, огромной социальной группы, которое в итоге компенсирует демографические провалы.

Так, в Индии за последние 2–3 десятилетия более 300 млн чел. получили высшее образование, что позволило увеличить мощь страны в разы, а темпы развития её экономики – в десятки раз. Более того, это же привело к созданию в Индии качественно новой армии, оснащённой самыми современными видами вооружения, военной и специальной техник (ВВСТ).

Во-вторых, не важна сама «кровеносная система», т. е. те институты, благодаря которым *развивается НЧК*. Проблема в том, что сам по себе НЧК не может развиваться: даже в семье (если живут изолированно) потенциал личности развивается благодаря знаниям, навыкам и воле отдельных личностей, использующих семейные технологии. Причём эти институты вы-

полняют самые разные, но очень важные функции:

- развития НЧК личности и всей нации;

- противодействия внешнему влиянию различных акторов, например, враждебных СМИ и НКО, экстремистских, террористических и специальных организаций;

- осуществление функций инструментов внешней политики, в том числе силовых.

Эти институты могут быть как *государственными*, так и *негосударственными* – общественными, бизнес-структурами, смешанными, семейными и личными, т. е., в принципе, каждый человек отдельно может стать таким институтом развития НЧК, когда он не только развивает себя, но и окружающих* [15].

Итак, на политику государства оказывает постоянное влияние, как негативное, так и позитивное, большое количество внешних – государственных, международных и частных – институтов развития НЧК, в том числе институтов гражданского общества и разного рода НПО, фондов и прочих структур.

В военной стратегии США на этом обстоятельстве специально акцентируется внимание, когда утверждается, что негосударственные акторы начинают играть огромную роль в политике [1, р. 3].

¹⁵ Подберёзкин А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017.

* В широком смысле этого понятия стремительное развитие институтов ЧК привело к появлению такого феномена, как «народная дипломатия», «публичная дипломатия», а позже и «новая публичная дипломатия», как узаконенное использование невоенных силовых инструментов внешней политики.

Значение НЧК и его институтов для безопасности субъекта ВПО

Государственные и негосударственные ИР НЧК России, противостоящие НКО других субъектов ВПО, т. е. область силового противоборства ограничена только невоенной сферой (при стремительно нарастающей условности военной и невоенной областей противоборства), а участники противоборства со стороны Запада – только НКО, но не все ИР НЧК. Среди таких ИР НЧК России огромное значение для силового противоборства имеют идеи и концепции, а не только организации и прочие структуры.

Поэтому недооценка их значения наносит серьёзный удар по качеству ИР НЧК в области безопасности.

Это подтверждается историей и политической практикой.

Так, анализируя мотивы Гитлера при нападении на СССР, Б. Лиддел Гарт подчёркивал: «Гитлер постоянно думал об уничтожении Советской России. И его идея была не просто соображением целесообразности в достижении честолюбивых замыслов; антибольшевизм был его самым глубоким эмоциональным убеждением» [16].

Через 50 лет именно такими же мотивами руководствовалась и правящая элита США. Как писал Э. Бжезинский в 90-е годы, «сильные институты государства сделали Америку империей» [2, с. 14].

Противниками являются субъекты коллективного Запада, входящие

в неформальную широкую «западную» военно-политическую коалицию, к которой относятся не только тихоокеанские и арабские страны, но и некоторые нейтральные государства (например, страны Северной Европы).

События последних десятилетий, начиная с массовых выступлений в СССР «демократической оппозиции» до попытки захвата конгресса США (6 января 2021 г.), показали, что среди силовых инструментов политики появились новые средства достижения политической победы: СМИ, социальные сети и НКО, которые до настоящего времени не рассматривались в качестве главных силовых средств военной организации государств [11, с. 177–184]. В то же время их значение радикально изменилось в последние годы.

Так, если на реформы полиции в Молдавии потратили 70 млн евро, юстиции – 110 млн, образования – 50 млн, то на НКО было выделено 127 млн, причём только по заказам ЕС – 150 млн, не считая структур Дж. Сороса [17].

Тенденция была обозначена ещё в 2018 г. в документах стратегического планирования США [1].

ИР НЧК стали той реальностью, которую не учитывать в политике безопасности уже нельзя.

Как справедливо заметил старший советник RAND Б. М. Джексон, «6 января – день, который следует

¹⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Очерк / пер. с англ. В. В. Борисова. М.: Воениздат, 1976. С. 9.

¹⁷ Халдей А. НКО как апофеоз политической коррупции // Регнум. 16 февраля 2021 г. // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3180268/16/02/2021>

запомнить в календаре насильственного сопротивления федеральному правительству. Неповиновение нелегко вернуть в коробку. События могут заставить протрезветь некоторых ранее подстрекательских политических лидеров, но для само-

званных патриотов, триумфально шагающих по коридорам Капитолия, любые слабые осуждения со стороны таких политиков могут только усилить их чувство предательства и укрепить их решимость... Мы вступили в новую эру» [18].

Библиография • References

- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2020. – 384 с.
[Bzhezinskij Z. Velikaya shahmatnaya doska. M.: Izdatel'stvo AST, 2020. – 384 s.]
- Грин Р. 33 стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2007. – 668 с.
[Grin R. 33 strategii vojny. M.: RIPOL klassik, 2007. – 668 s.]
- Дергачёва И. Скандал в благородном семействе // ТАСС. 2021. 2 июня // URL: tass.ru/opinions/115281127/02/06/2021/
[Dergachyova I. Skandal v blagorodnom semejstve // TASS. 2021. 2 iyunya // URL: tass.ru/opinions/115281127/02/06/2021]
- Джексон Б. М. Битва за Капитолий // The RAND Corporation. 21.01.2021.
[Dzhekson B. M. Bitva za Kapitolij // The RAND Corporation. 21.01.2021]
- Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Очерк / пер. с англ. В. В. Борисова. М.: Воениздат, 1976. – 670 с.
[Liddel Gart B. Vtoraya mirovaya vojna. Ocherk / per. s angl. V. V. Borisova. M.: Voennizdat, 1976. – 670 s.]
- Назаров В., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Выбор наиболее эффективной политики безопасности России: Комментарии по поводу выступления В. В. Путина на заседании Совбеза 22 ноября 2019 года // Обозреватель-Observer. 2019. № 12. С. 6–24.
[Nazarov V., Podberyožkin A., Podberyožkina O. Vybór naibolee effektivnoj politiki bezopasnosti Rossii: Kommentarii po povodu vystupleniya V. V. Putina na zasedanii Sovbeza 22 noyabrya 2019 goda // Obozrevatel'-Observer. 2019. № 12. S. 6–24]
- Подберёзкин А. И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36–54.
[Podberyožkin A. I. Vzaimodejstvie oficial'noj i publichnoj diplomatii v protivodejstvii ugrozam Rossii // Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika. M.: Aspekt Press, 2017. S. 36–54]
- Подберёзкин А. И. Война и политика в современном мире. М.: Международные отношения, 2020. – 312 с.
[Podberyožkin A. I. Vojna i politika v sovremennom mire. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. – 312 s.]
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.
[Podberyožkin A. I. Ocenka i prognoz voenno-politicheskoj obstanovki. M.: YUsticinform, 2021. – 1080 s.]
- Подберёзкин А. И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: Международные отношения, 2019. – 462 с.

¹⁸ Джексон Б. М. Битва за Капитолий // The RAND Corporation. 21.01.2021.

- [Podberyožkin A. I. Rol' SSHA v formirovanii sovremennoj i budushchej voenno-političeskoj obstanovki. M.: Mezhdunarodnye otnošeniya, 2019.– 462 s.]
- Подберёзкин А. И., Крылов С. А. Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Обозреватель–Observer. 2018. № 10. С. 21–41.
- [Podberyožkin A. I., Krylov S. A. Politika, vojna i mezhdunarodnaya bezopasnost' v XXI veke // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 10. S. 21–41]
- Подберёзкин А. И., Родионов О. Е. Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020.– 610 с.
- Подберёзкин А. И., Чирков М. А., Чистяков М. С. Технологии «Цветных революций». Инструмент смены «неудобных» режимов: генезис сетевой трансформации // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 177–184.
- [Podberyožkin A. I., Chirkov M. A., Chistyakov M. S. Tekhnologii «Cvetnyh revolyucij». Instrument smeny «neugodnyh» rezhimov: genezis setevoj transformacii // Svobodnaya mysl'. 2019. № 3. S. 177–184]
- Халдей А. НКО как апофеоз политической коррупции // Регнум. 16 февраля 2021 г. // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3180268/16/02/2021>
- [Haldej A. NKO kak apofeoz političeskoj korrupcii // Regnum. 16 fevralya 2021 g. // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3180268/16/02/2021>]
- Штоль В. В. Польша: амбиции новые, а претензии старые // О национально ориентированной теории международных отношений. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 471–482.
- [SHtol' V. V. Pol'sha: ambicii novye, a pretenzii starye // O nacional'no orientirovannoj teorii mezhdunarodnyh otnošenij. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. S. 471–482]
- Annual Threat Assessment of the US Intelligent Community. Office of the Director of National Intelligence. Wash., 2021. April 9.
- Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March.– 21 p.
- Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash.: Jan., 2021.
- minjust. Gov.ru/ru/documents/7755
- <https://inosmi.ru/politic/20210601/249834131.html>

Статья поступила в редакцию 7 июня 2021 г.

Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и российско- китайское стратегическое партнёрство

Владимир НЕЖДАНОВ

Пётр ЦВЕТОВ

Новаторство председателя КНР Си Цзиньпина

Развитие российско-китайского диалога в XXI в. происходит на фоне изменений партийно-политического дискурса в КНР, который прежде всего связывают с именем генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина, или с «пятым поколением руководителей», как принято называть в Китае партийных и государственных деятелей, занявших руководящие позиции в конце 2012 – начале 2013 г. На XIX съезде КПК (октябрь

2017 г.) позиции «пятого поколения руководителей» были подтверждены и укреплены, генеральным секретарём ЦК КПК был вновь избран Си Цзиньпин. Тогда же в Устав КПК было включено упоминание «Идей Си Цзиньпина о новой эре социализма с китайской спецификой» как руководства в борьбе китайского народа за претворение в жизнь мечты о возрождении нации.

Приход к власти «пятого поколения руководителей» пришёлся на

НЕЖДАНОВ Владимир Львович – аспирант Дипломатической академии МИД России. E-mail: vn1993@yandex.ru

ЦВЕТОВ Пётр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. SPIN-код: 7000-1559. E-mail: proviet99@mail.ru

Ключевые слова: Китай, Россия, «Идеи Си Цзиньпина», «Китайская мечта», «Сообщество единой судьбы человечества».

время споров о приемлемости дальнейшего применения во внешней политике страны формулы Дэн Сяопина «скрывать свои способности и ждать своего времени» (таогуан янхуэй). Так, ещё в 2009–2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса в Пекине участились призывы «делать что-то реальное» и «набраться мужества и решимости» [1, с. 5]. При этом уже в 2012 г. призывы соблюдать формулу Дэн Сяопина носили единичный характер, тогда как требования переходить к «активным действиям» стали массовыми [1, с. 6].

Тем не менее многие исследователи проводят условный водораздел между старыми и новыми подходами КНР к внешней политике именно в 2013 г.

В подтверждение можно привести факт, когда во время коллективной учёбы Политбюро ЦК КПК (28 января 2013 г.) Си Цзиньпин обозначил ряд акцентов во внешнеполитической идеологии КНР.

Председатель КНР призвал «укреплять стратегическое мышление» и «наращивать способности к созданию стратегии». Вместе с этим было заявлено о необходимости

чётко обозначить пределы, за которые Китай не должен выходить при реализации более активной внешней политики [2]. Или, другими словами, Китай при «укреплении стратегического мышления» не должен жертвовать «коренными интересами».

В китайской политической мысли в понимание «коренные интересы» (хэсинь ли'и) включаются защита государственного суверенитета, обеспечение безопасности, территориальной целостности, а также интересы развития [3].

Один из авторитетных зарубежных китаеведов, 26-й премьер-министр Австралии Кэвин Радд, считает, что уже к 2014 г. Китай перестал следовать внешнеполитической доктрине Дэн Сяопина, призывающей «хладнокровно наблюдать», «вести себя скромно», «не претендовать на лидерство», «выжидать в тени», «крепко стоять на ногах» [4]. При этом официального отказа от линии «сокрытия возможностей» в Китае не озвучивалось [5].

Потребность в большей активности внешней политики КНР была обусловлена укреплением международных экономических

¹ *Портяков В. Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М., ИДВ РАН, 2015. С. 5.

² Си Цзиньпин: тунчоу лян гэ дацзю ханши цзоу хэпин фачжань далюу дэ цзичу (Си Цзиньпин: Координация двух общих ситуаций и укрепление основы для вступления на путь мирного развития) // The Central People's Government of the People's Republic of China. 29.01.2013 // URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-01/29/content_2321822.htm

³ China's Peaceful Development // Information Office of the State Council The People's Republic of China, September 2011 // URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm

⁴ Rudd K. Xi Jinping, China and the Global Order: the Significance of China's 2018 Central Foreign Policy Work Conference // Asia Society. 26.06.2018 // URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2019-01/Xi%20Jinping_China%20and%20the%20Global%20Order.pdf

⁵ *Ломанов А.* Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 10.

позиций страны. Долгое время Пекин ставил во главу угла своё внутрихозяйственное развитие, что позволило Китаю выйти на второе место в мире по объёму ВВП. Тем не менее, несмотря на повышение экономического веса КНР, политическая роль Срединного государства на международной арене к приходу к власти «пятого поколения руководителей» (2012–2013 гг.) была довольно скромной и уступала экономической мощи страны. Таким образом, сложилась ситуация, требующая ввести в международный дискурс конкурентоспособные идеи, концепции и теории, которые бы отвечали вызовам времени.

Для российского научного сообщества и практиков-международников, работающих на трек сотрудничества с КНР, важно разобраться в особенностях внешнеполитического курса Пекина.

Концепция «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» (Чжунхуа миньцзу вэйда фусин), или кратко «Китайская мечта» (Чжунго мэн), была предложена Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки «Путь возрождения» в Национальном музее Китая.

Вскоре «Китайская мечта» стала одной из основ, на которой выстро-

ились концептуальные основы современной внешней политики КНР [6]. Сама концепция «Китайской мечты», наряду с целеполаганием на необходимость добиться удовлетворения общественно-политических, экологических и культурных потребностей китайского народа [7], подчёркивает стремление КНР построить современную страну при развитии китайской модели универсализма в международных отношениях [8].

Важно учитывать, что концепция «Китайской мечты» в современной интерпретации стала символом, демонстрирующим преемственность политического курса КПК и китайских руководителей от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. Так, составленная к 70-летию КНР «Летопись (хроника) Китайской Народной Республики», была нацелена на демонстрацию единого курса КПК, с 1949 г. стремящейся к «возрождению китайской нации» [9].

Обнародование «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» произошло во время проведения Центральной рабочей конференции по международным отношениям (июнь 2018 г.). «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» в китайской прессе были названы важной частью «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спе-

⁶ Tsai Chung-min. The Chinese Dream: a Vision for China's Future or a Decade-Long Fantasy? // Carnegie Endowment for International Peace // URL: https://carnegieendowment.org/files/Chung-min_Tsai.pdf

⁷ Ян Сяофэн. Лунь синьшидай того шэхуэй чжунго маодунь дэ бянхуа (Об изменении основных противоречий в нашем обществе в новую эпоху) // Чжунго Гоньчандан синьвэнь ван, 05.05.2019 // URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0505/c40531-31063498.html>

⁸ Ван Изэй. Чжунго мэн дэ саньчун нэйхань (Тройной смысл китайской мечты) // Хуаньцю Шибао. 29.01.2013 // URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/9CaKrnJz4wr>

⁹ Чжунхуа жэньминь гунхэго дашицзи (Летопись (хроника) Китайской Народной Республики) // Xinhua. 27.09.2019 // URL: http://www.xinhuanet.com/2019-09/27/c_1125049752.htm

цификой для новой эры», а также фундаментальным руководством

для зарубежной работы Китая в новую эпоху [10].

Цели и задачи современной китайской дипломатии

Наиболее полное представление о содержании взглядов и подходов председателя КНР Си Цзиньпина, в том числе его идей о дипломатии, можно составить по многотомному изданию «Управление Китаем» (*Governance of China* / Си Цзиньпин тань чжиго ли чжэн).

«Управление Китаем» представляет собой официальный сборник речей и бесед Си Цзиньпина по широкому кругу тем, касающихся управления: от концепций и политики внутреннего развития до экологии, национальной обороны, антикоррупционной деятельности, а также ряда принципов, определяющих растущее влияние КНР на международные отношения [11].

Анализ содержания сборника «Управление Китаем» даёт достаточно оснований для того, чтобы увидеть, как от имени Си Цзиньпина вносятся новые элементы во внешнюю политику Китая или делаются новые акценты в отношении старых внешнеполитических подходов.

В издании представлено последовательное стремление к мирному развитию и стабильности наряду

с решительной защитой основных интересов Китая, сосредоточенных на обеспечении суверенитета и территориальной целостности, безопасности и развития. Сделан акцент на том, что КНР никогда не будет стремиться к развитию за счёт интересов какой-либо другой страны.

Подобный подход демонстрирует преемственность с концепцией «мирного возвышения» Китая.

Так, Чжэн Бицзянь, известный политолог и бывший исполнительный директор Партийной школы при ЦК КПК, в 2002–2004 гг. сформулировал особенности укрепления позиций КНР в международных отношениях, которые подчёркивают отличия подходов Китая от Запада и СССР и заключаются в отсутствии желания стать мировым гегемоном [12]. При этом:

– определён вектор на создание и развитие новых международных экономических и финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шёлкового пути;

– выражено стремление добиться ведущей роли в решении таких во-

¹⁰ Чен Сяньян. [Сюэси юли] Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжиинь синь шидай Чжунго тэсэ даго вайцзяо ([Учиться разумно] «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» направляют дипломатию крупных стран с китайской спецификой) // Жэньминь жибао. 2018. 10 августа // URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0810/c1001-30222342.html>

¹¹ Swaine M. D. Xi Jinping on Chinese Foreign Relations: The Governance of China and Chinese Commentary // Hoover Institution, Stanford University // URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm48ms.pdf>

¹² China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2004 // Brookings // URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf>

просов повестки дня ООН, как кибербезопасность и борьба с терроризмом;

- провозглашена новая стратегия крупномасштабного межконтинентального экономического развития – инициативы «Пояса и пути», связывающей Китай с Европой, Ближним Востоком и Африкой.

В целом комбинирование набора среднесрочных и долгосрочных целей развития, связанных с концепцией «Китайской мечты», направлено на достижение долгосрочной цели – создания сильного и богатого Китая, который живёт в мире с другими державами.

В своих выступлениях Си Цзиньпин наметил пять основных направлений внешней политики КНР:

- обеспечение мирного развития Китая;

- создание новой модели взаимоотношений крупных держав;

- осуществление политики добрососедства;

- сотрудничество с развивающимися странами;

- развитие многосторонних отношений [13, р. 515].

Под «крупными державами» в китайском дискурсе понимаются США, Россия, а также страны ЕС; «добрососедство» относится к отношениям с Индией и странами Юго-Восточной Азии.

Что касается приоритетных задач внешней политики КНР, то, следуя изданию «Управление Китаем», они следующие:

- необходимость поддержки благоприятной внешнеполитической среды, которая будет способство-

вать долгосрочному мирному экономическому развитию КНР [13, р. 292, 326, 328];

- поощрение развития взаимовыгодного сотрудничества, а также упор на отношения КНР с соседними странами на основе принципов дружбы, равенства, искренности, взаимности и инклюзивности [13, р. 271–273, 274–276, 277–282, 297–305, 306–308, 309–311, 315–319, 320–324, 325–329, 333–341, 342–343, 344–352, 355–359, 363–364, 369, 373–377, 383–388, 389–396];

- противодействие внешнеполитическим подходам, унаследованным от эпохи холодной войны [13, р. 272, 293, 289–299, 322, 390];

- создание архитектуры всеобъемлющей безопасности для Азии и мира [13, р. 322, 328, 363, 389–396];

- оборонительная военная позиция по отношению к внешнему миру, стремление избежать гонки вооружений и военных угроз [13, р. 237–239, 301];

- проведение политики, которая направлена на уважение к разным социальным системам и путям развития, принцип невмешательства во внутренние дела других государств [13, р. 299, 316, 321, 337, 346, 356, 391];

- готовность к защите суверенитета, территориальной целостности, безопасности и интересов развития Китая [13, р. 273, 292–293, 326];

- приверженность принципу мирного разрешения споров посредством диалога и консультаций [13, р. 282, 307–308, 309–311, 321, 347–348, 363, 366, 392];

¹³ Xi Jinping. The Governance of China / Volume 1, Beijing, Foreign Languages Press, 2014.

– стремление создать более справедливый и равноправный международный порядок в контексте существующих глобальных и региональных режимов [13, р. 356];

– углубление политики экономических реформ в КНР за счёт расширения участия Китая в международной финансово-экономической системе и мировой экономике [13, р. 345–346, 368–372].

Ключевым элементом внешнеполитической доктрины современного китайского руководства выступает концепция «Сообщества единой судьбы человечества» (Жэньлэй минъюнь гунтунти). Впервые концепция была представлена Си Цзиньпином 23 марта 2013 г. на лекции во время посещения МГИМО(У), а в октябре 2013 г. председатель КНР в парламенте Индонезии обозначил условия, необходимые для построения «сообщества единой судьбы» [14, с. 324–329]. После выступления Си Цзиньпина на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. понятие «сообщество единой судьбы» получило международное признание и вошло в документы этой международной организации.

Суть этой концепции в предложении мировому сообществу, единство которого постоянно подчёркивается, отвечать на вызовы времени совместными усилиями. Концепция декларирует отказ от методов войны и насилия, предпо-

лагает взаимовыгодное сотрудничество всех стран и народов. Этой концепцией Китай продвигает свой взгляд на идеальную систему международных отношений. И строительство этой системы начинается на разных уровнях: как система двусторонних отношений («общее будущее Китая и Лаоса»), региональных сообществ («Сообщество судьбы КНР и АСЕАН» или «Сообщество судьбы КНР – Африка»).

Сегодня все инициативы и мероприятия в китайской дипломатии получают привязку к лозунгу строительства «сообщества единой судьбы человечества». Это словосочетание приобрело нормативный статус и на партийном уровне, и на государственном, так как было зафиксировано в Уставе КПК и в Конституции КНР [15, с. 19].

«Идеи Си Цзиньпина о дипломатии», концепция «Сообщество единой судьбы» не могли появиться без осмысления руководителями КНР ситуации на мировой арене. В итоге в июне 2018 г. генеральный секретарь ЦК КПК предложил оборот «изменения, невиданные за столетие». Как считает Си Цзиньпин, такие перемены в мировом порядке могут позволить Китаю использовать открывшуюся стратегическую возможность для сохранения и укрепления собственных международных позиций [16].

Актуальную картину состояния мировой политики Си Цзиньпин

¹⁴ Ключевые слова Си Цзиньпина / науч. ред. Ван Бинь; сост. «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». М.: Шанс, 2021.

¹⁵ Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». М.: ИДВ РАН, 2020. С. 19.

¹⁶ Цзинь Цаньжун: Цзеду «байнянь вэй ю чжи да бяньцзюй». Чжунго хуоши шицзе бяньцзюй цзуйда да цзы бяньлян (Интерпретация «изменений, невиданных за столетие». Китай как крупнейшая переменная в мире) // Гуаньча. 2020. 16 октября // URL: https://www.guancha.cn/JinCanRong/2020_10_16_568238.shtml

представил на ежегодной конференции Боаоского форума 20 апреля 2021 г. Она носит более алармистский характер.

В своём выступлении Си Цзиньпин дал отрицательную характеристику состояния системы международных отношений, что выражается в росте нестабильности и неопределённости, а также дефиците управления, доверия, развития и мира. Названные негативные тенденции ведут, по мнению китайского лидера, к тому, что в последние годы отсутствуют принципиальные изменения в движении к формированию многополярного мира.

Чтобы выправить сложившуюся ситуацию, предлагается:

- проведение международных консультаций на равной основе для создания будущего с общими выгодами;
- продвижение открытости и инноваций для развития;
- укрепление международной солидарности и универсальных режимов безопасности;
- провозглашается приверженность идеалам справедливости.

Важно, что эти перемены должны происходить в рамках существующей системы международ-

ных отношений. Председатель Си Цзиньпин призывает защитить международную систему во главе с ООН, сохранить существующие нормы и принципы международного права и поддерживать многостороннюю торговую систему, в основе которой лежит Всемирная торговая организация [17].

Можно сделать ряд выводов относительно позиционирования Пекина в современных международных отношениях.

Во-первых, КНР видит себя в качестве гаранта существующего международного политического и экономического порядка. Пекин не намерен добиваться изменения существующего порядка, однако стремится занять в нём более привилегированное место за счёт продвижения собственных инициатив.

Во-вторых, со временем акцент риторики председателя КНР смещается от готовности Пекина играть большую роль в поддержании и развитии экономической составляющей мирового порядка к его готовности играть ключевую роль в поддержании и развитии международного политического порядка.

Москва и Пекин понимают друг друга

Российско-китайский диалог на современном этапе характеризуется как взаимоотношения, вышедшие на самый высокий уровень,

и в рамках онлайн-встречи президента России В. В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина (июнь 2021 г.) и приуроченной к 20-летию

¹⁷ Си Цзиньпин цзай Бо'ао Ячжоу луньтань 2021 нянь нянь хуэй кайму ши шан дэ шизинь чжучжи яньцзын (цюаньвэнь) (Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума 2021 года, полный текст) // Синьхуа. 2021. 20 апреля // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-04/20/c_1127350811.htm?mc_cid=645a3e9cee&mc_eid=ef0502fbf0

Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, диалог двух стран получил характеристику отношений, которые, «не являясь военно-политическим союзом... превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия» [18].

Заявлено, что Россия и Китай имеют единое понимание о необходимости формирования более справедливого демократического миропорядка, сохраняют приверженность существующему международному порядку с центром в ООН. В документе подчёркивается, что российская сторона отмечает позитивное значение китайской концепции построения «сообщества единой судьбы человечества», а также сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Пояса и пути». Такого рода заявление демонстрирует принятие Москвой внешнеполитической позиции Пекина.

Обращает на себя внимание, что в этом документе неоднократно используется словосочетание «взаимная выгода».

Ранее, в 2019 г., российско-китайские отношения были охарактеризованы как «отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» [19]. Подобная характеристика взаимоотношений Москвы и Пекина интегрирует их в контекст партийно-политического

дискурса КНР благодаря обороту «новая эпоха».

Отмеченные в совместном заявлении 2019 г. базовые принципы, которыми стороны руководствуются в своих двусторонних отношениях, в целом соответствуют ключевому понятию современного политического дискурса КНР «международные отношения нового типа», подразумевающего роль КНР как гаранта существующего международного порядка.

Концепция основывается на «пяти принципах мирного сосуществования», а её новизна заключается в распространении этих принципов в качестве универсальной нормы системы международных отношений [14, с. 312]. При этом заявление о защите международной системы, основанной на центральной роли ООН, и миропорядка, сформированного в соответствии с нормами международного права, также выступает одним из ключевых тезисов, направленных на демонстрацию устойчивости международных позиций КНР на современном этапе.

В заявлении лидеров двух стран также говорится о принятии китайского подхода к понятию «развитие». В китайском общественном сознании развитие рассматривается в первую очередь как процесс модернизации, ориентированной на технологии, в отличие от евро-ат-

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 2021. 28 июня // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONxOFSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>

¹⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 2019. 5 июня // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>

лантического дискурса, где развитие подразумевает многомерный социально-экономический процесс с политическими, экономическими, социальными, экологическими и культурными измерениями [20].

В совместном российско-китайском документе 2019 г. был подчеркнут приоритет именно научно-технического и инновационного сотрудничества. К этому уместно добавить, что лидеры обеих стран разделяют убеждение в необходимости обеспечения мира как главного условия экономического возрождения России и Китая.

Исследования, проведённые в Джорджтаунском университете, свидетельствуют, что сегодня основным источником заимствования научных и технических идей для КНР выступает Россия [21]. Можно сказать, что Москва стала гарантом технологического развития Пекина.

Внешнеполитический дискурс «пятого поколения китайских руководителей» получил своё распространение и в более ранних российско-китайских документах.

Например, в подписанной в Пекине в июне 2016 г. министрами иностранных дел России и КНР Декларации о повышении роли международного права. В ней главы ди-

пломатий двух стран сделали очевидную отсылку к идее «сообщества единой судьбы», заявив, что считают принципы международного права краеугольным камнем справедливых и равноправных отношений, которые создают «*сообщество единого будущего для человечества*» (выд. – Авт.) и формируют общее пространство равной и неделимой безопасности и экономического взаимодействия». Стороны также подтвердили, что продолжают руководствоваться «*пятью принципами мирного сосуществования*» [22].

В рамках сближения Москвы и Пекина возрастают возможности использования Китаем политики памяти.

Политика памяти может быть охарактеризована как набор практик и норм, с помощью которых происходит утверждение определённых интерпретаций событий в качестве доминирующих. Идеологическим основанием такой политики является то, что история и память выступают ареной политической борьбы с внешним и внутренним противником. При этом считается, что внешний противник стремится утвердить такую интерпретацию событий, которая наносит непоправимый вред [23].

²⁰ Oud M., Drinhuasen K. The Decoding China Dictionary // Raoul Wallenberg Institute // URL: https://rwi.lu.se/wp-content/uploads/2021/03/Decoding-China-Publication_FINAL.pdf

²¹ Fedasiuk R., Weinstein E., Puglisi A. China's Foreign Technology Wish List // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University's Walsh School of Foreign Service, May 2021 // URL: <https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/CSET-Chinas-Foreign-Technology-Wish-List.pdf>

²² Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25 июня 2016 г. // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698

²³ Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. Май-август 2009. Т. 13. № 3–4. С. 11–13.

Так, в 2020 г. Федеральное собрание России приняло решение о переносе даты окончания Второй мировой войны со 2 на 3 сентября. Это решение сблизило позиции Москвы и Пекина в отношении Великой Победы, противопоставив две страны доминирующему западному нарративу. Кроме того, по мнению Пекина, такое решение России означает открытую поддержку китайского взгляда на историю Второй мировой войны и подчёркивает общность приоритетов России и КНР в мировой политике [24].

Историческая память современного населения Китая основывается на ряде политических концепций, получивших развитие также с приходом к власти «пятого поколения руководителей» во главе с Си Цзиньпином. С 2012 г. Си Цзиньпин неоднократно упоминал о необходимости рассказать миру «Китайскую историю» [25]. Эта концепция направлена на продвижение китайских взглядов и ценностей с целью влияния на мировое общественное мнение. С 2013 г. употребляется понятие «историческое мышление», означающее уважение к изучению истории и использование положи-

тельного исторического опыта для достижения поставленных политических целей [14, с. 301–309].

Связь данных концепций с реализацией ключевых политических подходов Пекина, а именно «Китайской мечты» и «Международных отношений нового типа», выводит проблематику исторической памяти на новый уровень, поскольку использование нарратива о Китае как стране-победительнице и гаранте международного порядка преследует цель не только не допустить фальсификации страниц истории Второй мировой войны, но и укрепить международные позиции Пекина.

Однако было бы легкомысленным не учитывать, что Пекин может стремиться укреплять своё положение на мировой арене, распространяя историческую память Китая в ущерб России, в республик СНГ и далее. Китайская трактовка истории контактов с соседями, не отличающаяся объективностью, в случае её приятия в России, может нанести существенный вред российской стороне при выстраивании отношений со странами Южной и Юго-Восточной Азии, в том числе с Монголией.

Анализируя внешнеполитический дискурс современных китайских руководителей, можно прийти к выводу о созвучности основной его части взглядам российского руководства, соответствии духу отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. Подходы России и Китая к принципиальным вопросам современного миро-

²⁴ Нежданов В. Л. Борьба с фальсификацией истории Второй мировой войны: взгляд из Китая // Евразия. Эксперт. 2020. 27 октября // URL: https://eurasia.expert/borba-s-falsifikatsiey-istorii-ii-mirovoy-voyny-vzglyad-iz-kitaya/?sphrase_id=25018

²⁵ Nadège R. China's Vision for a New World Order // The National Bureau of Asian Research. № 83. January 2020. P. 56.

порядка и ключевым международным проблемам, отмечал министр иностранных дел С. В. Лавров, «совпадают или близки» [26].

В то же время поддержание диалога с КНР требует от российской стороны детального понимания китайского партийно-политического словаря, пристального отслеживания изменений, которые постоянно происходят в нём.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением учёных Института Дальнего Востока РАН, которые рекомендуют отечественным исследователям российско-китайских отношений «учитывать в своих разработках появление в китайском внешнеполитическом планировании фактора руководящих "идей Си Цзиньпина", знать их структуру и содержание» [15, с. 17].

Библиография • References

- Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25 июня 2016 г. // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698
- [Deklaraciya Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o povыshenii roli mezhdunarodnogo prava // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. 25 iyunya 2016 g. // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698]
- Ключевые слова Си Цзиньпина / науч. ред. Ван Бинь; сост. «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». М.: Шанс, 2021.– 351 с.
- [Klyuchevye slova Si Czin'pina / nauch. red. Van Bin'; sost. «Uchebnaya grupa» zarubezhnogo izdaniya «ZHen'min' zhibao». M.: SHans, 2021.– 351 s.]
- Лавров С. В. С оптимизмом смотрим в будущее: к 15-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Жэньминь Жибао. 2016. 18 июля // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2356326
- [Lavrov S. V. S optimizmom smotrim v budushchee: k 15-letiyu podpisaniya rossijsko-kitajskogo Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve // ZHen'min' Zhibao. 2016. 18 iyulya // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2356326]
- Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18.
- [Lomanov A. Novye koncepcii kitajskoj vneshnej politiki // Aziya i Afrika segodnya. 2017. № 12. S. 8–18]
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. Май–август 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–13.
- [Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra. Maj–avgust 2009. T. 13. № 3–4. S. 6–13]

²⁶ Лавров С. В. С оптимизмом смотрим в будущее: к 15-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Жэньминь Жибао. 2016. 18 июля // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2356326

Нежданов В.Л. Борьба с фальсификацией истории Второй мировой войны: взгляд из Китая // Евразия. Эксперт. 2020. 27 октября // URL: https://eurasia.expert/borba-s-falsifikatsiy-istorii-ii-mirovoy-voyny-vzglyad-iz-kitaya/?sphrase_id=25018

[Nezhdanov V.L. Bor'ba s fal'sifikatsiej istorii Vtoroj mirovoj vojny: vzglyad iz Kitaya // Evraziya. Ekspert. 2020. 27 oktyabrya // URL: https://eurasia.expert/borba-s-falsifikatsiy-istorii-ii-mirovoy-voyny-vzglyad-iz-kitaya/?sphrase_id=25018]

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М., ИДВ РАН, 2015.– 280 с.

[Portyakov V. YA. Vneshnyaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v XXI stoletii. M., IDV RAN, 2015.– 280 s.]

Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». М.: ИДВ РАН, 2020.– 240 с.

[Rossiya – Kitaj: shansy i vyzovy otnoshenij «novoj epohi». M.: IDV RAN, 2020.– 240 s.]

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 2021. 28 июня // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>

[Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki k dvadcatiletiyu podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj // Prezident Rossii. 2021. 28 iyunya // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>]

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 2019. 5 июня // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>

[Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii otnoshenij vseob'emlyushchego partnyorstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu // Prezident Rossii. 2019. 5 iyunya // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>]

Ван Ивэй. Чжунго мэнь дэ саньчун нэйхань (Тройной смысл китайской мечты) // Хуаньцю Шибэо. 29.01.2013 // URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/9CaKrnJz4wr>

Си Цзиньпин цзай Боһао Ячжоу луньтань 2021 нянь нянь хуэй кайму ши шан дэ шизинь чжучжи яньцзян (цзоаньвэнь) (Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума 2021 года, полный текст) // Синьхуа. 2021. 20 апреля // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-04/20/c_1127350811.htm?mc_cid=645a3e9cee&mc_eid=ef0502fbf0

Си Цзиньпин: тунчоу лян гэ дацзю ханши цзоу хэпин фачжань далюу дэ цзичу (Си Цзиньпин: Координация двух общих ситуаций и укрепление основы для вступления на путь мирного развития) // The Central People's Government of the People's Republic of China. 29.01.2013 // URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-01/29/content_2321822.htm

Цзинь Цаньжун: Цзеду «байнянь вэй ю чжи да бяньцзюй». Чжунго хуоши шицзе бяньцзюй цзуйда дэ цзы бяньлян (Интерпретация «изменений, невиданных за столетие». Китай как крупнейшая переменная в мире) // Гуаньча. 2020. 16 октября // URL: https://www.guancha.cn/JinCanRong/2020_10_16_568238.shtml

- Чен Сянъян. [Сюэси юли] Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжиинь синь шидай Чжунго тэсэ даго вайцзяо ([Учиться разумно] «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» направляют дипломатию крупных стран с китайской спецификой) // Жэньминь жибао. 2018. 10 августа // URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0810/c1001-30222342.html>
- Чжунхуа жэньминь гунхэго дашицзи (Летопись (хроника) Китайской Народной Республики) // Xinhua. 27.09.2019 // URL: http://www.xinhuanet.com/2019-09/27/c_1125049752.htm
- Ян Сяофэн. Лунь синьшидай того шэхуэй чжунго маодунь дэ бянхуа (Об изменении основных противоречий в нашем обществе в новую эпоху) // Чжунго Гоньчандан синьвэнь ван, 05.05.2019 // URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0505/c40531-31063498.html>
- China's Peaceful Development // Information Office of the State Council The People's Republic of China. September 2011 // URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm
- China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2004 // Brookings // URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf>
- Fedasiuk R., Weinstein E., Puglisi A. China's Foreign Technology Wish List // Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University's Walsh School of Foreign Service, May 2021 // URL: <https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/CSET-Chinas-Foreign-Technology-Wish-List.pdf>
- Nadège R. China's Vision for a New World Order // The National Bureau of Asian Research, #83, January 2020.
- Oud M., Drinhuasen K. The Decoding China Dictionary // Raoul Wallenberg Institute // URL: https://rwi.lu.se/wp-content/uploads/2021/03/Decoding-China-Publication_FINAL.pdf
- Rudd K. Xi Jinping, China and the Global Order: the Significance of China's 2018 Central Foreign Policy Work Conference // Asia Society. 26.06.2018 // URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2019-01/Xi%20Jinping_China%20and%20the%20Global%20Order.pdf
- Swaine M. D. Xi Jinping on Chinese Foreign Relations: The Governance of China and Chinese Commentary // Hoover Institution, Stanford University // URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm48ms.pdf>
- Tsai Chung-min. The Chinese Dream: a Vision for China's Future or a Decade-Long Fantasy? // Carnegie Endowment for International Peace // URL: https://carnegieendowment.org/files/Chung-min_Tsai.pdf
- Xi Jinping. The Governance of China / Volume 1, Beijing, Foreign Languages Press, 2014.– 515 p.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2021 г.

Сотрудничество России и Ирана в сфере безопасности: проблемы и перспективы

Сергей ВОРОБЬЕВ
Григорий РАБОЧЕВ

Исследование проблемных аспектов межгосударственного взаимодействия Российской Федерации и Исламской Республики Иран (ИРИ) является актуальным и имеет непреходящее значения для обеспечения национальных интересов нашей страны в Каспийском регионе. Залогом этого является опора на нормы международного права с реализацией подписанной прикаспийскими государствами в 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Историческая основа межгосударственного взаимодействия России и Ирана

Политические отношения между СССР и Персией установились сразу после Октябрьской революции по предложению В. И. Ленина. Уже в те годы они носили взаимо-

выгодный и равноправный дружеский характер. Это было обусловлено необходимостью мирной жизни с южными соседями. И. В. Сталин воспользовался ослаблением анг-

ВОРОБЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* 352147@gmail.com

РАБОЧЕВ Григорий Борисович – помощник члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. *E-mail:* 7777223g@gmail.com

Ключевые слова: безопасность, российско-иранские отношения, Каспийский регион, транспортный коридор «Север – Юг», Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД).

лийского присутствия на Среднем Востоке и начал расширять советское влияние в Турции и Иране.

Дружественность, доверительность стали основой и для проведения в 1943 г. на территории Ирана Тегеранской конференции глав государств – участниц антигитлеровской коалиции. При этом глава СССР И. В. Сталин настоял на её проведении именно в этой стране, так как советским высшим политическим руководством во главу угла ставилась возможность управления боевыми действиями из Ирана.

Сегодня дипломатические отношения с Исламской Республикой Иран занимают важное место во внешней политике России. Исторически сложившиеся взгляды на отношения Москвы и Тегерана создали некий стереотип по межгосударственному взаимодействию наших стран, особенно в сфере международной безопасности. Как пишут теоретики этого вопроса, создано так называемое кольцо региональной безопасности, охватывающее южнороссийское, кавказское и ближневосточное направления. А это вполне укладывается в стратегические взгляды России, исходя из её национальных интересов.

Необходимо отметить, что вопросы безопасности имели важнейшее значение, начиная с Договора между Россией и Персией 1921 г. Имен-

но этот договор (ст. VI) [1] заложил основы гуманитарного, экономического, финансового и военного взаимодействия двух стран и позволил в 1941 г. СССР и Англии ввести свои войска на территорию Ирана из-за непредсказуемости шаха Реза Пехлеви и сомнения в его лояльности, посадив на престол его 21-летнего сына.

В 30-е годы XX в. советским правительством под руководством И. В. Сталина решались проблемы обеспечения внешней безопасности страны. Одним из важнейших направлений было как раз южное, где было необходимо решить проблему турецких проливов и устранить нефтяной конфликт [2]*.

Проблема прохода через проливы была решена международным сообществом при активном участии СССР в 1936 г. подписанием Конвенции Монтрё, которая регулировала международное судоходство в проливах Босфор и Дарданеллы и возложила на Турцию обязанность соблюдения принципов международного морского права.

Проблемы с разведкой и добычей нефти, её транспортировкой продолжали оставаться в этом регионе на повестке дня практически в течение всего XX в.

Советские пробные бурения в Турции и Иране угрожали британскому влиянию в Средиземном море и на Ближнем Востоке.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1944. С. 970–975 // URL: <http://istmat.info/node/46893>

² Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США / пер. с англ. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. С. 279–281.

* Англо-иранский нефтяной конфликт был связан с аннулированием иранским правительством концессии Дарси (основатель англо-персидской нефтяной компании) в 1932 г. В 40-е годы неоднократно обеими сторонами делались попытки конфликт урегулировать из-за поиска более выгодных условий концессии.

У И. В. Сталина были свои планы на иранскую нефть: он планировал разработку нефтяных месторождений в северных районах Ирана. Кроме этого, была идея отодвинуть советско-иранскую границу южнее бакинских нефтепромыслов, так как Баку располагался лишь в 1,5 км севернее границы. Сталин форсировал события, поддерживая сепаратистское восстание в Иран-

ском Азербайджане, опираясь на советские войска, находившиеся на территории Ирана, и добивался от Тегерана аналогичных с американцами и англичанами нефтяных концессий условий.

США в рамках борьбы с английским и советским влиянием предложили Ирану помощь в форме ленд-лиза, а также своих гражданских и военных советников.

Россия и Иран в вопросах безопасности постсоветского времени

После распада СССР отношения двух стран достаточно активно развивались в военной, политической, экономической и энергетической сферах, что подтверждалось многочисленными двусторонними соглашениями, показывающими миру прочность добрососедских отношений обеих стран. Позднее фактором недоверия между Москвой и Тегераном стал газопровод «Южный поток» – прямой конкурент газопровода «Набукко», который поддерживался США и ЕС для диверсификации источников снабжения европейских стран и предназначался для поставки иранского газа в обход территории России через Балканы. Одной из целей было освобождение Кавказа и Центральной Азии от влияния России, хотя и проходит в регионах, небезопасных с точки зрения терроризма.

С момента распада СССР США пытались активно помешать сотрудничеству Ирана и России в военной области.

В 1995 г. между вице-президентом США Гором и премьер-министром В. С. Черномырдиным было подписано соглашение, ограничивающее российские военные поставки в Иран.

Иранская ядерная программа тоже стала причиной конфликта с США и их союзниками [3], но Россия смогла защитить Иран от недружественной политики Запада и сохранить членство его в МАГАТЭ, продолжив сотрудничество в совместных проектах. Взаимодействие и поддержка Москвой Тегерана в сфере мирного атома может завершиться лишь в том случае, если ИРИ прекратит полноценное сотрудничество с инспекторами МАГАТЭ или выйдет из ДНЯО, что приведёт к ослаблению влияния России в районе Персидского залива.

На сегодняшний день Россия придерживается своей внешнеполитической концепции на развитие всестороннего сотрудниче-

³ Чекушин А. Н. Россия – Иран: проблемы и перспективы сотрудничества // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-iran-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva/pdf>

ства, дружественных и взаимовыгодных отношений с ИРИ. По мнению аналитиков, после снятия западных санкций с Тегерана возможно ухудшение и даже полное прекращение ирано-российского партнёрства. Однако давление Запада на Иран и Россию сегодня не сможет воспрепятствовать развитию ирано-российских отношений. Сотрудничество между странами развивается достаточно активно во многих сферах. Имеется эффективный политический диалог как на уровне президентов, так и на уровне отраслевых министров [4].

Слабой стороной двусторонних отношений по-прежнему является каспийская проблема. 12 августа 2018 г. в г. Актау была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, закрепляющая вопросы сотрудничества прибрежных государств [5].

Как зафиксировано в ст. 8 Конвенции, разграничение дна и недр каспийского моря реализуется с учётом общепризнанных принципов и норм международного права. Это означает, что государствам придётся определять между собой точные координаты раздела [6].

О разделе Каспия на пять равных частей (на чём настаивал Иран) придётся забыть. Тегеран претендовал на 20% акватории

(по «медианному» методу ему досталось бы только 14%), но в документе речи о равном разделении Каспия не идёт. В настоящее время проблема размежевания дна по-прежнему актуальна. В тексте лишь указывается, что «разграничение дна и недр Каспийского моря на сектора осуществляется по договорённости сопредельных и противолежащих государств с учётом общепризнанных принципов и норм права», т. е. конкретные координаты раздела будут определять сами государства между собой.

На сегодняшний день Иран не ратифицировал конвенцию. Ратификация документа уже завершена Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Туркменией.

Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 329-ФЗ ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря [7].

Иран оценивает неоднозначно российскую позицию о правовом статусе Каспия, но его руководство воздерживается от негативных высказываний в сторону России и стремится не акцентировать внимание на разногласиях между Москвой и Тегераном. Для Ирана важно стремление России сохранить своё влияние в постсоветских государствах Каспийского бассейна, так как оно направлено против

⁴ Косачев К. Тегеран идёт цивилизованным путём // URL: <https://rg.ru/2020/11/28/konstantin-kosachev-tegeran-idet-civilizovannym-putem.html>

⁵ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Актау, 12 августа 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>

⁶ Абдуллаев С. А. О. Современный международно-правовой статус Каспийского моря // Наукі праці МАУП. 2010. Вип. 2.

⁷ Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 329-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» // URL: <http://base.garant.ru/72791136/>

стран Запада, особенно против Соединённых Штатов [8].

С началом XXI в. можно говорить о новом витке ирано-российского военного сотрудничества, а также независимой и конструктивной внешней политике России. Стремление России к многополярному миру, разнообразие интересов в международных связях – всё это создало благоприятную атмосферу для ирано-российских связей.

Договор «Гор – Черномырдин» был отменён в 2000 г.

В декабре 2000 г. произошло знаковое событие – впервые с победы Исламской революции в Иране страну посетил министр обороны России И. Сергеев для укрепления сотрудничества в сфере обороны.

В 2001 г. было подписано двустороннее соглашение о военно-техническом сотрудничестве с перспективой заключения многомиллиардных контрактов.

Усиление санкций против ИРИ привело к созданию ограничений в российско-иранском оборонном взаимодействии, длившееся до 2014 г.

В сферах обороны и безопасности двусторонние отношения с этого периода всё более укрепляются, причём имеются предпосылки для их дальнейшего развития. Это было закреплено Соглашением об ирано-российском военном сотрудничестве, подписанным в январе 2015 г. в Тегеране. Соглашение подразумевает борьбу с терроризмом, обмен военными кадрами в целях обучения, использование портов военно-морскими силами данных государств.

Ещё одним доказательством укрепления ирано-российских связей является отмена в 2015 г. запрета на поставку Ирану зенитно-ракетного комплекса С-300, который был наложен президентом России Д. А. Медведевым (2010 г.), так как Россия стремилась в тот период к восстановлению отношений с США.

В июле 2015 г. было подписано Соглашение между Ираном и группой государств, в том числе и Россией, отменившее санкции против Ирана, – Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана (СВПД) [9]. Этот документ, одобренный резолюцией 2231 Совета Безопасности ООН, не позволяет Ирану приобретать тяжёлое вооружение, не получив предварительно разрешение Совета Безопасности ООН [10].

Будущее Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана остаётся неопределённым после выхода США из соглашения (2018 г.). Уже в 2019 г., как ответная мера, Иран приостановил выполнение двух пунктов этого соглашения. Министр иностранных дел Ирана объявил о возможном выходе страны из Договора о нераспространении ядерного оружия как вариант паритетного ответа на ужесточение санкций со стороны США.

После выхода США из СВПД появились предпосылки к прекращению его действия, а также пересмотру некоторых пунктов. При выходе Ирана из СВПД Россия ока-

⁸ Хабиби-Рудсари Р. Российско-иранские отношения в регионе Каспийского моря // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-iranskie-otnosheniya-v-regione-kaspiyskogo-morya/pdf>

⁹ Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1877227>

¹⁰ Евсеев В. «Исторический» успех переговоров в Вене // Обозреватель-Observer. 2015. № 10.

жется в числе немногих, кто сможет развивать сотрудничество в военно-оборонной сфере с Ираном, зависящее от внешних и внутренних факторов. Немаловажна и роль России в современном мире.

Показателем приоритетности Ирана для России является его упоминание в Концепции внешней политики РФ, утверждённой 30 ноября 2016 г.

Поворотным пунктом в военном сотрудничестве Ирана и России можно считать достижение соглашения о проведении учений между военно-морскими силами двух стран в акватории Индийского океана, а также соглашение между Генеральным штабом Вооружённых сил Ирана и Министерством обороны России с акцентом на военно-морские силы стран в 2019 г.

Начала формироваться традиция проведения учений военно-морских сил двух стран, которые состоялись и в 2020 г. и уже в феврале 2021 г.

Необходимо отметить, что в двух иранских портах – Чахбехар на юго-востоке страны и Бушир на юге – будут построены передовые базы военно-морского флота России для использования атомными подлодками.

Ведутся переговоры об оборонном и военном сотрудничестве в регионе Каспия.

Иран активно участвует в Армейских международных играх, проводимых по инициативе Вооружённых сил РФ.

Россия собирается принять участие в планируемых к проведению Ираном совместных учениях в Индийском океане [11].

Одной из возможных перспектив укрепления двустороннего сотрудничества России и Ирана является международный транспортный коридор «Север – Юг», который формирует глобальную инфраструктуру, способную занять доминирующую позицию на геополитическом и геоэкономическом пространстве «Большого Каспия».

Коридор «Север – Юг» является противовесом китайского международного проекта «Один пояс – один путь» и имеет высокую значимость и потенциальные возможности благодаря развитию в перспективе трансграничного товарооборота с использованием торговых портов Астрахани и иранских портов Энзели и Бендер-Аббас. Коридор «Север – Юг» будет способствовать модернизации и комплексному развитию инфраструктуры европейской части России и станет инструментом евразийской интеграции [12].

Одним из интересных и объединяющих мероприятий в контексте практической реализации проекта данного транспортного коридора стал автопробег вокруг Каспийского моря по территории пяти прикаспийских государств, прошедший в октябре 2014 г. Автопробег с символическим названием «Каспий – море дружбы» протяжённостью 4800 км был организован по инициативе и при личном участии члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. Д. Башкина. Цель автопробега – развитие и укрепление межгосударственных связей прикаспийских стран.

¹¹ XVI ежегодное заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/announcements/xvi-ezhegodnoe-zasedanie-valday-sochi/>

¹² Выступление эксперта РОП К. А. Маркелова на экспертной встрече по безопасности Каспийского региона // URL: <http://ruspolitology.ru/intervyu/10680/>

Перспективы российско-иранского сотрудничества в сфере безопасности

Тесное взаимоотношение России и Ирана обусловлено общей антиамериканской риторикой. Две страны разделяют взгляды на региональную безопасность.

У Ирана имеется возможность использовать военно-технические связи России. Всё это усиливает позиции России в Персидском заливе в политическом противостоянии с США.

Военными экспертами прогнозируется усиление военных ирано-российских отношений после 2022 г. Существует заинтересованность России по развёртыванию оборонительного щита на побережье Персидского залива в сотрудничестве с Ираном. В рамках СВПД Иран предоставил авиабазу «Нужех» для российских самолётов для проведения операций в Сирии с использованием воздушного пространства Ирана.

Однако несмотря на все перспективы российско-иранских отношений, обе стороны не хотят стать инструментом борьбы против США и их региональных союзников [13].

18 июня 2021 г. в Иране прошли президентские выборы. С приходом к власти президента ИРИ консерватора Эбрахима Раиси риторика и внешнеполитические векторы Тегерана не должны поменяться, что вытекает из анализа предвыборных программ кандидатов на пост президента страны.

Иран продолжит настаивать на пятой части акватории Каспийского моря.

Что касается Сирии, то интересы Ирана и России здесь совпадают не только в контексте прекращения гражданской войны и сохранения территориальной целостности страны.

С помощью России, участвуя в процессе урегулирования в Сирийской Арабской Республике, Иран формирует позитивный образ одного из ведущих акторов в Ближневосточном регионе.

По остальным направлениям есть расхождения.

Иран, несмотря на всю осторожность в отношении России, видит Москву как понимающую и признающую иранские национальные интересы более чётко по сравнению с другими странами. Также Ирану понятна нейтральная позиция Москвы по отношению к его внешней политике. Вопреки возможным вторичным санкциям США и препятствиям при реализации инфраструктурных проектов в Иране, в Бушере, продолжается строительство второго энергоблока АЭС специалистами «Росатома»*.

На сотрудничество в ядерной сфере негативно повлияет выход Ирана из ДНЯО, так как проекты, связанные с атомной энергетикой, являются самыми крупными и экономически значимыми для на-

¹³ Садеги Э. Мир Мохаммад // Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности. 2020. Т. 22. № 2.

* Сотрудничество зависит от оценки действий Тегерана в МАГАТЭ или если возникнут сомнения в прозрачности его ядерной программы.

ших отношений, поэтому выход или нарушение вышеуказанных договорённостей Ираном может значительно снизить интенсив-

ность ирано-российского взаимодействия и ослабить влияние России в регионе Персидского залива [14].

Несмотря на успешное развитие российско-иранского партнёрства, одним из негативных сценариев, исходя из ситуационного анализа сложившейся в Каспийском регионе международной ситуации, является сценарий, когда существует вероятность ослабления этого сотрудничества. Снижение уровня межгосударственного взаимодействия России и Ирана не только принесёт многомиллионные убытки российской экономике, но и ослабит влияние России на Ближнем Востоке.

Российской стороне нужно учесть этот возможный негативный результат и в своей внешнеполитической деятельности предусмотреть комплекс мероприятий по его недопущению.

Библиография • References

XVI ежегодное заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/announcements/xvi-ezhegodnoe-zasedanie-valday-sochi/>

[XVI ezhegodnoe zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/announcements/xvi-ezhegodnoe-zasedanie-valday-sochi/>]

Абдуллаев С. А. О. Современный международно-правовой статус Каспийского моря // Науки праці МАУП. 2010. Вип. 2. С. 259–265.

[Abdullaev S. A. O. Sovremennyy mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morya // Nauki praci MAUP. 2010. Vip. 2. S. 259–265]

Выступление эксперта РОП К. А. Маркелова на экспертной встрече по безопасности Каспийского региона // URL: <http://ruspolitology.ru/intervyu/10680/>

[Vystuplenie eksperta ROP K. A. Markelova na ekspertnoj vstreche po bezopasnosti Kaspijskogo regiona // URL: <http://ruspolitology.ru/intervyu/10680/>]

Евсеев В. «Исторический» успех переговоров в Вене // Обозреватель–Observer. 2015. № 10. С. 33–41.

[Evseev V. «Istoricheskij» uspek peregovorov v Vene // Obozrevatel–Observer. 2015. № 10. S. 33–41]

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Актау, 12 августа 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>

[Konvenciya o pravovom statuse Kaspijskogo morya. Aktau, 12 avgusta 2018 g. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328>]

Косачев К. Тегеран идёт цивилизованным путём // URL: <https://rg.ru/2020/11/28/konstantin-kosachev-tegeran-idet-civilizovannym-putem.html>

[Kosachev K. Tegeran idyot civilizovannym putyom // URL: <https://rg.ru/2020/11/28/konstantin-kosachev-tegeran-idet-civilizovannym-putem.html>]

Маргоев А. Р. Законсервированный парламент // Известия. 2020. 25 февраля // URL: <https://iz.ru/979914/adlan-margoev/zakonservirovannyi-parlament>

¹⁴ Маргоев А. Р. Законсервированный парламент // Известия. 2020. 25 февраля // URL: <https://iz.ru/979914/adlan-margoev/zakonservirovannyi-parlament>

- [Margojev A. R. Zakonservirovannyj parlament // Izvestiya. 2020. 25 fevralya // URL: <https://iz.ru/979914/adlan-margojev/zakonservirovannyi-parlament>]
- Садеги Э. Мир Мохаммад // Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности. 2020. Т. 22. № 2. С. 276–289.*
- [*Sadegi E. Mir Mohammad // Irano-rossijskoe sotrudnichestvo v sferah oborony i bezopasnosti. 2020. Т. 22. № 2. С. 276–289*]
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1944.– 1270 с. // URL: <http://istmat.info/node/46893>
- [*Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR M., 1944.– 1270 s. // URL: http://istmat.info/node/46893*]
- Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1877227>
- [*Sovmestnyj vseob»emlyushchij plan dejstvij po yadernoj programme Irana // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1877227*]
- Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США / пер. с англ. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус. 2017.– 928 с.*
- [*Stoun O., Kuznik P. Nerasskazannaya istoriya SSHA / per. s angl. M.: KoLibri; Azbuka-Attikus, 2017.– 928 s.*]
- Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 329-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» // URL: <http://base.garant.ru/72791136/>
- [*Federal'nyj zakon ot 1 oktyabrya 2019 g. № 329-FZ «O ratifikacii Konvencii o pravovom statuse Kaspijskogo morya» // URL: http://base.garant.ru/72791136/*]
- Хабиби-Рудсари Р. Российско-иранские отношения в регионе Каспийского моря // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rossijsko-iranskie-otnosheniya-v-regione-kaspiyskogo-morya/pdf*
- [*Habibi-Rudsari R. Rossijsko-iranskie otnosheniya v regione Kaspijskogo morya // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rossijsko-iranskie-otnosheniya-v-regione-kaspiyskogo-morya/pdf*]
- Чекушин А. Н. Россия – Иран: проблемы и перспективы сотрудничества // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-iran-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva/pdf*
- [*Chekushin A. N. Rossiya – Iran: problemy i perspektivy sotrudnichestva // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-iran-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva/pdf*]

Статья поступила в реакцию 23 июня 2021 г.

«Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира

Угрозы и перспективы

Руслан ШАНГАРАЕВ

Реджеп Тайип Эрдоган, пантюркизм и «Армия Турана»

Президент Турции Реджеп Эрдоган в своих выступлениях нередко заявляет об идее пантюркизма и создании так называемой «Армии Турана» [1, 2]. Эти заявления в связи с обострением ситуации в Нагорном Карабахе всё чаще в экспертной среде воспринимаются как намере-

ния турецкой стороны воссоздать Османскую империю 2.0.

Вполне справедливо и то, что такие громкие заявления могут быть направлены не только на внешнеполитическую аудиторию, но и прежде всего на внутреннюю, т. е. это внутриполитический фактор [3, 4].

ШАНГАРАЕВ Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России. E-mail: ruslan.shangaraev@dipacademy.ru

Ключевые слова: Россия, Турция, Средняя Азия, Кавказ, «Армия Турана», постсоветское пространство.

¹ Türk Konseyi'nden Türk Birliği'ne // URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/turk-konseyi-nden-turk-birligi-ne/2205857>

² Cumhurbaşkanı Recep Tayyip Erdoğan'dan çağrı: Vakti geldi // <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/cumhurbaskani-recep-tayyip-erdogan-vakti-geldi-6345745/>

³ Гаджиев А. Г. Отношения между Турцией и ЕС накануне и после досрочных парламентских и президентских выборов в Турции // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2019. № 1.

⁴ Гаджиев А. Г. Отношения между Турцией и ЕС после смены руководства европейского союза 1 декабря 2019 г // Восточная аналитика. 2020. № 4.

Возможно, что таким образом турецкий лидер пытается отвлечь внимание своих граждан от внутренних проблем, таких как: затяжной экономический кризис, галопирующая инфляция, падение курса турецкой лиры, переключая внимание на амбициозные проекты во внутренней и внешней политике Анкары. Однако некоторые действия и внешнеполитические решения, какими бы ни были причины, которые осуществляет турецкая сторона, в долгосрочной перспективе могут таить в себе угрозы для стратегических интересов Российской Федерации.

Речь идёт прежде всего о перспективе создания «Армии Турана» – военного блока, объединяющего тюркоязычные страны. Это проект создания единой армии тюркских государств, в основе которого лежит идея политической консолида-

ции государств с тюркоязычным населением на базе этнической и культурной общности. Потенциальные кандидаты в членство – постсоветские страны: Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Туркмения. Прежде всего речь идёт об их военной интеграции [5, 6]. Важно понимать, что Казахстан и Киргизия – члены ОДКБ, в которую помимо России входит Армения, находящаяся в состоянии замороженного конфликта с Азербайджаном [7]. Участие Казахстана и Киргизии (!) одновременно ещё в одном военно-политическом блоке во главе с Турцией несомненно создаст дополнительные точки напряжённости на постсоветском пространстве.

Более того, возникает логичный вопрос: с кем Анкара собирается воевать? С Россией и её ближайшими союзниками по ЕАЭС и ОДКБ? [8]

Генезис центральноазиатского вектора внешней политики Турции

Центральная Азия не играла важной роли во внешней политике Турции до начала 90-х годов и обрела её только после заявления турецкой стороны о родстве с центральноазиатскими общинами. В годы холодной войны Центральная Азия рассматривалась турецкими политическими деятелями только в кон-

тексте политики СССР, проводимой в отношении проживающих там народов, связи с которыми у Анкары были минимальными.

Стоит отметить, что концептуальные основы внешнеполитических действий Турецкой Республики в Центрально-Азиатском регионе были заложены в период правления

⁵ Косов Г.В., Шангараев Р.Н. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве // Современная наука и инновации. 2020. № 3.

⁶ Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1.

⁷ Надеин-Раевский В.А. Турция: непростой союзник // Год планеты. Ежегодник. 2019.

⁸ Шойгу оценил идею создания Армии Турана // URL: https://lenta.ru/news/2021/03/17/turk_army/

президента Тургута Озала (1989–1993 гг.), что было связано с серьёзными изменениями на международной арене. Турция должна была выстроить новую линию поведения сразу по двум направлениям своей внешней политики:

– *во-первых*, необходимо было сохранить и по возможности нарастить сотрудничество с её ближайшим союзником – США, которые стали во главе новой однополярной системы международных отношений;

– *во-вторых*, образование новых государств вследствие распада СССР предоставляло Турции возможность укрепления позиций на международной арене. Поэтому, используя общность исторических и культурных корней, Турецкая Республика намеревалась распространить своё влияние на новообразованные центральноазиатские республики, перед которыми, в свою очередь, встала задача определения национальных интересов и политических предпочтений. Немаловажным было и стремление Турции взять на себя, с одной стороны, роль проводника США и Европейского союза в регионе, а с другой – роль защитника молодых республик перед Западом.

Дипломатический визит президента Озала в СССР в 1991 г. включал посещение не только России, но и Азербайджана, Казахстана и других союзных республик. Эти визиты показали растущий интерес Турции этим территориям советского Юга. 8 декабря 1991 г. было создано Со-

дружество Независимых Государств, и Турция стала первой страной, которая признала новые независимые тюркские республики [9].

Интересно отметить, что, несмотря на состоявшийся визит в СССР, в программе 49-го правительства Турции (21 ноября 1991 г. – 25 июня 1993 г.) не содержалось отдельных положений о развитии отношений с республиками вне контекста отношений с СССР.

В частности, в данном документе имелись следующие установки: «Наше правительство придаёт большое значение дружественным отношениям и сотрудничеству с Советским Союзом, который находится в процессе исторической реструктуризации. Мы искренне хотим завершить этот процесс в условиях демократии и мира. В развитии отношений с республиками этот подход будет основываться на базовом подходе. Тот же подход будет доминировать в наших отношениях с республиками на Кавказе и в республиках, с которыми у нас есть общие язык и культура» [10].

Эти положения можно охарактеризовать как осуществление осторожных шагов по направлению формирования отдельного вектора внешней политики Турции в Центральной Азии.

Первое же упоминание о Центральной Азии как о самостоятельном субъекте можно увидеть в программе 50-го правительства Чиллера (25 июня 1993 г. – 5 октября 1995 г.) [7].

Этот документ представляет собой конвенциональный ответ турецкой внешней политики на фунда-

⁹ Шангараев Р. Н. Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2.

¹⁰ VII. Demirel Hükümeti Programı (21.11.1991–25.06.1993) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

ментальные перемены, происходившие в международных отношениях того периода. Здесь впервые появляется обозначение такого региона, как Евразия, а именно: укрепление мира и сотрудничества в треугольнике Европа – Евразия – Ближний Восток объявляется одной из основных целей Турецкой Республики. Кроме того, подчёркивая «важность политического и экономического сотрудничества и солидарности» с Россией, достигшими независимости соседними странами и другими государствами, новое правительство говорит о стремлении развивать более близкое сотрудничество во всех областях с постсоветскими странами.

«В этом контексте мы будем уделять особое внимание укреплению наших связей с Азербайджаном и республиками Центральной Азии, которые имеют общие языковые, религиозные и культурные связи», – говорится в программе правительства.

В последующих правительственных установках постоянно подчёркивается необходимость укрепления экономических и культурных связей с центральноазиатскими республиками, а также определяется место Турции как ключевого государства в процессе «евразизма» [11].

Итак, Турция была первой страной, признавшей независимость новых государств Средней Азии. В те

годы турецкие политики восторженно обсуждали возможности для «восстановления тюркского единства», а в СМИ появлялись новые термины: «узбекские турки», «киргизские турки», «татарские турки» или просто – «внешние турки» [9, 12].

Для таких «внешних турок» активно создавались образовательные программы, где молодым выходцам из Средней Азии и Азербайджана рассказывали о преимуществах турецкого пути развития. Турки также предоставляли стипендии для тюркоязычных студентов как на территории самой Турции, так и в местных филиалах её образовательных учреждений. Кроме того, во всех тюркоязычных республиках на постсоветском пространстве с тех пор активно действуют турецкие спутниковые каналы [13, 14].

В начале 90-х годов экс-премьер-министр Турции Сулейман Демирель говорил, что у его страны появилась уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ». Для реализации этой цели значительную роль играло Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТКА), созданное при турецком МИД, цель которого – развитие отношений с тюркоязычными постсоветскими странами [13].

Примечательно, что в программе первого правительства Партии справедливости и развития, находя-

¹¹ IV. Ecevit Hukumeti Programı (11.01.1999–28.05.1999) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii_demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

¹² Gadzhiev A. G. Geopolitical, Trade and Economic Interests of Turkey and Iran in the Southern Caucasus // Turkish-Russian academics. A historical study on the Caucasus. Ankara. 2016.

¹³ Шангараев Р. Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель-Observer. 2017. № 11.

¹⁴ Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the turkish context: what is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2.

щейся у власти в Турции с ноября 2002 г. по настоящее время, Центральная Азия упоминается только как зона общих интересов Турции и России.

«Будут поддерживаться добрососедские, основанные на сотрудничестве, не причиняющие ущерб взаимным интересам в культурно близких нам странах Центральной Азии и Кавказа отношения с РФ», – подчёркивается в документе [15].

Между тем этот регион упоминается как адресат «политики помощи» [16] наряду с Балканами, Ближним Востоком, Африкой. В последующих же программах развитие сотрудничества со странами региона характеризуется как одно из основных стратегических целей [17].

Концептуально оформленное расширение сотрудничества с новыми независимыми государствами региона Центральной Азии было залогом повышения значимости Турции для западных партнёров, находящихся слишком далеко от региона, чтобы напрямую участвовать

в процессах, развернувшихся на постсоветском пространстве. Неслучайно США выступили главным спонсором продвижения так называемой турецкой модели в регионе. Светская модель в мусульманском обществе, которая характеризуется демократическими традициями и приверженностью правилам свободного рынка, по мнению Запада, помогла бы укрепить западные ценности и, что наиболее важно, была бы идеальным антиподом потенциального распространения иранской модели и возвращения русской гегемонии. С этой точки зрения проецирование влияния Анкары на Центральную Азию помогло решить основную проблему, с которой столкнулись лица, принимающие решения в Турции в условиях господства постбиполярной системы, т. е. необходимость подтвердить позицию страны для евро-атлантических партнёров и в то же время продвинуть собственные национальные интересы в быстро меняющейся региональной среде.

Тюркский совет: от диалога культур до политической интеграции

Первым шагом в направлении интеграции тюркских республик было создание 3 октября 2009 г. в Нахичевани (азербайджанском городе на границе с Турцией) Совета сотрудничества тюркоязычных го-

сударств, в который вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан.

Данному объединению предшествовали другие тюркские организации, деятельность которых находи-

¹⁵ Gül Hükümeti Programı (18.11.2002–14.03.2003) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

¹⁶ II. Erdoğan Hükümeti Programı (29.08.2007–06.07.2011) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

¹⁷ III. Erdoğan Hükümeti Programı (06.07.2011–29.08.2014) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

лась по большей части вне политики и геополитики, а, скорее, в культуре и филологии.

Так, с 1992 г. проводился саммит государств тюркских языков, в том же 1992 г. в Алматы была образована Объединённая администрация тюркских искусств и языков, а в 1998 г. в Баку начала действовать Парламентская ассамблея тюркоязычных стран.

Последние две организации и вошли в состав Тюркского совета [18].

Основная координация действия объединения происходит на саммитах Тюркского совета, на которых присутствуют главы государств-участников.

22 августа 2012 г. четыре крупнейших тюркоязычных государства, объединившихся в рамках рассматриваемой организации (Турция, Казахстан, Киргизия и Азербайджан), приняли единый флаг, а в конце 2014 г. стараниями азербайджанской диаспоры первое региональное диаспорское представительство Тюркского совета открылось в Киеве [18].

Нахичеванские соглашения, которые легли в основу совета, закрепляют множество целей и задач, в частности, связанные с политической и экономической сферами:

- поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в рамках международных организаций и на международных форумах;
- координация действий в борьбе с международным терроризмом и сепаратизмом, экстремизмом, торговлей людьми, наркобизнесом, а также содействие международной политике по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

– поощрение эффективного регионального и двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, военно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;

– создание благоприятных условий для торговли и инвестиций, дальнейшее упрощение таможенных и транзитных процедур в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий и упрощения финансовых и банковских операций [18].

Таким образом, Тюркский совет можно считать достаточно полноценным интеграционным проектом, который не только координирует действия стран-участниц на международной арене, но и ставит цель – упрощение таможенных и транзитных процедур, а также объединение усилий силовых органов в борьбе с международным терроризмом, что выглядит довольно интересно в связи с участием Астаны и Бишкека в Таможенном союзе со странами ЕАЭС.

В октябре 2019 г. Эрдоган после очередного заседания совета сказал: «До сегодняшнего дня мы говорили “Одна нация – два государства”... а теперь мы стали одной нацией, пятью государствами. Дай Бог, Туркменистан тоже примкнёт к нам, и таким образом мы станем одной нацией, шестью государствами, усилим совместное сотрудничество в регионе» [19].

Анкара давно осознала необходимость быть влиятельным игро-

¹⁸ Озимко К. Геополитические амбиции Турции в Средней Азии // URL: <https://www.sonar2050.org/publications/geopoliticheskie-ambicii-turcii-v-sredney-azii/>

¹⁹ Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml

ком в стратегическом регионе с более чем 200-миллионным молодым населением, совокупным ВВП, достигающим 2 трлн долл., и лидерами, стремящимися стряхнуть с себя старую советскую кожу, создать независимую национальную идентичность и проводить либеральную экономическую политику. Турецкая сторона стремится расширить своё дипломатическое, политическое и экономическое присутствие на

данной территории, используя в своих интересах общие этнические корни, историю и культурные связи. Наконец, данный регион имеет большое значение для Турции, что связано с её энергетической безопасностью, не говоря уже об огромном количестве общих политических проблем и вызовов в области безопасности, подталкивающих обе стороны к тесному сотрудничеству [20].

На пути к «Армии Турана»: укрепление военной интеграции тюркского мира

Для ситуационного анализа значимым фактом является то, что в 2018 г. было подписано соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве между Турцией и Казахстаном*, в рамках которого 200 офицеров армии Казахстана прошли обучение в военных вузах Турции [21], и, соответственно, такое же обучение прошли турецкие офицеры в Нур-Султане [22].

Привлекают внимание военные специальности, по которым шло обучение: разведка, спецназ, пропаганда, высшее командование Генерального штаба.

Цель обучения – глубокое изучение постсоветских военных уставов и моделей поведения, а также практическая работа в русскоязычной среде [23].

Более того, в последние несколько лет Анкара продолжает наращивать своё присутствие в Средней Азии через активизацию политико-дипломатического диалога и достижение стратегически важных договорённостей.

Министр обороны Турции Хусули Акар (2020 г.) совершил небольшое турне по странам Средней Азии.

Один из итогов этой поездки – подписание в Ташкенте соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве Узбекистана и Турции.

В этот же день турецкий министр обороны, по информации источников агентства *Anadolu*, встречался с секретарём Совета национальной безопасности Узбекистана Виктором Махмудовым.

²⁰ *Murfat Ayf.* Мягкая сила Турции: как Анкара бросила вызов Кремлю в Центральной Азии? // Al Jazeera // URL: <https://www.aljazeera.net/midan/reality/politics/2021/3/16/>

²¹ 200 военнослужащих Казахстана прошли обучение в Турции // URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/200_voennosluzhashchih_kazahstana_proshli_obuchenie_v_turtsii_date_2019_12_05_11_14_13

²² Университет РК // URL: <https://nuo.kz/>

²³ Армия Великого Турана против ОДКБ // URL: <https://topwar.ru/181423-armiya-velikogo-turana-protiv-odkb.html>

* Похожее соглашение подписано в самый разгар карабахского кризиса (26–27 октября 2020 г.) между Анкарой и Ташкентом.

вым, а также президентом среднеазиатской республики Шавкатом Мирзиёевым.

На всех этих встречах стороны обсуждали состояние своего военного сотрудничества, а также уделяли особое внимание вопросам совместной подготовки военных кадров и налаживанию контактов между вузами.

За день до этого Хусули Акар ещё совершил визит и в Казахстан.

Здесь у турецкого министра обороны была та же цель, что и в Узбекистане: укрепить двустороннее сотрудничество в военной сфере и в области оборонной промышленности.

По итогам переговоров с министром обороны Казахстана Нурланом Ермакбаевым турецкий министр отметил, что диалог сторон прошёл «достаточно легко, поскольку между главами государств на уровне президентов имеются очень тесный диалог и сотрудничество» [19].

Президенты Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Узбекистана в онлайн-режиме (31 марта 2021 г.) приняли участие в неформальном саммите Тюркского совета. Кроме них на заседании присутствовали президент не входящей в организацию Туркмении, премьер-министр Венгрии, имеющей статус страны-наблюдателя, Виктор Орбан, и экс-глава Казахстана Нурсултан Назарбаев.

На саммите прозвучал ряд довольно громких политических заявлений.

Как отмечается, все лидеры приветствовали «освобождение азербайджанских территорий от военной оккупации».

Участники встречи одобрили переформатирование Тюркского совета в Союз тюркских государств. В предыдущие годы с таким предложением выступал Назарбаев. Окончательное название планировалось утвердить к восьмому саммиту в конце 2021 г. в Турции.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в своём выступлении призвал начать модернизацию тюркской цивилизации.

Лидер Узбекистана Ш. Мирзиёев и вовсе объявил о новом этапе в истории объединения. Тюркские страны, по его словам, готовы вместе проходить любые испытания и угрозы [24].

Страны Тюркского совета помимо договоренностей о военном обмене на переговорах также добились прогресса и в экономическом сотрудничестве. На повестке дня – создание Тюркского инвестиционно-интеграционного фонда. Кроме того, страны разрабатывают документ «Видение тюркского мира – 2040».

Токаев предложил создать в Туркестане совместную специальную экономическую зону тюркских стран. Это должно помочь увеличению внутреннего товарооборота, который снизился в 2020 г. из-за пандемии.

Лидеры также обсудили взаимную помощь в борьбе с коронавирусом.

Президент Узбекистана отметил важность обеспечения доступа через Центральную Азию к основным мировым рынкам, включая Китай, Индию, Пакистан и другие азиатские страны, а также из Азербайджана и Турции – в европейские страны.

Отдельное внимание было уделено культурным проектам.

Так, Токаев поставил цель создать общее культурно-просветительское пространство. По его мнению, эту инициативу можно реализовать через создание образовательного фонда «Великие тюрки».

Назарбаев же отметил, что молодым казахам вскоре будет проще приобщаться к общетюркскому наследию. По его мнению, это произойдёт на

²⁴ «Великие тюрки»: как Турция объединяет Среднюю Азию // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml

основании решения казахстанских властей перевести язык с кириллицы на латиницу [24].

Несмотря на то что главной целью Тюркского совета являлось развитие всестороннего сотрудничества, долгое время страны мало касались политики и тем более военного сотрудничества. Между тем после того, как в 2019 г. президент Турции Р. Эрдоган напрямую озвучил желание видеть «одну нацию в шести государствах» (включая Туркмению), эта инициатива получила отклик и проявилась в активизации политико-дипломатических контактов. Прошедший сам-

мит Тюркского совета подтвердил, что его участники настроены на более тесную интеграцию.

Поэтому неслучайно турецкое издание *Türkiye Gazetesi* опубликовало (27 октября 2020 г.) знаковый материал под заголовком «Путь – Туранская армия». В статье приводятся мнения турецких военных экспертов и утверждается: успешное наступление Азербайджана в Нагорном Карабахе с применением турецкой военной техники приблизило воплощение давней мечты Анкары – создание «Армии Турана», военного блока, объединяющего тюркоязычные страны [12, 14].

Перспективы реализации турецкого проекта «Армия Турана»

Вопрос создания единой «Армии Турана» имеет ряд своих сторонников и противников среди политиков, экспертов, и не для всех постсоветских государств решается однозначно.

Например, противником проекта, в частности, является экс-президент Казахстана Назарбаев, поскольку Казахстан и Киргизия – члены Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и считаются союзниками России [25]. В свою очередь, о Карабахе в контексте пантюркистской идеи чаще всего говорит один из видных политиков Анкары, союзник турецкого президента, лидер Партии националистического движения (ПНД) Девлет Бахчели. С само-

го первого дня конфликта в Нагорном Карабахе он требовал вовлечения в него тюркских государств Средней Азии [23].

Турецкий профессор Джамалеттин Ташкыран считает, что в турецкой истории практически нет периода, когда центральноазиатские республики и Османское государство, а позже и Турецкая Республика были бы настолько близки, как сейчас. Однако отвечая на вопрос о том, приведёт ли это к созданию «пантюркистской армии», профессор заявил, что надеется на это, но пока ещё слишком рано озвучивать подробности.

По его словам, «разговоры об этом сейчас могут разбудить противников этой идеи. То, что се-

²⁵ Осуществлена попытка практической реализации пантюркистского проекта // URL: <https://yerkramas.org/article/181492/osushhestvlena-popytkaprakticheskoy-realizacii-pantyurkistskogo-proekta>

годня кажется невозможным, может реализоваться в короткие сроки, в среднесрочной или долгосрочной перспективе, после того как возникнет сильная воля к этому» [26].

Относительно критично по отношению к проекту относятся российские политологи.

По мнению научного сотрудника Института востоковедения РАН Амура Гаджиева, прямой политической угрозы интересам России Турция пока не представляет: «Предложение сделать из Тюркского совета полноценную организацию, действительно, серьезная заявка. Но пока там нет Туркменистана, эта идея хромает». При этом стоит признать, что экономическая конкуренция между Россией и Турцией «практически неизбежна» [24].

Директор Центра изучения новой Турции Юрий Мавашев тоже скептически относится к идее формирования «Армии Турана», потому что «военно-стратегическое сотрудничество – это всегда высшая степень интеграции, которая венчает политическую интеграцию. Политической базы, которая необходима для создания “Туранской армии”, просто нет. Даже в 90-е годы эта основа была более прочной, чем сейчас... поэтому Турции предстоит провести ещё очень большую подготовительную работу, прежде чем можно будет говорить об этом военно-техническом сотрудничестве. Пока же это просто попытка выдать желаемое за действительное» [24].

Можно также провести аналогию с ЕС, большинство членов которого являются одновременно членами НАТО. Укреплению такого положения дел предшествовали годы и даже десятилетия многосторонней политической и экономической интеграции. Однако в случае потенциального альянса Турции и стран Средней Азии ничего подобного не наблюдается.

Подобную точку зрения разделяет старший научный сотрудник ИМЭМО РАН Виктор Надеин-Раевский, который, отмечает, что «Анкара действительно проводит активную политику продвижения идеи пантюркизма».

Говорить о безоговорочной поддержке тюркоязычными странами и народами внешнеполитических амбиций Анкары на современном этапе не приходится.

Как отмечает профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Андрей Казанцев, хотя идеи пантюркизма и популярны в странах Средней Азии, их воспринимают только как один из возможных векторов развития. Все страны Центральной Азии, а в особенности Казахстан, проводят так называемую многовекторную внешнюю политику, которая заключается в том, что Нур-Султан (Астана) старается развивать сотрудничество с Россией, Китаем, США, Евросоюзом и Турцией. Причём турецкое направление – это где-то пятый вектор казахстанской внешней политики, поэтому предполагать, что он доминирующий – сильное преувеличение. Конечно, это то, чего Турция хотела бы, и то, чего она добивается начиная с 90-х годов.

Это мнение разделяет и старший научный сотрудник ИМЭМО РАН В. Надеин-Раевский, который отмечает, что в Центральной Азии пантюркизм скорее маргинальная идея, которую большинство населения не поддерживает. Причём реализации идеи препятствуют многочисленные нетюркские меньшинства, проживающие в странах региона [7].

Действительно, развитие сотрудничества среднеазиатских государств с Турцией объясняется их стремлением получить максимальную выгоду от всех внешних партнё-

²⁶ «Армия Турана» – только ширма для большой игры в Закавказье – мнение // URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2020/11/11/armiya-turana-tolko-shirma-dlya-bolshoy-igry-v-zakavkaze-mnenie>

ров, они считают прагматичным не отказываться от любых форм партнёрства, которые предлагает Турция. В частности, Нур-Султану не выгодно отказываться от других векторов сотрудничества с Россией, Китаем, Евросоюзом и США, и логично предположить, что, скорее всего, они будут приоритетнее турецкого направления [7].

Этот подход прослеживается и в заявлениях представителей казахстанской элиты.

Оппозиционный политик и экс-кандидат в президенты Казахстана Амиржан Косанов призывает не рассматривать казахстанско-турецкое сотрудничество с помощью логики «кто не с нами, тот против нас» и считает, что «Казахстан и Россия, как соседи и стратегические партнёры, обречены жить вместе. И этим всё сказано. Тем более у нас есть взаимные союзнические обязательства в рамках ЕАЭС и ОДКБ. В то же время никто не отменял тюркское братство и сотрудничество, равно как, например, то же славянское братство. У казахов много родственников в мире, Турция – одна из них» [24].

Однако если углубиться в исследование вопроса, то ответ, насколько реальна возможность создания нового военного блока в «мягком подбрюшье» Российской Федерации на современном этапе, не будет простым [27]. Турция – член НАТО, а это накладывает на неё вполне определённые обязательства. Казахстан и Киргизия состоят в военно-политическом блоке ОДКБ. Азербайджан участвует в Движении неприсоединения и формально не может на этом основании вступать в военные блоки.

Между тем, стремясь обойти имеющиеся международно-правовые нормы и обязательства, Эрдоган умело маневрирует.

В частности, известна его попытка придать военный статус проекту «Ассоциации правоохранительных органов» тюркоязычных стран.

Соглашение о создании данного военного объединения было достигнуто на учредительной конференции Ассоциации правоохранительных органов военного статуса Евразии 23 января 2013 г.

В этом формате планируется координация четырёх стран: Азербайджана, Турции, Киргизии и Монголии. В качестве названия избрана аббревиатура TAKM по первым буквам стран-участниц.

Стоит отметить, что это в первую очередь институциональный орган по сотрудничеству между жандармерией Турции и внутренними войсками других стран, а также по обмену и координации опыта, что позволяет четырём странам реализовывать совместные учения при участии военных подразделений, готовить кадры, обмениваться опытом и проводить периодические консультации.

Основной целью функционирования ассоциации является борьба с общими для всех проблемами: терроризмом, торговлей людьми и наркотиками.

Однако можно с уверенностью констатировать, что геополитические планы Эрдогана гораздо шире интересов собственного государства и проект создания ассоциации, возможно, учитывал членства в НАТО и вряд ли шёл вразрез с его концепцией, потому что для Анкары стратегически важно участие в военном альянсе.

Кроме того, обращает на себя внимание активное военно-политическое сотрудничество Азербайджана с Турцией: для Баку открывается

²⁷ Pro Je Severni Kavkaz Mkky Podbiek Ruska // URL: <https://www.literarky.cz/michael-brtnicky/16648-pro-je-severni-kavkaz-mkky-podbiek-ruska>

перспектива привлечь совместные формирования для участия в антитеррористической деятельности на территории Нагорного Карабаха. После недавних столкновений на армяно-азербайджанской границе в прессе обеих стран стали активно обсуждать возможность открытия турецких военных баз в Нахичевани и на Апшеронском полуострове. Все предпосылки для этого имеются.

В частности, на территории Нахичевани уже не раз проводились маневры с участием турецких военнослужащих. Уже длительное время там находятся турецкие военные советники, которые оказывают помощь расположенному здесь корпусу вооружённых сил Азербайджана и его пограничным войскам на границе с Арменией.

Интеграция вооружённых сил Турции и Азербайджана на современном этапе вполне возможна.

Используя обострение в Нагорном Карабахе, Анкара попыталась

одновременно реализовать две задачи: *во-первых*, продемонстрировать союзникам России, что Кремль не спешит или не способен вступить за Ереван, а *во-вторых*, добиться успеха в том, чтобы поддержать своих союзников, убедить их в необходимости вместе с Турцией идти к победе.

Нельзя исключать, что после завершения карабахского кризиса Ереван задумается о целесообразности участия в ОДКБ. Этот возможный шаг, по мнению Запада, может активизировать принцип домино и среди других участников военного блока с Россией, что в перспективе может дать повод пересмотреть своё участие в ней Киргизии, где недавно был очередной государственный переворот, и Казахстану, который политически и экономически постепенно всё больше отдаляется от России.

Таким образом, справедливо отметить, что сегодня в мире существуют два крупнейших военных блока – НАТО и ОДКБ, но создаётся впечатление, что Р. Эрдоган прилагает усилия для формирования третьего – «Армии Турана», причём за счёт ослабления ОДКБ.

Однако из-за экономических кризисов, отсутствия достаточных средств для реализации своей политики, зависимости турецкой экономики от внешнеполитических решений России и российского газа, а также позиции Запада Турции постоянно приходится менять риторику и корректировать свои цели, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Анкара столкнулась с суровой и в значительной степени неожиданной реальностью, которая сложилась, с одной стороны, в результате отказа от роли «старшего брата» для новых независимых государств Центральной Азии, с которыми она стремится взаимодействовать, а с другой – с очевидной невозможностью равноценно соперничать в регионе с Россией как в экономическом, так и в стратегическом плане.

В современной политической ситуации в среднесрочной перспективе вряд ли можно предположить появление недружественных армий при поддержке Анкары уже непосредственно на границе России, однако стоит признать, что для Анкары и её партнеров по НАТО сегодня именно Россия яв-

ляется главным препятствием реализации стратегических планов на Кавказе и в Средней Азии.

Турецкая сторона пока придерживается «стратегии не прямых действий»: создаётся плацдарм для закрепления турецкой армии на Кавказе (Азербайджан), также происходит усиление стратегических позиций в Центральной Азии. Этим укрепляется влияние Анкары в регионе, что может быть объяснено желанием ослабить роль Москвы в евразийской интеграции и занять зону её прямых стратегических интересов.

Хотя Россию и Турцию связывают общие интересы и стратегическое партнёрство, они являются геополитическими соперниками в силу исторического и географического факторов. В стратегическом плане важно, что Турция является членом Организации Североатлантического договора и имеет гораздо больше общих интересов в области политики и безопасности с Соединёнными Штатами и другими странами Запада, чем с Россией, хотя её отношения с ними складывались не лучшим образом в последние годы.

В свете этих фактов для России естественно рассматривать турецкое присутствие в регионе как угрозу своему долгосрочному влиянию.

Библиография • References

- «Армия Турана» – только ширма для большой игры в Закавказье – мнение // URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/11/11/armiya-turana-tolko-shirma-dlya-bolshoy-igry-v-zakavkaze-mnenie>
- [«Armiya Turana» – tol'ko shirma dlya bol'shoj igry v Zakavkaz'e – mnenie // URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/11/11/armiya-turana-tolko-shirma-dlya-bolshoy-igry-v-zakavkaze-mnenie>]
- «Великие тюрки»: как Турция объединяет Среднюю Азию // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml
- [«Velikie tyurki»: kak Turciya ob'edinyayet Srednyuyu Aziyu // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml]
- 200 военнослужащих Казахстана прошли обучение в Турции // URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/200_voennosluzhashchih_kazahstana_proshli_obuchenie_v_turtsii_date_2019_12_05_11_14_13
- [200 voennosluzhashchih Kazahstana proshli obuchenie v Turcii // URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/200_voennosluzhashchih_kazahstana_proshli_obuchenie_v_turtsii_date_2019_12_05_11_14_13]
- Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml
- [Armejskaya družba: kak Turciya ishchet soyuznikov v Srednej Azii // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml]
- Армия Великого Турана против ОДКБ // URL: <https://topwar.ru/181423-armiya-velikogo-turana-protiv-odkb.html>
- [Armiya Velikogo Turana protiv ODKB // URL: <https://topwar.ru/181423-armiya-velikogo-turana-protiv-odkb.html>]
- Гаджиев А. Г. Отношения между Турцией и ЕС накануне и после досрочных парламентских и президентских выборов в Турции // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2019. № 1. С. 49–54.

- [Gadzhiev A. G. Otnosheniya mezhdru Turciej i ES nakanune i posle dosrochnyh parlamentских i prezidentskih vyborov v Turcii // Nestabil'nost' geostrategicheskogo prostranstva na Blizhnem, Srednem i Dal'nem Vostoke: aktual'nye problemy. 2019. № 1. S. 49–54]
- Гаджиев А. Г. Отношения между Турцией и ЕС после смены руководства европейского союза 1 декабря 2019 г // Восточная аналитика. 2020. № 4. С. 24–46.
- [Gadzhiev A. G. Otnosheniya mezhdru Turciej i ES posle smeny rukovodstva evropejskogo soyuza 1 dekabrya 2019 g // Vostochnaya analitika. 2020. № 4. S. 24–46]
- Косов Г. В., Шангараев Р. Н. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве // Современная наука и инновации. 2020. № 3. С. 148–155.
- [Kosov G. V., SHangaraev R. N. Peresechenie strategicheskikh interesov Rossii i Turcii na postsovetском prostranstve // Sovremennaya nauka i innovacii. 2020. № 3. S. 148–155]
- Мирфат Ауф. Мягкая сила Турции: как Анкара бросила вызов Кремлю в Центральной Азии? // Al Jazeera // URL: <https://www.aljazeera.net/midan/reality/politics/2021/3/16/>
- [Mirfat Auf. Myagkaya sila Turcii: kak Ankara brosilа vyzov Kremlyu v Central'noj Azii? // Al Jazeera // URL: <https://www.aljazeera.net/midan/reality/politics/2021/3/16/>]
- Надеин-Раевский В. А. Турция: непростой союзник // Год планеты. Ежегодник. 2019. С. 274–286.
- [Nadein-Raevskij V. A. Turciya: neprostoј soyuznik // God planety. Ezhegodnik. 2019. S. 274–286]
- Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1. С. 139–156.
- [Nadein-Raevskij V. Politika Turcii na Blizhnem Vostoke // Puti k miru i bezopasnosti. 2020. № 1. S. 139–156]
- Озимко К. Геополитические амбиции Турции в Средней Азии // URL: <https://www.sonar2050.org/publications/geopoliticheskie-ambicii-turcii-v-sredney-azii/>
- [Ozimko K. Geopoliticheskie ambicii Turcii v Srednej Azii // URL: <https://www.sonar2050.org/publications/geopoliticheskie-ambicii-turcii-v-sredney-azii/>]
- Осуществлена попытка практической реализации пантюркистского проекта // URL: <https://yerkramas.org/article/181492/osushhestvlena-popytka-prakticheskoy-realizacii-pantyurkistskogo-proekta>
- [Osushchestvlena popytka prakticheskoy realizacii pantyurkistskogo proekta // URL: <https://yerkramas.org/article/181492/osushhestvlena-popytka-prakticheskoy-realizacii-pantyurkistskogo-proekta>]
- Университет РК // URL: <https://nuo.kz/>
- [Universitet RK // URL: <https://nuo.kz/>]
- Шангараев Р. Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель-Observer. 2017. № 11. С. 73–82.
- [SHangaraev R. N. Ideologicheskie aspekty vneshnej politiki Turcii // Obozrevatel'-Observer. 2017. № 11. S. 73–82]
- Шангараев Р. Н. Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2. С. 475–481.
- [SHangaraev R. N. Formirovanie konceptual'nogo podhoda tureckoj vneshnej politiki v Central'noj Azii // Voprosy politologii. 2021. T. 11. № 2. S. 475–481]

- Шойгу оценил идею создания Армии Турана // URL: https://lenta.ru/news/2021/03/17/turk_army/
- [SHojgu ocenil ideyu sozdaniya Armii Turana // URL: https://lenta.ru/news/2021/03/17/turk_army/]
- Cumhurbaşkanı Recep Tayyip Erdoğan'dan çağrı: Vakti geldi // <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/cumhurbaskani-recep-tayyip-erdogan-vakti-geldi-6345745/>
- Gadzhiev A. G. Geopolitical, Trade and Economic Interests of Turkey and Iran in the Southern Caucasus // Turkish-Russian academics. A historical study on the Caucasus. Ankara. 2016. P. 97–110.
- Gül Hükümeti Programı (18.11.2002–14.03.2003) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti
- II. Erdoğan Hükümeti Programı (29.08.2007–06.07.2011) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti
- III. Erdoğan Hükümeti Programı (06.07.2011–29.08.2014) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti
- IV. Ecevit Hükümeti Programı (11.01.1999–28.05.1999) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti
- Pro Je Severni Kavkaz Mkky Podbiek Ruska // URL: <https://www.literarky.cz/michael-brtnicky/16648-pro-je-severni-kavkaz-mkky-podbiek-ruska>
- Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the turkish context: what is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–235.
- Türk Konseyi'nden Türk Birliği'ne // URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/turk-konseyi-nden-turk-birligi-ne/2205857>
- VII. Demirel Hükümeti Programı (21.11.1991–25.06.1993) // URL: https://www.turkcebilgi.com/vii._demirel_h%C3%BCK%C3%BCmeti

Статья поступила в редакцию 14 июня 2021 г.

Этнокультурные особенности государственного строительства в Боснии и Герцеговине

Алена СУЯЗОВА

События 1992–1995 гг. в Боснии и Герцеговине (БиГ) вылились в ожесточённые формы межнациональных столкновений и стали тяжелейшей составляющей югославского кризиса [1]. В результате деятельности международного сообщества по урегулированию конфликта было подписано Общее рамочное соглашение о мире (ОРСМ, Дейтонское соглашение).

Документ получил неоднозначные оценки мировой общественности. Тем не менее в результате подписания Дейтонского соглашения был прекращён острейший многонациональный конфликт. В период постконфликтного урегулирования в БиГ и в последующие годы удалось избежать возобновления боевых действий. Однако сегодня звучат заявления о том, что Дейтонское соглашение устарело и современные реалии требуют его пересмотра, а политические институты БиГ не обладают необходимой степенью самостоятельности и эффективности [2].

СУЯЗОВА Алена Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код*: 1592-8951, *E-mail*: anashkina423@gmail.com

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, этнический раскол, Дейтонское соглашение, национальная идентичность, централизация.

¹ Штоль В.В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010. С. 168–178.

² Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель–Observer. 2018. № 11.

Этнический раскол как фактор проблемной государственности БиГ

Одним из факторов проблемной государственности БиГ является этнический раскол, который прослеживается в различных сферах. Несмотря на постоянные инициативы Евросоюза по снижению уровня конфликтогенности в Западно-Балканском регионе [3], достижения в этой сфере для БиГ носят скорее формальный характер.

В рамках исследования, проведённого под руководством доктора политических наук Е. Г. Пономаревой, был сделан вывод о неосознанном занижении сербской молодёжью БиГ этнической составляющей национальной идентичности.

Так, первоначально большинство респондентов высказалось о незначительной роли национальности, гражданства и места жительства при формировании идентичности. Однако когда им предложили оценить негативные высказывания об их этнической принадлежности, реакция была резко отрицательная. Исследование показало, что в среде сербской молодёжи присутствует явное противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» [4].

Дейтонское соглашение закрепило основополагающую роль этниче-

ского фактора при формировании высших государственных органов. Например, посты членов Президиума БиГ – коллегиального органа, аналогичного посту главы государства, могут занимать только представители трёх государствообразующих народов: сербы, бошняки и хорваты. Несмотря на то что данное положение в 2009 г. было квалифицировано Европейским судом по правам человека как нарушение, но в основной закон не были внесены изменения [5].

Межэтнические противоречия в стране регулярно становятся инструментом политической борьбы.

Сербы и хорваты стремятся сохранить или расширить свои права в составе БиГ, а бошняки придерживаются курса на централизацию республики.

В ноябре 2015 г. Конституционный суд БиГ запретил Республике Сербской (РС)* отмечать главный национальный праздник энтитета – День Республики Сербской. Запрос в суд был подан Б. Изетбеговичем – политическим лидером боснийских мусульман. В ответ лидер Союза независимых социал-демократов (СНСД) М. Додик, замещавший с 2010 по 2018 г. должность прези-

³ Воробьев С. В., Закаурцева Т. А. Исторические аспекты жизнеспособности интеграционной идеологии Европейского Союза: балканский трек // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 4. С. 189–192.

⁴ Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Тренды идентификации в молодёжной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3. С. 110–111, 114.

⁵ Case of Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina (nos. 27996/06, 34836/06) // The European Court of Human Rights. 2009. 22 dec. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-96491>

* Государство БиГ состоит из двух энтитетов (Республики Сербской – РС и Федерации Боснии и Герцеговины – ФБиГ), а также округа Брчко, находящегося под международным управлением.

дента РС, инициировал проведение республиканского референдума. Избирателям было предложено ответить на вопрос, поддерживают ли они празднование 9 января как День Республики Сербской? На стороне данной инициативы выступили оппозиционные политические силы РС в лице Союза за перемены, а также хорватская община. Со стороны же бошняков, которых поддерживали представители внешних структур управления, в частности, Совет по выполнению Дейтонского соглашения (его заявления не были поддержаны Россией), а также Высокий представитель* В. Инцко, на РС было оказано сильнейшее давление, чтобы предотвратить проведение плебисцита. Представители бошняков отмечали, что референдум – это шаг РС к независимости, угрожали возобновлением военных действий в случае попытки раздела БиГ [6].

На референдуме явка составила 55,78% от общего числа избирателей, из которых 99,81% отдали свой голос в поддержку «празднования 9 января как Дня Республики Сербской» [7]. Плебисцит был признан парламентом энтитета состоявшимся.

Это лишь один из примеров противостояния бошняков, взявших курс на насильственную централизацию страны, и сербов, вынужденных регулярно отстаивать своё право на автономию. М. Додик неоднократно выступал с критикой ЕС и НАТО, несмотря на евроориентированность представителей другого энтитета в составе БиГ, и заявлял о стремлении к независимому курсу, в рамках которого РС выбирает патриотизм и отстаивание национальной идентичности сербов. Политик последовательно выстраивает прочные отношения с Москвой, относящейся с пониманием к его позиции [7]. В связи с оказываемым на сербов давлением со стороны бошняков, опирающихся на внешнюю поддержку, М. Додик не раз заявлял о возможном проведении референдума о независимости РС [8].

Ключевую роль в выражении интересов боснийских мусульман играет Партия демократического действия (ПДД). Её лидер Б. Изетбекович нередко прибегает к националистической риторике. Во время выступления по поводу празднования Дня государственности БиГ (25 ноября 2019 г.) лидер ПДД за-

⁶ Энгельгардт Г. Н. Референдум о Дне Республики Сербской – политический ответ на манипуляции в сфере исторической политики // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1. Праздники и памятные даты как механизм национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 155.

⁷ Одлука о констатовану резултата републичког референдума (Решение о констатации республиканского референдума) // Народна скупштина Републике Српске. 2016. 11 окт. // URL: <http://www.narodnaskupstinars.net/?q=ci/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8/%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D1%83%D0%BA%D0%B5>

⁸ Милорад Додик: БиХ нема шансе да успе, решење је у мирном разлазу две ентитета // Нова српска политичка мисао. 2017. 8 јан. // URL: <http://www.nspm.rs/hronika/milorad-dodik-bih-nema-sanse-da-uspe-resenje-je-u-mirnom-razlazu.html>

* Высокий представитель по БиГ – должность, созданная для исполнения Дейтонского соглашения.

явил, что в БиГ «нет ничего сербского, кроме названия Республики Сербской», а также поставил под вопрос существование самого энтитета [9]. Руководящие круги боснийских мусульман заинтересованы в централизации государства с дальнейшим вступлением страны в ЕС и НАТО, сокращении автономных прав РС и недопущении создания хорватского энтитета.

В свою очередь, положение хорватов БиГ, не имеющих своего собственного государственного образования, постоянно обсуждается как в политических структурах страны, так и на международном уровне [10, п. 12]. Стоит отметить, что по итогам прошедших выборов членом президиума от хорватского Демократического фронта (ДФ) стал Ж. Комшич.

Личность Ж. Комшича отличается большой противоречивостью: будучи хорватом и католиком, он не пользуется доверием в среде хорватов, а победу на выборах в президиум ему обеспечили голоса мусульман Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ). Ж. Комшич поддерживает курс боснийско-мусульманской ПДД.

Политик выступает за единую БиГ, основанную на гражданской идентичности, а не на этническом

принципе. Одновременно с этим он утверждает, что БиГ неизбежно присоединится к НАТО, заявляет, что в стране «есть независимая Центральная избирательная комиссия, в которой М. Додик и Д. Чович* не могут принимать решения» [11], и считает, что попытки хорватов добиться создания своего энтитета разрушают идею БиГ как государства.

Можно сделать вывод, что в «единой, гражданской» БиГ, как её видит Ж. Комшич, о равноправном диалоге между бошняками, сербами и хорватами не может быть и речи. Официально поддержанный Загребом, Д. Чович выборы проиграл. Ситуация, при которой хорваты фактически лишены своего представительства в президиуме, стала возможной после проведённых ранее изменений в избирательном законодательстве. По мнению хорватских авторов, ущемление интересов хорватов в составе БиГ, в частности ФБиГ, имеет и ряд других примеров: закрытие хорватского телеканала на Государственном телевидении (2000 г.), принятие особого устава для г. Мостара (2004 г.), согласно которому в Городском вече ни один из народов не может иметь большинство [12, с. 210]. Соглаше-

⁹ Изетбегович: В БиГ сербское – только название Республики Сербской // ИА EADaily. 2019. 25 ноября // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoy><https://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoy>

¹⁰ Пятдесят восьмой доклад Высокого представителя по выполнению Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине // Совет Безопасности ООН. 2020. 28 окт. // URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/1052>

¹¹ Желько Комшић: Србија и Хрватска не могу да поделе БиХ // Нова српска политичка мисао. 2020. 13 нов. // URL: <http://www.nspm.rs/hronika/zeljko-komsic-srbija-i-hrvatska-ne-mogu-da-podele-bih.html>

¹² Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизии идентичностей // Культурная сложность современных наций. М., 2016.

* Драган Чович – лидер Хорватского демократического содружества БиГ, заявлял, что главной целью его партии является создание в составе БиГ третьей хорватской национально-административной общности с центром в Мостаре.

ние между представителями бошняков и хорватов о проведении выборов в Мостаре, которые не проводились с 2008 г., и реформировании Городского устава было достигнуто 17 июня 2020 г. Однако летом того же года стороны заявили о намерении превратить выборы в «состязание этнических интересов» [10, п. 99].

Этнический раскол ярко выражен в языковой сфере.

Примеров тому достаточно: начиная с самого факта создания хорватского и боснийского языка и заканчивая закрашиванием надписей на кириллице в общественных местах. Название языка в БиГ – проблема больше политического характера. Но с целью подчеркнуть свою этничность народы БиГ изолируются друг от друга и искусственно увеличивают различия в языке.

Российский этнолог, доктор исторических наук М. Ю. Мартынова отмечает также, что неверно ставить равенство между бошняцким и боснийским языками. Есть путаница в использовании этих терминов. Разные политические силы понимают эти термины неоднозначно в зависимости от своих убеждений. Согласно одной из точек зрения боснийский язык подразумевает гражданственность, а бошняцкий – этническую принадлежность боснийских мусульман.

При этом сербы и хорваты отказываются идентифицировать себя

в качестве боснийцев. Они также не считают боснийский своим языком [13]. Лидер РС М. Додик по этому поводу заявил, что «боснийского языка не существует» и что «боснийский народ не может навязывать этот язык всем в БиГ» [14]. Попытки внедрить общегосударственные понятия «босниец» и «боснийский язык» наталкиваются на активное сопротивление со стороны сербов и хорватов БиГ.

Наряду с языком религия тоже является одним из маркеров идентичности.

Религия в БиГ теснейшим образом связана с этничностью и имеет большое влияние на политическую и общественную жизнь в стране.

Если сравнить процентное соотношение верующих по данным 1991 г., то 40% жителей БиГ – мусульмане, 31% – православные, 15% – католики, а 2013 г. – 51% жителей БиГ – мусульмане, 31% – православные, 15% – католики [15, 12, с. 215], можно отметить увеличение численности мусульман, тогда как процентное соотношение православных и католиков не изменилось. Озабоченность вызывает растущая быстрыми темпами исламизация БиГ и роль в этом исламских стран. Несмотря на попытки наладить межрелигиозные отношения, в частности, в рамках деятельности созданного в 1997 г. Межрелигиоз-

¹³ Мартынова М. Ю. Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность. М., 2014. С. 19–20.

¹⁴ Додик: Босански језик не постоји, од одлуке о Уставном суду БиХ зависи хоће ли бити РС кроз пет година // Факти. 2016. 20 дец. // URL: <http://fakti.org/serbian-point/dodik/dodik-bosanski-jezik-ne-postoji-od-odluke-o-ustavnom-sudu-bih-zavisi-hoce-li-biti-rs>

¹⁵ Rezultati popisa. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest, maternji jezik // Popis 2013 // URL: https://www.popis.gov.ba/popis2013/doc/Knjiga2/K2_S_E.pdf

ного вече, напряжённость в этой сфере продолжает расти.

Образование в БиГ используется как идеологический инструмент в формировании идентичности и не воспитывает толерантность в обществе из-за разделения школ по этническому признаку, а также продвижения интересов доминирующего этноса в определённом регионе без учёта интересов меньшинства.

Отсутствие консенсуса в оценке событий прошлого выступает ещё одной преградой для формирования национальной идентичности в БиГ. В 2002 г. было принято решение исключить тему Боснийской войны из учебных программ, так как сторонами не были достигнуты договорённости в интерпретации конфликта [16, с. 49]. Тем не менее попытки сербов пролить свет на происходящее в те годы для восстановления справедливости продолжают.

По инициативе правительства РС в 2019 г. была создана Независимая международная комиссия, в состав которой вошли независимые эксперты из разных стран: США, России, Италии, Франции, Сербии, Израиля и Австрии.

На основе данных архивных документов и свидетельских показаний, касающихся событий в Сараево в 1991–1995 гг., комиссия установила факт планомерного уничтожения сербской общины в городе, организованного политическим руководством боснийских му-

сульман [17]. Выводы экспертов противоречат общепринятой версии событий. Нужно отметить, что Боснийская война – не единственное событие прошлого, оценки которого различны в среде боснийских мусульман, хорватов и сербов.

К таким страницам истории можно отнести периоды существования Королевства Югославия и социалистической Югославии, деятельность четников и усташей, дивизии «Ханджар» во времена Второй мировой войны.

В этой связи нельзя не отметить политику реабилитации фашизма и нацизма в хорватской среде [18].

Если к 1981 г. в БиГ было значительное количество смешанных поселений, выбор супруга другой национальности был достаточно распространён, сглаживались различия на бытовом уровне, то с конца XX в. народы стали концентрироваться на традиционных культурах [16, с. 51–52]. При этом бошняки особое внимание стали уделять её турецкой составляющей.

Таким образом, народы сегодня имеют ещё больше различий в традициях, и эти различия продолжают увеличиваться.

Показательна ситуация с национальными праздниками. Среди государственных праздников, закреплённых на федеральном уровне: Новый год, День независимости (1 марта), День труда (1–2 мая), День Победы над фашизмом (9 мая),

¹⁶ Мартынова М. Ю. Этнокультурные процессы в Республике Сербской // Вестник антропологии. 2018. № 4. С. 49.

¹⁷ Борщев К. Международная комиссия обнародовала неизвестные подробности о гражданской войне в Боснии // Балканист. 2021. 21 апр. // URL: <https://balkanist.ru/mezhdunarodnaya-komissiya-obnarodovala-neizvestnye-podrobnosti-o-grazhdanskoj-vojne-v-bosnii/>

¹⁸ Штоль В. В. Россия на Балканском рубеже // Обозреватель–Observer. 2018. № 9. С. 20–21.

День государственности (25 ноября), только Новый год и День труда не вызывают разногласий и могут

претендовать на роль объединяющих символов всех народов государства.

Перспективы государственного строительства в БиГ

Проблема формирования национальной идентичности в БиГ нова. Межэтническая напряжённость была характерна для республики и в составе социалистической Югославии. Задача Белграда во второй половине XX в. заключалась в построении федерации равноправных народов. При этом была выделена такая категория населения, как югославы. Идея югославянства предполагала постепенное слияние населявших социалистическую Югославию народов в единую нацию. Но эта задача была труднореализуемой из-за серьёзных противоречий между недавно воевавшими друг с другом народами.

Так, за время военных действий из общего количества погибших в БиГ 72% были сербами, 16,5% – мусульманами, 4,4% – хорватами [19].

Существовавшая в первые послевоенные годы межнациональная напряжённость в республике не исчезла в дальнейшем, несмотря на то что власти предпринимали меры по сглаживанию противоречий. Начиная с переписи 1961 г., для определения этнической принадлежности боснийских мусульман использовался термин «мусульмане».

Таким образом, их выделили в один из равноправных народов БиГ. Также строго соблюдался паритет представительства трёх народов в важнейших общественных структурах, в письменной речи использовалась как кириллица, так и латиница, была введена категория «югослав» и право граждан идентифицировать себя с ней [20]. Эта система мер сложилась лишь в 60-х годах и была положительной, но запоздалой. Показателен также такой факт: вопрос о языке во второй половине 60-х годов уже использовался в политических целях.

Как в хорватской, так и в сербской научной среде высказывалось мнение о том, что два языка должны развиваться независимо друг от друга [13, с. 26–27]. Властные структуры старались подавлять подобные настроения в обществе. Но с конца 60-х годов проблемы, связанные с национализмом и шовинизмом во всех национальных сообществах, только набирали обороты. Как известно, попытка воплотить в жизнь идею югославянства не удалась.

Рассматривая возможные варианты будущего существования БиГ, можно говорить о так называемой консоциации, предполагающей построение модели управле-

¹⁹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 805.

²⁰ Гуськова Е. Ю. Развитие межнациональных отношений в Боснии и Герцеговине в первые десятилетия после Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. Вып. 13. С. 90, 94.

ния, учитывающей интересы всех сегментов общества. Некоторые признаки консоциации уже заложены в рамках Дейтонского соглашения: осуществление власти большой коалицией, отражающей многосоставность общества, пропорциональность политического представительства, взаимное право вето, высокая степень автономии сегментов. Но, кроме того, необходимо наличие баланса сил и желание сегментов сохранить общее государство, осознание необходимости идти на компромисс. Для формирования консоциации необходимо длительное развитие, постепенное усваивание обществом новых принципов и норм политической культуры [21]. Такие условия невозможно создать без усилий крупных внешних акторов, заинтересованных в стабильности региона. Поэтому международные

силы играют далеко не последнюю роль в формировании национальной идентичности БиГ и укреплении её государственности.

Вопросы конституционного устройства БиГ на первоначальном этапе играли второстепенную роль для международного сообщества. На первом месте в 90-е годы были военно-территориальные аспекты. Несмотря на зафиксированные в Дейтонском соглашении ущемления сербского энтитета в политических, территориальных, военных вопросах, положения документа сегодня играют на руку сербским политикам по отстаиванию своих национальных прав. Спустя время стало ясно, что конституционное закрепление автономии РС становится серьёзной преградой для реализации односторонних планов внешнеполитических сил.

Государственность – это понятие, имеющее в своей основе сложные исторические процессы, она должна формироваться в результате внутреннего развития, а не насаживаться из вне, как это пытается сделать Запад. В связи с этим Россия справедливо выступает за сворачивание внешнего протектората в лице аппарата Высокого представителя – проводника авторитарных планов ЕС и НАТО. Институт сдерживает суверенизацию Боснии и Герцеговины и выступает как дестабилизирующий фактор в вопросе национального примирения в республике.

Евросоюз требует от БиГ проведения ряда реформ, которые должны завершить централизацию страны.

Однако существующие в обществе противоречия не позволяют надеяться на формирование в БиГ в ближайшем будущем национальной идентичности как гарантии устойчивой государственности.

Любые попытки форсировать этот процесс не принесут конструктивного решения проблемы БиГ, требующей исключительно осторожного и взвешенного подхода.

В этом смысле позиция России, стержнем которой является стремление к компромиссу сторон и возможность балканских государств самостоятель-

²¹ Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 67.

но распоряжаться своей судьбой в рамках существующего правового поля, неукоснительное соблюдение основных конституционных принципов Дейтонского соглашения, представляется наиболее целесообразной и конструктивной.

Библиография • References

- Борщев К.* Международная комиссия обнародовала неизвестные подробности о гражданской войне в Боснии // Балканист. 2021. 21 апр. // URL: <https://balkanist.ru/mezhdunarodnaya-komissiya-obnarodovala-neizvestnye-podrobnosti-o-grazhdanskoj-vojne-v-bosnii/>
- [*Borshchev K.* Mezhdunarodnaya komissiya obnarodovala neizvestnye podrobnosti o grazhdanskoj vojne v Bosnii // Balkanist. 2021. 21 apr. // URL: <https://balkanist.ru/mezhdunarodnaya-komissiya-obnarodovala-neizvestnye-podrobnosti-o-grazhdanskoj-vojne-v-bosnii/>]
- Воробьев С.В., Закаурцева Т.А.* Исторические аспекты жизнеспособности интеграционной идеологии Европейского Союза: балканский трек // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 4. С. 183–196.
- [*Vorob'ev S. V., Zakaurceva T. A.* Istoricheskie aspekty zhiznesposobnosti integracionnoj ideologii Evropejskogo Soyuza: balkanskij trek // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2020. № 4. S. 183–196]
- Гуськова Е.Ю.* Развитие межнациональных отношений в Боснии и Герцеговине в первые десятилетия после Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. Вып. 13. С. 87–96.
- [*Gus'kova E. YU.* Razvitie mezhnacional'nyh otnoshenij v Bosnii i Gercegovine v pervye desyatiletiya posle Vtoroj mirovoj vojny // Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii. 2018. № 3–4. Vyp. 13. S. 87–96]
- Изетбегович: В БиГ сербское – только название Республики Сербской* // ИА EADaily. 2019. 25 ноября // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoyhttps://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoy>
- [*Izetbegovich: V BiG serbskoe – tol'ko nazvanie Respubliki Serbskoj* // IA EADaily. 2019. 25 noyabrya // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoyhttps://eadaily.com/ru/news/2019/11/25/izetbegovich-v-big-serbskoe-tolko-nazvanie-respubliki-serbskoy>]
- Мартынова М.Ю.* Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность. М., 2014. С. 9–62.
- [*Martynova M. YU.* Bosniytsy, boshnyaki, musul'mane: kollizii identichnostej // Slavyane-musul'mane na Balkanah: yazyk, kul'tura, identichnost'. M., 2014. S. 9–62]
- Мартынова М.Ю.* Босния и Герцеговина: коллизии идентичностей // Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 203–233.
- [*Martynova M. YU.* Bosniya i Gercegovina: kollizii identichnostej // Kul'turnaya slozhnost' sovremennyh nacij. M., 2016. S. 203–233]
- Мартынова М.Ю.* Этнокультурные процессы в Республике Сербской // Вестник антропологии. 2018. № 4. С. 41–61.

- [Martynova M. YU. Etnokul'turnye processy v Respublike Serbskoj // Vestnik antropologii. 2018. № 4. S. 41–61]
- Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 64–76.
- [Ponomareva E. G. Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo bez gosudarstvennosti // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. № 1. С. 64–76]
- Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель–Observer. 2018. № 11. С. 63–76.
- [Ponomareva E. G., Popad'eva T. I. Bosniya i Gercegovina: etnopoliticheskij faktor problemnoj gosudarstvennosti // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 11. S. 63–76]
- Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Тренды идентификации в молодёжной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3. С. 98–119.
- [Ponomareva E. G., Popad'eva T. I. Trendy identifikacii v molodyozhnoj srede Bosnii i Gercegoviny i Severnoj Makedonii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2019. № 3. S. 98–119]
- Пятьдесят восьмой доклад Высокого представителя по выполнению Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине // Совет Безопасности ООН. 2020. 28 окт. // URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/1052>
- [Pyat'desyat vos'moj doklad Vysokogo predstavatelya po vypolneniyu Mirnogo soglasheniya po Bosnii i Gercegovine // Sovet Bezopasnosti OON. 2020. 28 okt. // URL: <https://undocs.org/ru/S/2020/1052>]
- Штоль В. В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010. – 384 с.
- [Shtol' V. V. Armiya novogo mirovogo porjadka. M.: OGI, 2010. – 384 s.]
- Штоль В. В. Россия на Балканском рубеже // Обозреватель–Observer. 2018. № 9. С. 19–32.
- [Shtol' V. V. Rossiya na Balkanskom rubezhe // Obozrevatel'–Observer. 2018. № 9. S. 19–32]
- Энгельгардт Г. Н. Референдум о Дне Республики Сербской – политический ответ на манипуляции в сфере исторической политики // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1. Праздники и памятные даты как механизм национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 143–163.
- [Engel'gardt G. N. Referendum o Dne Respubliki Serbskoj – politicheskij otvet na manipulyacii v sfere istoricheskoy politiki // Central'noevropejskie issledovaniya. 2018. Vyp. 1. Prazdniki i pamyatnye daty kak mekhanizm nacional'noj konsolidacii v Central'noj, Vostochnoj i YUgo-Vostochnoj Evrope XIX–XXI vv. M.: Institut slavyanovedeniya RAN; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. С. 143–163]
- Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. – 888 с.
- [Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoy istorii. M.: Indrik, 2011. – 888 s.]
- Додик: Босански језик не постоји, од одлуке о Уставном суду БиХ зависи хоће ли бити РС кроз пет година // Факти. 2016. 20 дец. // URL: <http://fakti.org/serbian-point/dodik/dodik-bosanski-jezik-ne-postoji-od-odluke-o-ustavnom-sudu-bih-zavisi-hoce-li-biti-rs>
- Желько Комшић: Србија и Хрватска не могу да поделе БиХ // Нова српска политичка мисао. 2020. 13 нов. // URL: <http://www.nspm.rs/hronika/zeljko-komsic-srbija-i-hrvatska-ne-mogu-da-podele-bih.html>

Милорад Додик: БиХ нема шансе да успе, решење је у мирном разлазу две ентитета // Нова српска политичка мисао. 2017. 8 јан. // URL: <http://www.nspm.rs/hronika/milorad-dodik-bih-nema-sanse-da-uspe-resenje-je-u-mirnom-razlazu.html>

Одлука о констатовању резултата републичког референдума (Решение о констатации республиканского референдума) // Народна скупштина Републике Српске. 2016. 11 окт. // URL: <http://www.narodnaskupstinars.net/?q=ci/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8/%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D1%83%D0%BA%D0%B5>

Rezultati popisa. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest, maternji jezik // Popis 2013 // URL: https://www.popis.gov.ba/popis2013/doc/Knjiga2/K2_S_E.pdf

Case of Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina (nos. 27996/06, 34836/06) // The European Court of Human Rights. 2009. 22 dec. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-96491>

Статья поступила в редакцию 25 мая 2021 г.

Проблемы политологического образования в современной России

Попытка количественного исследования

Андрей АБРАМОВ
Антон ВОРОБЬЁВ

Политологическое образование в России вчера и сегодня

Судьбу политологии как науки и учебной дисциплины в России нельзя назвать простой. Первые опыты преподавания нравственно-политических наук в императорских университетах и Царскосельском лицее датируются концом XVIII – началом XIX в. Вскоре, однако, дисциплины были запрещены, и академическое возрождение политических наук состоялось лишь в конце XX столетия.

4 ноября 1988 г. на волне перестройки и демократизации общественной жизни Государственный комитет СССР по науке и технологиям принял постановление № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», включив в перечень научных специальностей «политические науки». 25 января 1989 г. Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР утвердила данную номенклатуру, начав

АБРАМОВ Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. РИНЦ *SPIN-код*: 2858-5799, AuthorID: 253461, *E-mail*: abram-off@mail.ru

ВОРОБЬЁВ Антон Павлович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. РИНЦ *SPIN-код*: 6229-9506, AuthorID: 665735, *E-mail*: camaro1@yandex.ru

Ключевые слова: политологическое образование, подготовка политологов, политическое воспитание, учебник по политологии, статус политологии.

подготовку в стране научных и научно-педагогических кадров [1, 2].

Одновременно с принятием новой номенклатуры в вузах Советского Союза вместо идеологизированных дисциплин началось чтение курсов политологии, стали создаваться кафедры, а в классических университетах и специализированных институтах Москвы и Санкт-Петербурга – отделения политической науки. Распад СССР и превращение России в субъект мировой политики способствовало появлению новых «точек роста» политической науки: Казань, Краснодар, Тамбов, Ростов-на-Дону, Саратов, Тула и др.

В результате к сегодняшнему дню в Российской Федерации насчитывается чуть более 50 вузов, осуществляющих специализированную подготовку политологов.

Таким образом, в течение 30 лет в стране в целом была создана система политологического образования.

В российской научной литературе существуют две трактовки современного политологического образования.

Широкая трактовка изложена в работе А. В. Варфоломеевой и О. Е. Чуйкова, определяющих понятие как процесс усвоения знаний

молодыми людьми «в рамках изучения политологии как дисциплины социально-гуманитарного блока в учебном плане любого направления подготовки и других дисциплин, в той или иной мере касающихся вопроса изучения политики» [3].

Узкая трактовка принадлежит В. Г. Семенову и Е. В. Сергееву, которые понимают под политологическим образованием «процесс профессиональной подготовки политологов, который осуществляется в высших учебных заведениях в соответствии с теми целями и задачами, которые изложены в государственном стандарте» [4].

С нашей точки зрения, широкий подход более оправдан, поскольку, *во-первых*, не ограничивает аудиторию обучающихся одной узкоспециализированной группой, а *во-вторых*, не привязывает обучение к конкретному нормативному документу. Как известно, даже в современной России образовательные стандарты появились далеко не сразу, что уж говорить про подготовку студентов в XVIII–XIX вв.

Политологическое образование не раз становилось предметом обсуждения на российских научных форумах [5]. Вместе с тем современ-

¹ Коваленко В. И. Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. № 4.

² Шутлов А. Ю., Соболев В. А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71.

³ Варфоломеева А. В., Чуйков О. Е. Влияние политологического образования на процесс социализации студенческой молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 112.

⁴ Семенова В. Г., Сергеева Е. В. Политологическое образование в условиях адаптации государственных стандартов третьего поколения // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2012. Т. 12. № 1. С. 95.

⁵ Политическое образование в современной России и в мире. Материалы III съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf

ные исследователи, трактующие процесс и в широком и в узком смыслах [6, 7, 8], обращают своё внимание преимущественно на содержательную сторону процесса, не уделяя должного внимания формальным проблемам:

- исследованию контингента обучающихся;
- изучению кадров, осуществляющих обучение;
- статусу политологии среди современных социально-гуманитарных дисциплин.

Проблема набора студентов-политологов

Система современного российско-го политологического образования пока ещё далека от идеала из-за наличия целого ряда дисфункций, порождаемых, как известно, функционированием любой системы.

Указанные формальные проблемы можно разделить на три группы:

- к *первой* относятся **сложности, возникающие при наборе студентов-политологов**.

Согласно данным экспертного опроса, среди представителей регионального политологического сообщества*, одной из наиболее значимых вопросов развития политологического образования в России является *проблема бюджетных мест, выделяемых на подготовку политологов в вузах*.

На первый взгляд статистика опровергает скептицизм экспертов. Как видно из табл. 1, начиная с 2017–2018 гг. происходит постепенное увеличение бюджетных мест для обучения по образовательным программам бакалавриата для укрупнённой группы специальностей и направлений «Политические науки и регионоведение».

Однако одновременно с этим доля бюджетных мест в магистратуру и аспирантуру по сравнению с 2016–2017 гг. сократилось примерно на 20%. Кроме того, указанные данные приведены по бюджетным местам в рамках всей укрупнённой группы «Политические науки и регионоведение», которая согласно Федеральному го-

⁶ Клемешев А. П. Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. «Политические науки». 2014. № 5.

⁷ Керимов А. А. Политическое образование как фактор формирования гражданской идентичности // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. О. М. Семерикова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019.

⁸ Кирыченко Д. И., Мирошников И. С., Радько Е. Д. Политологическое образование в центрах и регионах России: линии сравнения // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2 частях / под общ. ред. И. М. Ильинского. М., 2019.

* В экспертном опросе приняли участие 21 преподаватель политологии из Северо-Западного, Южного, Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Исследование проводилось в феврале-марте 2021 г. путём телефонного и онлайн-опросов.

Таблица 1

**Контрольные цифры приёма (КЦП) для обучения
по образовательным программам бакалавриата, магистратуры
и аспирантуры по укрупнённой группе специальностей
и направлений подготовки (УГСН) «41.00.00. Политические
науки и регионоведение»**

количество мест

По годам:	По образовательным программам:				
	бакалавриата		магистратуры		подготовки научно-пе- дагогиче- ских кадров в аспиран- туре по оч- ной форме обучения
	всего	в том числе по очной форме	всего	в том числе по очной форме	
2015–2016	2416	2407	1995	1903	188
2016–2017	2200	2119	2538	2162	246
2017–2018	2148	2062	1801	1656	190
2018–2019	2294	2170	1890	1663	159
2019–2020	2626	2482	1737	1690	168
2020–2021	2577	2442	1631	1566	178
2021–2022	2578	2442	1598	1535	178
2022–2023	2684	2548	1727	1664	200

Источник. Подсчёты произведены на основании приказов Минобрнауки России «Об утверждении общих объёмов контрольных цифр приёма по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупнённым группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета» // URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=27623

сударственному образовательному стандарту (ФГОС) 3++ включает пять направлений подготовки:

- зарубежное регионоведение;
- регионоведение России;
- политология;
- международные отношения;
- публичная политика и социальные науки.

Как отмечали во время опроса эксперты, в регион приходят цифры на всю укрупнённую группу специальностей и направлений

(УГСН) и распределяются по разным направлениям в зависимости от запросов вузов. Если же университет готовит специалистов по нескольким направлениям, а количество мест минимально, вузы вынуждены делать выбор в пользу одного из направлений.

Анализ статистики распределения бюджетных мест в рамках УГСН показывает, что в 2014 г. на направление «Политология» было выделено 904 бюджетных места.

В 2020 г. число бюджетных мест составило уже 946. Однако рост показателей объясняется, судя по всему, тем, что в 2018 г. из УГСН «Политическое науки и регионоведение» было выведено направление подготовки «41.03.03. Востоковедение и африканистика» и сохранившиеся бюджетные места были распределены между направлениями «Политология» и «Международные отношения».

Подобная картина наблюдалась и по приёму в магистратуру: в 2014 г. на подготовку политологов было выделено 405 бюджетных мест, а в 2020 г. – 583.

Не менее интересные результаты даёт анализ статистики распределения бюджетных мест, выделенных на политологию, по российским регионам*.

Так, в 2020 г. набор бакалавров для обучения за счёт средств бюджета был произведён в 34 регионах.

В Белгородской области бакалавры были приняты для обучения только на платной основе.

В остальных субъектах Федерации приём абитуриентов для получения политологического образования на коммерческой основе либо не проводился вовсе, либо проводился.

Так произошло, например, в Республике Бурятия, Забайкальском крае, Московской области, где ранее сложились сильные политологические школы.

Приём в магистратуру за счёт средств бюджета был осуществлён в 31 регионе.

В целом распределение бюджетных мест по федеральным округам выглядит следующим образом:

- Центральный – 40,07%;
- Южный – 16,68%;
- Северо-Западный – 13,72%;
- Сибирский – 10,98%;
- Приволжский – 8,67%;
- Уральский – 6,59%;
- Дальневосточный – 2,63%;
- Северо-Кавказский – 0,66%.

Как нетрудно заметить, наблюдается явная диспропорция в распределении бюджетных мест по субъектам Российской Федерации.

Так, на долю московских вузов приходится 31,1% всех бюджетных мест (295 мест), что неудивительно, ведь здесь находятся самые престижные факультеты политологии и действуют признанные научные школы.

В Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах набор бакалавров состоялся только в Ставропольском и Приморском краях.

Диспропорция наблюдается не только в количестве бюджетных мест, но и в качестве подготовки абитуриентов.

Согласно проведённому Высшей школой экономики мониторингу качества бюджетного приёма в вузы России 2020 г. [9], в стране сформировалась «большая четвёрка» ведущих политологических факультетов:

⁹ Мониторинг качества приёма в вузы // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики // URL: <https://ege.hse.ru/rating/2020/84025342/all/>

* Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/>

факультеты политологии МГИМО, МГУ, СПбГУ и факультет социальных наук НИУ ВШЭ. Данные структуры традиционно конкурируют за самых сильных абитуриентов страны.

В то же время усиливается конкуренция и со стороны других вузов.

Среди московских университетов, не входящих в «четвёрку», самые высокие показатели баллов ЕГЭ демонстрируют абитуриенты РАНХиГС, РУДН, РГГУ и РЭУ.

Среди региональных вузов наиболее стабильные показатели у Уральского, Казанского, Томского и Пермского университетов.

Всего же, согласно мониторингу, в России приём на бюджетные места по направлению «Политология» ведут 57 вузов, из них 13 представляют Москву, 3 – Санкт-Петербург, по 2 – Ростов-на-Дону и Саратов.

Таким образом, одной из острейших проблем политологического образования России является концентрация системы подготовки студентов в центре страны. Отсутствие в ряде регионов бюджетных мест порождает необходимость набора студентов для обучения на коммерческой основе, что, *во-первых*, негативно сказывается на контингенте обучающихся (как правило, на платные места претендуют абитуриенты с невысокими баллами ЕГЭ), а *во-вторых*, вообще не всегда осуществимо в силу невысокой платёжеспособности населения в ряде населённых пунктов. Отсутствие набора приводит к сокращению нагрузки на кафедрах политоло-

гии, за которым неизбежно следует и сокращение штатных единиц профессорско-преподавательского состава. Действующие юридические нормы не дают возможности профессиональному политологическому сообществу повлиять на распределение бюджетных мест.

Неотъемлемой частью проблемы численности студентов-политологов в России является общая *неопределённость профессиональных перспектив обучающихся*.

Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов не содержит профессии или должности «политолог». Не утверждён и подготовленный проект соответствующего профессионального стандарта [10].

Всё это невыгодно отличает политологию от другого направления УГСН – «Международные отношения».

Как свидетельствует статистика 2020 г., при практически равном количестве бюджетных мест по двум направлениям (946 и 904 соответственно) наблюдается большая разница среди желающих получить образование на платной основе: так, на 1104 политолога приходится 3723 международника.

Такой дисбаланс объясняется ясной карьерной перспективой студента, обучающегося по специальности «международные отношения»: он видит себя дипломатом или сотрудником международного отдела крупной компании. Столь же очевидную профессиональную траекторию диплом политолога

¹⁰ Профессиональный стандарт. Политолог (проект) // Российское общество политологов // URL: <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/docs/Profstandart.pdf>

предоставить, к сожалению, не может. Политические партии, общественные организации и государственные структуры не проявляют должного интереса к студентам с политологическим образованием. Значительная часть политической и административной элиты уверена в том, что она разбирается в вопросах политики и управления гораздо лучше любого специалиста [11]. Поэтому представители правящего класса готовы привлечь политологов только лишь для решения тактических вопросов:

- организации выборов;
- написания речей;
- освещения деятельности политика в СМИ и киберпространстве.

В результате выпускники политологических факультетов вынуждены

искать себя в смежных с политикой областях: заниматься менеджментом, рекламой, пиаром, преподавательской деятельностью в школе или студенческом специальном учебном заведении (ССУЗ). При этом чаще всего выпускнику приходится переучиваться.

Очевидно, что именно туманные карьерные перспективы негативно сказываются на престижности политологического образования в России.

Согласно опросу ВЦИОМ, лишь 15% взрослых россиян хотели бы видеть своего ребёнка политологом, в то время как 72% не видят будущее своих детей в этой профессии.

При этом треть респондентов выступает категорически против такого профессионального выбора своего чада [12].

Актуальные вопросы подготовки преподавательских кадров

Помимо вопросов, связанных с подготовкой студентов, *второй серьёзной проблемой политологического образования в РФ является* кадровая проблема. Она заключается в низких темпах обновления профессорско-преподавательского состава вузов на фоне его старения.

Как отмечают эксперты, в региональных университетах год от года снижается число преподавателей политологии моложе 35 лет. Причины этого кроются прежде всего в низкой заработной плате ассистента (именно такую должность,

как правило, занимает молодой специалист) при большой интеллектуальной и физической нагрузке, вызванной значительным объёмом аудиторных часов. Ситуацию отчасти спасает грантовая поддержка, организуемая специализированными фондами, но её конкурсный характер не обеспечивает регулярности доходов участников, что отрицательно сказывается на включённости молодых специалистов в научно-педагогическую жизнь.

Не стимулируют притока новых педагогических кадров и возрастаю-

¹¹ Черняховский С. Инженеры вместо фантазёров // Агентство политических новостей // URL: <https://www.apn.ru/publications/article10977.htm>

¹² Профессия: политолог // Всероссийский центр изучения общественного мнения // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10547>

щие с каждым годом формальные требования к обеспечению образовательного процесса: разработка и переработка рабочих программ дисциплин, фондов оценочных средств, технологических карт и т. п. По затратам трудового времени такая деятельность не уступает аудиторной нагрузке.

Таким образом, перед молодым специалистом возникает дилемма: заняться тяжёлым, рутинным и низкооплачиваемым преподавательским трудом или попытаться реализовать себя в иной сфере, например в бизнесе. В этих условиях состав преподавателей пополняют только настоящие подвижники, число которых всегда было невелико.

Карьерный рост молодого преподавателя в немалой степени зависит от наличия у него учёной степени, однако и здесь в последние годы наблюдаются сложности, связанные с объективными и субъективными трудностями при подготовке и защите диссертации.

Как отмечают опрошенные эксперты, опыты с превращением аспирантуры в третью ступень высшего образования (т. е. увеличение образовательного компонента в ущерб научно-исследовательскому) негативным образом сказались на динамике защит кандидатских диссертаций. Сложилась ситуация, когда аспирант, освоивший программу аспирантуры, прошедший итоговую аттестацию и получивший квалификацию «Исследователь. Преподаватель-исследователь», приобретает право преподавать в вузе и без учёной

степени. Если же за годы обучения аспирант не подготовил диссертации, завершать создание научного труда ему придётся уже без научного руководителя, юридическая связь с которым обрывается после завершения срока обучения. Однако финальная подготовка к защите диссертации является весьма сложным, специфичным процессом, и без опытного наставника аспиранту успешно подготовиться к защите практически невозможно.

Наглядное представление о тенденции снижения численности аспирантов вообще и успешно защитивших диссертации в частности за последние годы дают табл. 2 и 3.

Одной из причин сложившегося положения дел с присуждением учёной степени кандидата и доктора наук является начавшаяся в 2014 г. оптимизация сети диссертационных советов в стране.

Как отметил в своём интервью председатель Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ (ВАК) В. М. Филиппов, за пять лет оптимизации количество советов по присуждению учёной степени кандидата и доктора наук уменьшилось на 30%, а число защит кандидатских и докторских диссертаций сократилось вдвое, что свидетельствует о невозможности защит «липовых» работ и повышении качества диссертаций [13].

Повышение требований к организациям и кандидатам в члены диссертационных советов привело к сокращению советов и по политическим наукам.

¹³ Количество кандидатских и докторских диссертаций сократилось в РФ почти вдвое за пять лет // ТАСС // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/4868705>

Таблица 2

Основные показатели деятельности аспирантуры в России в 2010–2019 гг.

человек

Годы	Численность аспирантов	Выпуск из аспирантуры:	
		всего	в том числе с защитой диссертации
2010	157 437	33 763	9 611
2015	109 936	25 826	4 651
2019	84 265	15 453	1 629

Источник. Подсчёты произведены на основании статистических данных по основным показателям деятельности аспирантуры, ординатуры, ассистентуры-стажировки и докторантуры, представленных Федеральной службой государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13398>

Таблица 3

Динамика деятельности аспирантуры и докторантуры по направлению «Политические науки и регионоведение» в 2017–2020 гг.

человек

Годы	Выпуск из аспирантуры:	
	всего	в том числе с защитой диссертации
аспирантура		
2017	178	7
2018	266	9
2019	256	5
2020	242	4
докторантура		
2018	12	5
2019	8	2
2020	6	1

Источник. Подсчёты произведены на основании статистических данных по выпуску аспирантов по отраслям наук и по направлениям подготовки, представленных Федеральной службой государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13398>

Таблица 4

Динамика защит кандидатских и докторских диссертаций по политическим наукам в России в 2014–2020 гг.

штук

Тип диссертации	По годам:										
	2014	2015	2016	2017		2018		2019		2020	
	ВАК *	ВАК	ВАК	ВАК	ВВ **	ВАК	ВВ	ВАК	ВВ	ВАК	ВВ
кандидатские	148	195	151	95	6	60	38	80	54	17	59
докторские	25	23	17	9	1	8	3	14	5	5	5

Примечание: * ВАК – диссертации, рассмотренные Высшей аттестационной комиссией.

** ВВ – диссертации, рассмотренные ведущими вузами, которым предоставлено право самостоятельного присуждения ученой степени.

Источник: Подсчёты произведены на основании: Зорин В.Ю., Абрамов А.В. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 6; Отчёты экспертного совета ВАК по политологии и данных онлайн-сервиса ВАК // URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~

Если в 2013 г. в стране насчитывалось 56 диссертационных советов, то к началу 2015 г. их осталось уже 42 (в том числе 14, открытых на базе организаций, расположенных не в Москве и Санкт-Петербурге).

В результате оптимизации положение дел существенно изменилось: к концу 2016 г. под контролем ВАК функционировало лишь 26 диссертационных советов, из которых за пределами столиц располагались всего 7.

Совсем без диссертационных советов остался Сибирский федеральный округ (были закрыты советы в Бурятском и Забайкальском университетах), но наибольшее число сокращённых советов в абсолютных цифрах пришлось на Центр: здесь из 30 организаций осталось работать только 18.

В 2017 г. наиболее эффективные вузы страны получили право самостоятельного (без утверждения ВАК) присуждения учёных степеней, что ещё

более сократило сеть диссертационных советов ВАК: к концу 2020 г. их насчитывалось всего 11*.

Сокращение числа диссертационных советов повлияло и на снижение числа россиян, имеющих научную степень (табл. 4).

Как видно из табл. 4, начиная с 2016 г. наблюдается сокращение числа лиц, получивших учёную степень в диссертационных советах.

Если в 2012 г. на один диссертационный совет приходилось в среднем 4,81 защит, то в 2018 г. этот показатель снизился до 3,38.

Указанная тенденция может быть оценена двояко: с одной стороны, снижение показателей можно трактовать как повышение требовательности научного сообщества к каче-

* Расчёты произведены по данным сайта ВАК (<http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/dissovet>). В расчёт не включены два диссовета, расположенных в Таджикистане и Киргизии и относящихся к системе ВАК России.

ству научной работы, что нельзя не оценить положительно, а с *другой* – отсутствие диссертационных советов в некоторых регионах России заставляет соискателей учёной степени тратить время и средства на поиск организаций, на базе которой может произойти защита. Невысокие зарплаты преподавателей в регионах и значительная аудиторная нагрузка, не дающая возможность надолго отлучаться, зачастую делают вероятность защиты подготовленной диссертации минимальной.

Особенную тревогу вызывает незначительное число защит докторских диссертаций, поскольку именно из числа докторов наук формируются диссертационные

советы. Малое число новых докторов наук и естественная убыль старых способно в перспективе ещё более усугубить ситуацию с сетью диссертационных советов в регионах. Думается, что инициативы ВАК по снижению в будущем требований к количеству членов создаваемого диссертационного совета способны решить проблему лишь отчасти. Учитывая ситуацию, руководителям региональных вузов следовало бы шире изыскивать возможности для создания режима «наибольшего благоприятствования» в отношении перспективных кандидатов наук, работающих над докторской диссертацией.

Нерешённые вопросы статуса дисциплины «Политология»

К третьей группе проблем политологического образования в России можно отнести неопределённость статуса дисциплины «Политология» в учебном процессе.

В условиях реализации образовательного стандарта 3++ происходит постепенное сокращение преподавания политологических курсов и спецкурсов в учебных планах негуманитарных направлений обучения. Это делается, *во-первых*, по причине сокращения объёмов аудиторных часов и количества студенческих групп, а *во-вторых*, возможность не включать политологию в учебные планы аргументируется руководством факультетов тем, что в рамках образовательных стандар-

тов нового поколения среди компетенций неполитологических специальностей и направлений подготовки отсутствует упоминание самого термина «политика». В лучшем случае в учебных планах появляется дисциплина «Основы права и политологии» (другой вариант: «Основы социологии и политологии»), рассчитанная на один семестр обучения. В таких ограниченных временных условиях достаточно сложно сформировать у студентов научные представления о современных глобальных, национальных и региональных политических процессах.

«...ФГОС*, – отмечает заведующий кафедрой политических наук

* Федеральный государственный образовательный стандарт.

Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского А. А. Вилков, – не ориентируют на изучение политической системы современной России и особенностей её функционирования. Поэтому включение политологии в учебные планы и её преподавание становятся заложниками межличностных отношений заведующего кафедрой и преподавателей с деканами других факультетов. В условиях “дорожной карты” по оптимизации нагрузки и штатного расписания это приводит к минимизации возможностей преподавания политологии на негуманитарных факультетах. Общение с коллегами из других регионов России показывает, что такая ситуация имеет место во многих российских вузах. В результате... студенты лишаются возможности получить знания о политике и политической системе, о ключевых политических институтах и механизмах и принципах их функционирования. Нереализованной остаётся функция формирования активистской политической культуры, воспитания граждан, патриотически настроенных, осознанно и активно участвующих в политической жизни страны, способных к самостоятельному анализу,

рациональному и критическому осмыслению и решению накопившихся политических и социально-экономических проблем» [14].

Отсутствие преподавания политологии в вузе порождает ситуацию, когда знания будущих специалистов о российской политической системе и политике в целом остаются на уровне школьного курса обществознания, где вопросы политики, *во-первых*, занимают довольно скромное место, а *во-вторых*, представлены как идеальные модели и ссылки на «передовой западный опыт».

Таким образом, формирование политических представлений студенческой молодёжи, по сути, отдано на откуп социальным сетям и новым медиа, транслирующим эмоционально окрашенную, как правило, недостоверную, а зачастую и экстремистскую позицию.

Вспыхивающие на постсоветском пространстве «цветные революции», движущей силой которых выступает радикально настроенная молодёжь, демонстрируют, что невнимание, проявляемое властью имущими, к вопросам политического образования и воспитания может иметь самые негативные последствия для судьбы страны.

В связи с этим назрела необходимость выстраивания единой системы политологического образования, которое началось бы в школе, а завершилось в вузе. При этом акцент необходимо сделать на формирование качеств гражданина, готового к конвенциональному участию в политике, к совместному с государством совершенствованию политической системы, к желанию трудиться во благо Отечества.

¹⁴ Вилков А. А. Преподавание политологии на негуманитарных факультетах вуза: проблемы и перспективы // Политическое образование в современной России и в мире. Материалы III съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) С. 48 // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf

Конструктивными представляются результаты состоявшегося 23–24 апреля 2021 г. семинара, организованного Российским обществом политологов, указавшего на необходимость введения дисциплины «Основы политических знаний» в учебную программу основного и среднего общего образования.

Как отметили участники семинара, внедрение новой дисциплины обусловлено прежде всего содержательными пробелами и ценностно-смысловыми недостатками существующего в современной школе цикла общественных дисциплин, которые ориентированы на формирование знаний об обществе в целом без опоры на ценности, историю и современные российские реалии. По сути, преподавание школьного курса обществознания превратилось в заучивание фактов, необходимых для сдачи ОГЭ и ЕГЭ [15]. В таких условиях очевидно, что у молодых людей не формируются способности опознавать ведущиеся против страны информационные атаки и отсутствует умение противостоять влиянию деструктивных и экстремистских сил в обществе.

Создание системы политологического образования по линии «школа – вуз» позволило бы восполнить имеющиеся пробелы гражданского воспитания, а также положительно сказалось бы на системе подготовки политологических кадров высшего образования, сделав из политолога не шабашника, нанимающегося к политикам для написания речей и проведения выборных кампаний, а специалиста, занимающегося понастоящему нужной и ценной для страны работой по гражданско-политическому образованию будущих поколений.

Библиография • References

Варфоломеева А. В., Чуйков О. Е. Влияние политологического образования на процесс социализации студенческой молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 110–114.

[Varfolomeeva A. V., Chuykov O. E. Vliyaniye politologicheskogo obrazovaniya na process socializacii studencheskoj molodyozhi // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2015. T. 10. № 5. S. 110–114]

Вилков А. А. Преподавание политологии на негуманитарных факультетах вуза: проблемы и перспективы // Политическое образование в современной России и в мире. Материалы III съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) С. 46–48 // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf

[Vilkov A. A. Prepodavanie politologii na negumanitarnykh fakul'tetah vuza: problemy i perspektivy // Politicheskoe obrazovanie v sovremennoj Rossii i v mire. Materialy III s'ezda Rossijskogo obshchestva politologov (Moskva, 10–12 sentyabrya 2018 g.) S. 46–48 // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf]

¹⁵ РОП провело семинар по разработке школьного предмета и учебника о политике // Российское общество политологов // URL: <http://ruspolitology.ru/sobytiya/11624/>

- Зорин В. Ю., Абрамов А. В. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 1–22.
- [Zorin V. YU., Abramov A. V. Gosudarstvennaya nacional'naya politika, konsolidatsiya obshchestva i politicheskaya nauka v sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2018. № 1. S. 1–22]
- Керимов А. А. Политическое образование как фактор формирования гражданской идентичности // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. О. М. Семерикова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. С. 64–70.
- [Kerimov A. A. Politicheskoe obrazovanie kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti // Industrial'noe razvitie regiona i mira: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii / отв. ред. О. М. Семерикова. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2019. S. 64–70]
- Киряченко Д. И., Мирошников И. С., Радько Е. Д. Политологическое образование в центрах и регионах России: линии сравнения // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2 частях / под общ. ред. И. М. Ильинского. М., 2019.
- [Kiryachenko D. I., Miroshnikov I. S., Rad'ko E. D. Politologicheskoe obrazovanie v centrakh i regionah Rossii: linii sravneniya // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: rol' humanitarnogo obrazovaniya v kontekste tekhnologicheskikh i sociokul'turnykh izmenenij. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Doklady i materialy. V 2 chastyah / pod obshch. red. I. M. Il'inskogo. M., 2019]
- Клемешев А. П. Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. «Политические науки». 2014. № 5. С. 39–42.
- [Klemeshev A. P. Rossijskoe politologicheskoe obrazovanie: problemy i perspektivy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. «Politicheskie nauki». 2014. № 5. S. 39–42]
- Коваленко В. И. Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. № 4. С. 101–105.
- [Kovalenko V. I. Politicheskaya nauka i politologicheskoe obrazovanie v Rossii: osnovnye vekhi // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2010. № 4. S. 101–105]
- Количество кандидатских и докторских диссертаций сократилось в РФ почти вдвое за пять лет // ТАСС // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/4868705>
- [Kolichestvo kandidatskikh i doktorskikh dissertacij sokratilos' v RF pochti vdvoe za pyat' let // TASS // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/4868705>]
- Мониторинг качества приёма в вузы // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики // URL: <https://ege.hse.ru/rating/2020/84025342/all/>
- [Monitoring kachestva priyoma v vuzy // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet Vysshaya shkola ekonomiki // URL: <https://ege.hse.ru/rating/2020/84025342/all/>]
- Отчёты экспертного совета ВАК по политологии и данных онлайн-сервиса ВАК // URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~
- [Otchyoty ekspertnogo soveta VAK po politologii i dannyh onlajn-servisa VAK // URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~]

- Политическое образование в современной России и в мире. Материалы III съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf
- [Politicheskoe obrazovanie v sovremennoj Rossii i v mire. Materialy III s'ezda Rossijskogo obshchestva politologov (Moskva, 10–12 sentyabrya 2018 g.) // URL: http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2020/11-12/3_congress.pdf]
- Профессиональный стандарт. Политолог (проект) // Российское общество политологов // URL: <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/docs/Profstandart.pdf>
- [Professional'nyj standart. Politolog (proekt) // Rossijskoe obshchestvo politologov // URL: <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/docs/Profstandart.pdf>]
- Профессия: политолог // Всероссийский центр изучения общественного мнения // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10547>
- [Professiya: politolog // Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10547>]
- РОП провело семинар по разработке школьного предмета и учебника о политике // Российское общество политологов // URL: <http://ruspolitology.ru/sobytiya/11624/>
- [ROP provelo seminar po razrabotke shkol'nogo predmeta i uchebnika o politike // Rossijskoe obshchestvo politologov // URL: <http://ruspolitology.ru/sobytiya/11624/>]
- Семенова В.Г., Сергеева Е.В. Политологическое образование в условиях адаптации государственных стандартов третьего поколения // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2012. Т. 12. № 1. С. 94–100.
- [Semenova V.G., Sergeeva E.V. Politologicheskoe obrazovanie v usloviyah adaptacii gosudarstvennyh standartov tret'ego pokoleniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Sociologiya. Politologiya». 2012. T. 12. № 1. S. 94–100]
- Черняховский С. Инженеры вместо фантазёров // Агентство политических новостей // URL: <https://www.apn.ru/publications/article10977.htm>
- [CHernyakhovskij S. Inzhenery vmesto fantazyorov // Agentstvo politicheskikh novostej // URL: <https://www.apn.ru/publications/article10977.htm>]
- Шутов А.Ю., Соболев В.А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.
- [SHutov A. YU., Sobolev V.A. Stanovlenie politicheskoy nauki v SSSR: k 30-letiyu oficial'nogo priznaniya // Dialog so vremenem. 2020. № 71. S. 28–38]
- <https://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/dissovet>
- <https://minobrnauki.gov.ru/>
- https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=27623
- <https://rosstat.gov.ru/folder/13398>
- <https://rosstat.gov.ru/folder/13398>

Статья поступила в редакцию 23 июня 2021 г.

Предложения к новой редакции Стратегии национальной безопасности России

Рецензия

Самбу ЦЫРЕНДОРЖИЕВ

В Военной доктрине Российской Федерации среди основных задач государства по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов первой названа оценка и прогнозирование развития военно-политической обстановки (ВПО) на глобальном и региональном уровнях, а также состояния межгосударственных отношений в военно-политической сфере с использованием современных технических средств и информационных технологий.

Это обстоятельство достаточно красноречиво свидетельствует о значении квалифицированного, объективного анализа ВПО и разработки научно обоснованного прогноза её развития на требуемую глубину в соответствии с потребностями стратегического планирования.

Рецензируемая монография «Оценка и прогноз военно-политической обстановки»* является итогом многолетних исследований, выполненных профессором А. И. Подберёзкинским и возглавляемым им коллективом Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

ЦЫРЕНДОРЖИЕВ Самбу Рабданович – кандидат военных наук, доцент, ведущий научный сотрудник ОАО «НПО РусБИТех», ФГБУ «46 ЦНИИ» МО РФ, генерал-майор в отставке. E-mail: alkhanyay@mail.ru

Ключевые слова: международные отношения, военно-политическая обстановка, Россия, США.

* Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.

Эта работа по глубине исследований и широте охвата научных проблем – полноценная научная монография, хотя по стилю и детальности изложения её материалы могут быть с успехом использованы в учебном процессе.

Отличительной чертой работы является тесная связь описываемых процессов формирования как самой ВПО, так и оценок её содержания с реальными событиями в Новейшей истории России, непосредственным участником которых является автор. Это придаёт книге особую актуальность. А. И. Подберёзкин удалось уйти от мемуарного стиля изложения, сделать соответствующие выводы, которые подтверждают теоретические положения о факторах и условиях формирования ВПО.

Суть авторской гипотезы оценки МО и ВПО заключается в необходимости точного анализа и прогноза развития наиболее вероятного сценария ВПО как важнейшего условия разработки эффективной Стратегии национальной безопасности России и её развития, основанной на приоритетах национального человеческого капитала.

В данной формулировке нет кардинальной новизны, все исследователи, исповедующие сценарный метод, идут по этому пути: из некоего множества вероятных сценариев развития МО и ВПО выбирают наиболее вероятные и с помощью соответствующего инструментария анализируют возможный ход и исход взаимодействия субъектов МО на

основе формирования оценок состояния обстановки. Важно, и именно в этом, на мой взгляд, состоит новизна авторского подхода, – автор рассматривает в качестве субъектов МО не только и не столько государства, а локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), при этом стремясь в равной степени учесть роль иных акторов международных и военно-политических отношений.

Ключевыми и, по-моему, дискуссионными, являются положения о формировании сценариев разви-

тия МО и ВПО, а также вытекающих из них сценариев стратегической обстановки. Автор не стремится показать методологию формирования представительного множества сценариев, которые охватывают все имеющие значимость тенденции мирового развития. Любой сценарий – это результат различного сочетания их

взаимодействий. Если пренебречь флуктуациями, то каждую из тенденций можно описать достаточно чётко, с вполне определёнными свойствами при их реализации в разных геостратегических условиях.

Формулирование тенденций мирового развития – первый и крайне важный интеграционный шаг с позиций укрупнения неограниченного множества факторов, формирующих МО и ВПО.

При этом, говоря о прогнозном состоянии обстановки, можно не учитывать индивидуальные черты военно-политического руководства государств, локальных человеческих



цивилизаций или других акторов. Они активны в текущее время и на ближайшую перспективу. Средне-срочный и дальнесрочный периоды, более всего необходимые для стратегического планирования, должны учитывать национальные, жизненно важные интересы акторов.

Международная политическая обстановка – это результат проведения перечисленными субъектами и акторами своей внешней политики. Если исходить из того, что внешняя политика должна преследовать достижение интересов всех субъектов и акторов в условиях воздействия на политику мировых тенденций (экономических, научно-технических, военных и социокультурных), то складывающуюся картину можно представить, как некое многомерное векторное множество. Важнейшим условием обеспечения объективности оценок является влияние центров силы на величину и направленность векторов, отражающих направление и потенциал международного влияния каждого из субъектов МО и ВПО.

А вот для оценивания МО и ВПО нужна модель их состояния как срез общего положения дел в международных отношениях и военно-политической обстановки применительно, например, к Российской Федерации.

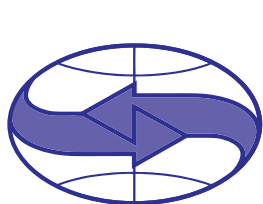
И здесь мне не хватает системы показателей для оценивания состояния МО и ВПО.

А. И. Подберёзкин уделит много внимания проблемам влияния субъективных факторов на формирование МО и ВПО и на содержание их оценок. Однако при всём значении субъективных факторов в политике государств он всё же говорит о том, что так или иначе военный потенциал отражает цели, поставленные элитой этих государств. Примеров тому масса.

Это и Россия, и США.

В США, вне зависимости от смены в руководстве партий, политика государства остаётся практически неизменной. А в России элита, сформированная Западом в конце XX в., длительное время ведёт внешнюю и внутреннюю политику вопреки национальным интересам страны. На всё это накладывается качество экспертного сообщества, в котором, на мой взгляд, приличной методологии оценивания МО и ВПО нет.

В этой ситуации работа Подберёзкина А. И. является серьёзным вкладом в создание фундаментальной методологии оценки МО и ВПО. Её отличает то, что автор обладает не только уникальным опытом анализа внешнеполитических процессов вокруг России на протяжении более чем 30 лет, но и несомненным талантом публициста, способного ярким, образным языком излагать результаты своих исследований в столь важной области приложения научных знаний.



ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents



Political sciences

New Russia's national security strategy: continuity and developmen

5

M. Neimark

On July 2nd, 2021 President V.V. Putin approved a new version of the National Security Strategy of the Russian Federation. It reflects new risks and threats in the modern world and the ways to counter them, as well as those changes within Russia itself, thanks to which in recent years its position in global politics has been significantly strengthened and its role has increased not only in shaping the world agenda, but also in its implementation.

About the author: NEIMARK Mark A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: Russia, national security, geopolitics, strategic stability, NSS-21.

Unilateral Western sanctions as an element of hybrid war

19

A. Orlov

The article examines the problem of unilateral sanctions arbitrarily imposed by the United States, the European Union and other allied states against Russia. The author notes that only the UN Security Council is authorized, in accordance with the UN Charter, to make decisions on the establishment of sanctions regimes against countries that, by their actions, pose a threat to peace and international security. Any other such unilateral actions are a violation of international law and should be considered as a form of aggressive actions. Those unilateral sanctions are part of the tools of a hybrid war. The article notes that it is not necessary to count on the weakening of the anti-

Russian sanctions pressure in the coming years, and the sanctions mechanism itself will acquire more and more sophisticated, insidious and immoral forms.

About the author: Orlov Alexander A. – PhD, Leading Researcher at the Institute of International Studies of the MGIMO University of the Russian Foreign Ministry, Head of the Center for Studies of the United Nations and Other International Organizations.

Key words: Russia, the United States, the West, sanctions, the UN Security Council, the UN Charter, international law.

Institutes for the Development of National Human Capital – an alternative to the military-power means of the policy

33

A. Podberyozkin, O. Rodionov

The article deals with the key issues of the use of national human capital institutions as instruments of power policy: functions, structure, types.

About the authors: PODBERYOZKIN Alexey I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of MGIMO, Director of the Center for Military and Political Studies of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs – Concern VKO «Almaz-Antey».

RODIONOV Oleg E. – Deputy Director of the Center for Military and Political Studies of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation – Concern of VKO «Almaz-Antey»

Key words: human potential, National human capital, NCHK development institutions, measures of military confrontation.

Xi Jinping's ideas on Diplomacy and their place in the discourse of the Russian-Chinese Strategic partnership

48

V. Nezhdanov, P. Tsvetov

The relationship between Russia and China at the present stage has been repeatedly characterized as the most favorable over the entire period of bilateral relations. It is obvious that in many respects their current state and development is associated with the transition of the «fifth generation of leaders» of the PRC led by Xi Jinping to an active foreign policy, which required the introduction of new concepts, such as «The Chinese Dream», «Xi Jinping's Thought on Diplomacy», «Community of a shared future for humankind», «Historical memory». The Russian expert community is faced with the task of further mastering the essence of many definitions coined by the PRC leaders.

About the author: NEZHDANOV Vladimir L. – PhD student at the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

TSVETOV Petr Yu. – PhD in History, associate professor of the Department of International relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

Key words: China, Russia, Xi Jinping Thought, The Chinese Dream, Community of a shared future for humankind.

Cooperation between Russia and Iran in the field of security: problems and prospects

61

S. Vorobyov, G. Rabochev

The article deals with the main aspects of foreign policy interaction between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran in the field of security, with an emphasis on their participation in the Caspian region.

About the author: VOROBYOV Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

RABOCHEV Grigory B. – assistant to a member of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Key words: Russian-Iranian relations, Caspian region, North-South transport corridor, JCPOA.

«Army of Turan» as project of Turkey for Turkic world military integration

70

Threats and prospects

R. Shangaraev

Recently, there has been a change in Turkey's foreign policy vectors, its positions in the Middle East are being strengthened, the military presence in the post-Soviet space is being intensified, including the issue of creating the so-called «Army of Turan», into which it is planned to integrate the armed forces of the Turkic republics of Central Asia and the Caucasus, consolidated on national and religious identity, which in the long term may threaten the strategic interests of Russia.

About the authors: SHANGARAEV Ruslan N. – Ph.D. of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Key words: Russia, Turkey, Central Asia, Caucasus, «Army of Turan», post-Soviet space.

Ethnocultural features of state building in Bosnia and Herzegovina

85

A. Suyazova

The article analyzes interethnic contradictions in Bosnia and Herzegovina and their impact on the process of forming national identity in the republic. The author notes a high degree of disunity among peoples in all spheres of society's life, and, as a consequence, the destructive role of the course towards violent centralization. The conclusion is made about the possibility of establishing stability in the region, subject to progressive development based on a compromise of the parties, the absence of external diktat and strict observance of the constitutional principles of the Dayton Agreement.

About the author: SUYAZOVA Alena G. – PhD in History, Department of International Relations Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

Key words: Bosnia and Herzegovina, ethnic split, The Dayton Agreement, national identity, centralization.

Problems of political science education in modern Russia **An attempt at quantitative research**

96

A. Abramov, A. Vorobiev

The article analyzes statistical data on political science education in modern Russia. The authors focused their attention on the most pressing issues: the recruitment of applicants for budgetary and commercial places in universities, the preparation of graduate students and the defense of dissertations in political sciences, the status of the discipline «Political Science» in the university and secondary school.

About the author: ABRAMOV Andrey V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

VOROBIEV Anton P. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafieva.

Key words: political science education, training of political scientists, political education, a textbook on political science, the status of political science.

Scientific life

Proposals for the new edition of the National Security Strategy of Russia **Review**

111

S. Tsyrendorzhiev

In a review of the monograph by A.I. Podberezkin «Assessment and Forecast of the Military-Political Situation» the great work done by the author and the team headed by him to analyze the military-political situation and develop a scientifically grounded forecast of its development is noted. The paper considers the most probable scenarios of military-political situation as the most important basis for the development of the National Security Strategy of Russia, adequate and effective from the point of view of the existing and projected international situation.

About the author: TSYRENDORZHIEV Sambu R. - Candidate of Military Sciences, Leading Researcher at JSC NPO RusBITech, Federal State Budgetary Institution 46 Central Research Institute of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Associate Professor, Major General retired.

Key words: international relations, military-political situation, Russia, USA.

**Требования к материалам,
представляемым на рассмотрение редакции
журнала «Обозреватель–Observer»
в соответствии с указаниями ВАК**

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, а также справку о проверке на антиплагиат.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”

The article is sent to the editor with a cover letter by e-mail: observer-rau@yandex.ru.

The total volume of the material is up to 20–25 thousand characters with spaces. Authors need to pay attention to compliance with the Russian language.

The text is given in a 14 size of type with 1.5 line spacing and should be structured (i.e. have sections).

References to sources are to be provided in Arabic numerals in square brackets, with continuous numbering, output data, page indication and is to be marked page-by-page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) specifying the output data (place of publication, publisher, year of publication, the total number of pages) and placed without numbering. *Sources in the bibliography are given as well in Latin under the Russian title.*

Foreign sources are indicated in the original language with the output data.

It is necessary to indicate the Universal Decimal Classification and to apply an abstract to the article (not more than 300–500 characters), keywords and brief information about the author (surname, name and patronymic, academic degree, the other title, place of employment, position and contact numbers, SPIN-code), the title of the article. All information – in English and Russian languages.

All text materials should be sent in a single file.

Drawings, graphs, charts are to be provided in JPG or EPS files separately.

As the accompanying documents, the author makes an extract from the decision of the department (scientific division), where the work, containing the recommendation to the article for the publication in the journal. Statement is to be signed by the head of the department (the head of the scientific department) or his deputy and certified by the signature of the corresponding division.

Author of the article is to provide a review made out and certified by the expert – the doctor of sciences, containing recommendation for the publication of the article in the journal.

The originals of the accompanying documents in case of publication of the article must be submitted to the editors.

Requirements for materials are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2021 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в «УП Урал-Пресс»

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **https://delpress.ru/catalog/**
тел.: 8 -499-391-57-36

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
Ушурелу О.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **http://observer.materik.ru**

Подписано в печать 29.07.21.

Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7,5. Печать офсетная. Заказ № .

Отпечатано с готового оригиналмакета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, э. 1, пом. 11, к. 3, оф. 15.